

№ 1 (50)
2023

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА

Редакционный совет:

С. К. Буряков (Омская академия МВД России)

Г. В. Короткова (Отдел организации дознания
УМВД России по Омской области)

С. В. Марковиченко (Следственное управление
Следственного комитета Российской Федерации
по Омской области)

Т. М. Мартыненко (Следственное управление УМВД
России по Омской области)

К. В. Храмов (Арбитражный суд Омской области)

В. А. Шевченко (Прокуратура Омской области)

Редакционная коллегия:

О. И. Бекетов (Омская академия МВД России)

А. А. Бондаренко — ответственный секретарь
(Омская академия МВД России)

В. Н. Борков (Омская академия МВД России)

А. В. Гриненко (Московский государственный
институт международных отношений (Университет)
МИД России)

В. А. Гусев — главный редактор (Омская академия
МВД России)

А. С. Дежнев (Омская академия МВД России)

В. В. Кальницкий (Омская академия МВД России)

В. Ф. Луговик (Омская академия МВД России)

Я. М. Мазунин (Омская академия МВД России)

А. А. Нечепуренко (Омская академия МВД России)

А. В. Павлов (Омская академия МВД России)

Л. А. Пупышева — заместитель главного редактора
(Омская академия МВД России)

С. Б. Россинский (Институт государства и права
Российской академии наук, г. Москва)

И. Г. Смирнова (Байкальский государственный
университет, г. Иркутск)

А. Е. Чечетин (Барнаульский юридический институт МВД
России)

Редактор
Корректор

О. В. Арефьева
Л. И. Замуло

Технический редактор

П. В. Ярославцева

Перевод на английский язык

Ю. И. Алферова

Адрес издателя, редакции и отделения полиграфической
и оперативной печати: Россия, 644092, г. Омск,
пр-т Комарова, 7, ОМА МВД России.
Тел.: (3812) 75-13-04, 75-14-97

Выход в свет 26.06.2023. Тираж 140 экз.

Уч.-изд. л. 8,4. Усл. печ. л. 8,7. Заказ № 175.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна
© Омская академия МВД России, 2023

В НОМЕРЕ

Буряков С. К. Обращение к читателям юбилейного номера 3

Гусев В. А. От главного редактора 4

Административное право и административный процесс

Водяная М. Ю., Старостин А. А. Запрет на въезд на территорию
Российской Федерации: основания и принятие решений 5

Производство по уголовному делу

Вастьянов Д. С., Вастьянова О. Д. Временное отстранение от должности
как элемент ограничений, применяемых при запрете определенных
действий 10

Кальницкий В. В., Янина М. Е. Расследование после истечения срока давности
уголовной ответственности 15

Лыга А. П. Установление в ходе предварительного расследования имущества,
подлежащего аресту 22

Савченко А. Н. Использование объяснений в качестве доказательств
в уголовном судопроизводстве 27

Ткачёва Е. С. Производство обыска в контексте ограничения
конституционного права на неприкосновенность жилища 31

Криминалистика

Анешева А. Т. Организационно-тактические особенности производства
осмотра места происшествия по фактам обнаружения признаков
преступлений, предусмотренных ст. ст. 264¹ и 264³ УК РФ 37

Мазунин Я. М., Мазунин П. Я. Выявление организатора
преступного формирования и доказывание его вины — одна из задач
предварительного расследования 41

Теория уголовного процесса

Коробкова Е. Е. Применение уголовно-процессуальной медиации
в производстве по делам в отношении несовершеннолетних:
проблемы нормативного регулирования и практической реализации 45

Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора

Пупышева Л. А. Перспективы развития процессуальной формы рассмотрения
и разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора,
в отношении несовершеннолетних 51

Актуальные вопросы деятельности органов внутренних дел

Ефимович О. П., Шумилова Т. Н. Подразделения отдела организации дознания
органа внутренних дел как субъекты ведомственного контроля: понятие,
направления деятельности, основные показатели 53

В помощь изучающим уголовный процесс

<i>Бондаренко А. А.</i> Выделение уголовного дела в отдельное производство по процессуальным основаниям	59
<i>Кальницкий В. В.</i> Процессуальная самостоятельность следователя и дознавателя	63
Анонс повести В. П. Спиридонова «Коронки золотые».	70

Сведения об авторах	71
--------------------------------------	----

Abstracts and Key Words	72
--	----

Информация для авторов	75
---	----

К читателям юбилейного номера!

Перед Вами юбилейный, пятидесятый, номер научно-практического журнала «Законодательство и практика», который существует уже 25 лет. Для периодического издания — довольно серьезный срок, в этом смысле наш журнал — долгожитель. Идея создания периодического издания, на страницах которого соединяются научное осмысление российских законов и практики их применения, пришла к заместителю начальника Омского юридического института МВД России по научной работе Вячеславу Владимировичу Николуку. Это предопределило его название — «Законодательство и практика». На первоначальном этапе была поставлена задача осветить проблемы правоприменительной деятельности правоохранительных органов Омской области. С учетом профиля образовательной организации особое внимание уделялось деятельности уголовного розыска и других подразделений органов внутренних дел. Период создания журнала (вторая половина 90-х годов XX столетия) совпал с формированием нового правового поля Российского государства, законотворческий процесс осуществлялся интенсивно, новые законы не только требовалось применять в условиях

изменившейся правовой реальности, но и осмыслять их.

Профессорско-преподавательский состав Омского юридического института МВД России был в самой гуще событий, при его непосредственном участии готовились законопроекты. Знаковым событием в правовой жизни страны стало принятие Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», первый научно-практический комментарий которого был подготовлен авторским коллективом нашего вуза под руководством В. В. Николука.

Все это, безусловно, отражалось на содержании журнала, определяло его редакционную политику. Достаточно быстро журнал вышел далеко за границы Омского региона, приобрел популярность за его пределами.

Накануне выпуска юбилейного издания мы обновили редакционную коллегию, предложения войти в ее состав приняли представители авторитетных вузов страны — А. В. Гриненко (МГИМО), С. Б. Россинский (Институт государства и права РАН), И. Г. Смирнова (Байкальский государственный университет), А. Е. Чечетин (Барнаульский юридический институт МВД России).

Уверен, что журнал не потеряет популярности в среде правоприменителей, профессорско-преподавательского состава юридических вузов, адъюнктов, курсантов и слушателей, останется авторитетным периодическим изданием, оправдывающим оказанное читателями доверие!

*Начальник Омской академии МВД России
генерал-майор полиции
кандидат политических наук
Сергей Константинович Буряков*

От главного редактора

Дорогие читатели!

За 25 лет своего существования научно-практический журнал «Законодательство и практика» не только не потерял своей актуальности, но и становится все более востребованным у достаточно широкого круга читателей: профессорско-преподавательского состава образовательных организаций МВД России и других юридических вузов, курсантов и слушателей, представителей научного сообщества и практических органов. Перед вами — его пятидесятый выпуск.

Практикоориентированность — один из ключевых принципов нашей редакционной политики, поэтому журнал востребован у правоприменителей: сотрудников органов внутренних дел, прокуратуры, Следственного комитета России, судей, адвокатов.

«Законодательство и практика» является уникальной платформой для научного осмысления проблем практики применения законов и ведомственных нормативно-правовых актов. Часто публикации в нашем журнале — это ответы на интересующие правоприменителей вопросы. Кроме того, действующие сотрудники правоохранительных органов, представители судейского корпуса и адвокатуры — постоянные авторы журнала, ни один номер не обходится без их публикаций.

В то же время журнал от выпуска к выпуску усиливает свои научные позиции: в качестве авторов публикаций выступают «классики» современной юридической науки, а также молодые и перспективные ученые. Научный потенциал издания поддерживают Вячеслав Владимирович Николюк, Михаил Петрович Поляков, Алексей Дмитриевич Прошляков, Владимир Маирович Бозров, Илья Степанович Дикарев, Олег Павлович Грибунов, Сергей Викторович Бурмагин, Виктор Федорович Луговик, Михаил Сергеевич Десятов, Виктор Николаевич Борков, Александр Александрович Кузнецов, Яков Маркиянович Мазунин и другие ученые.

Нельзя не сказать о том, что мы постоянно расширяем «географию» журнала, наши авторы пред-

ставляют многочисленные субъекты нашей необъятной Родины от Краснодарского до Хабаровского края.

Предмет нашей особой гордости — постоянная рубрика журнала «В помощь изучающим уголовный процесс», в которой публикуются материалы, помогающие курсантам и слушателям усваивать наиболее сложные для восприятия темы или их отдельные вопросы. Ее постоянным автором является профессор кафедры уголовного процесса, кандидат юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации Владимир Васильевич Кальницкий, за что хочу выразить ему особую благодарность и признательность!

В этом знаковом для истории журнала номере мы решились на научно-педагогический эксперимент, используя бесценный опыт ветеранов органов внутренних дел. В конце журнала вы найдете QR-код, отсканировав который, сможете прочесть повесть «Коронки золотые», авторства Владимира Павловича Спиридонова. По данной повести для обучающихся объявлен конкурс эссе, с правилами участия в котором вы можете ознакомиться в конце журнала.

Говоря об очередном номере журнала, отмечу, что в нем, как и прежде, освещены актуальные проблемы законодательства и практики его применения: запрет на въезд на территорию Российской Федерации; расследование преступлений после истечения срока давности уголовной ответственности; установление в ходе предварительного расследования имущества, подлежащего аресту; использование объяснений в качестве доказательств в уголовном судопроизводстве; производство обыска в контексте ограничения конституционного права на неприкосновенность жилища и многие другие.

Еще раз поздравляю журнал, его создателей, авторов и читателей с юбилеем, желаю творческих успехов и дальнейшего роста!

*Доктор юридических наук, профессор
Владимир Александрович Гусев*

УДК 342.9

М. Ю. ВОДЯНАЯ, А. А. СТАРОСТИН

Запрет на въезд на территорию Российской Федерации: основания и принятие решений

В статье исследуются актуальные проблемы, возникающие в ходе подготовки и направления должностными лицами органов внутренних дел материалов для принятия решения о запрете въезда на территорию Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства. Авторами на основе анализа законодательства и правоприменительной деятельности органов внутренних дел разработан единый порядок (алгоритм) подготовки и направления указанных материалов для принятия уполномоченными органами такого решения.

Ключевые слова: миграционная политика, запрет на въезд, иностранный гражданин, лицо без гражданства, противоправные деяния, полиция

Современная миграция представляет собой сложный, быстро меняющийся процесс, влекущий как позитивные, так и негативные социально-экономические и политические последствия для государств. Исследователи справедливо отмечают, что государственная миграционная политика становится все более комплексной, требует системных подходов к управлению различными видами и направлениями миграционных процессов [1, с. 9–11].

Миграция оказывает значительное влияние на состояние защищенности прав и свобод личности, общества и государства. В связи с этим управление миграционными процессами в Российской Федерации традиционно относится к сфере деятельности правоохранительных органов.

Эффективность миграционной политики зависит от качества правового регулирования, а также от практического применения миграционного законодательства Российской Федерации, результативности мер противодействия коррупции при осуществлении государственного контроля (надзора) и предоставлении государственных услуг в этой сфере, степени информированности иностранных и российских граждан о требованиях законодательства Российской Федерации и мерах ответственности за их нарушение. В последние годы значительно усовершенствованы инструменты правового регулирования в рассматриваемой сфере, включая меры ответственности за нарушение миграционного законодательства и меры противодействия незаконной миграции¹.

На сегодняшний день на законодательном уровне предприняты значительные усилия по предотвращению незаконной миграции и совершенствованию ответственности за незаконные въезд и нахождение на территории Российской Федерации иностранных граждан [2, с. 5]. Уточняются основания для выдворения, депортации, более четко регламентируются вопросы реадмиссии. Модернизируются меры по предотвращению нахождения на территории России лиц, совершивших незаконные деяния (как преступления,

так и административные правонарушения), в целях сокращения правонарушений со стороны мигрантов.

Видна слаженная работа законодателя и правоприменителя, однако в последние два года отмечается рост противоправных деяний, совершенных на территории Российской Федерации иностранными гражданами и лицами без гражданства. Так, в 2022 г. зарегистрировано 40,2 тыс. преступлений, что на 10,3% больше, чем в 2021 г., в том числе гражданами государств-участников СНГ — 32,9 тыс. преступлений (+15,5%), их удельный вес составил 82,0% [3].

Возросло и количество административных правонарушений, совершенных иностранными лицами и лицами без гражданства. В 2022 г. эта цифра составила 2 156 686 (с учетом правонарушений в сфере безопасности дорожного движения), что на 28% больше прошлого года (1 544 310) [4].

Такая тенденция к росту требует своевременного принятия мер, в том числе превентивного характера, поскольку привлечение виновных к административной и уголовной ответственности является действенным механизмом контроля, способствующим достижению миграционной безопасности государства.

До недавнего времени главенствующая роль среди федеральных органов власти, участвующих в реализации Государственной миграционной политики Российской Федерации, отводилась Федеральной миграционной службе. Именно она являлась уполномоченным федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию, правоприменительные функции, функции по федеральному государственному контролю (надзору) и предоставлению (исполнению) государственных услуг (функций) в сфере миграции.

Своим указом от 5 апреля 2016 г. № 156 «О совершенствовании государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере мигра-

¹ О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы : указ Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 622. Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым документам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ции» Президент Российской Федерации ликвидировал Федеральную миграционную службу и передал ее полномочия Министерству внутренних дел Российской Федерации.

Для осуществления государственного управления в сфере миграции в структуре МВД России вновь создано Главное управление по вопросам миграции Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее по тексту — ГУВМ МВД России)².

Федеральный закон «О полиции» закрепил обязанность полиции осуществлять контроль за соблюдением иностранными гражданами и лицами без гражданства порядка временного или постоянного проживания, временного пребывания в Российской Федерации, въезда в Российскую Федерацию, выезда из Российской Федерации, транзитного проезда через территорию Российской Федерации и трудовой деятельностью иностранных работников³.

Для выполнения возложенных обязанностей полиция обладает значительным правовым инструментарием, в том числе законодательством предусмотрена такая мера, как принятие решения о неразрешении въезда на территорию Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства в случае нарушения ими миграционного законодательства и совершения противоправных деяний на территории России⁴, а также в целях предупреждения негативных последствий их пребывания на территории Российской Федерации.

Только в 2022 г. органами внутренних дел в МВД России направлено 141 350 представлений о неразрешении иностранным гражданам и лицам без гражданства въезда в Российскую Федерацию⁵.

Законодательное регулирование принятия решения о запрете въезда на территорию Российской Федерации согласуется с закрепленным в Конституции Российской Федерации принципом, в соответствии с которым права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства, а также не противоречит общепризнанным принципам и нормам международного права и международных договоров Российской Федерации⁶.

Иностранные граждане и лица без гражданства пользуются в Российской Федерации правами и несут

обязанности наравне с гражданами России [5, с. 27], кроме случаев, установленных федеральным законом или международным договором Российской Федерации (ч. 3 ст. 62 Конституции Российской Федерации). Решение о закрытии въезда в Российскую Федерацию на определенный срок должно приниматься с учетом характера и степени общественной опасности совершаемых иностранными гражданами или лицами без гражданства правонарушений, исходя из интересов общества, необходимости обеспечения государственной безопасности и правопорядка⁷.

В правоприменительной деятельности органов внутренних дел возникают проблемные вопросы, связанные с процедурой принятия указанного решения, а также сбором и подготовкой документов.

В соответствии со ст. 26 Федерального закона от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» основаниями для запрета на въезд являются следующие обстоятельства:

— иностранный гражданин или лицо без гражданства сообщили заведомо ложные сведения о себе или о цели своего пребывания в Российской Федерации (при отправлении уведомления о прибытии почтовой связью, через многофункциональный центр или личном обращении в подразделение по вопросам миграции, а также при подаче заявления о постановке на миграционный учет). Примером такого обстоятельства могут служить различные действия виновного лица. Так, иностранный гражданин сообщил место проживания, по которому фактически не проживает, либо имеются фиктивные данные в документах, удостоверяющих личность, или в свидетельстве о заключении брака. Эти факты могут быть выявлены в ходе дактилоскопирования иностранного гражданина (иностранцы граждане подлежат обязательной дактилоскопической регистрации, в ходе которого может быть выявлено несоответствие персональных данных и данных, указанных в предоставляемых ими документах). Также может быть обнаружено несоответствие данных, указанных при получении разрешения на временное проживание (далее — РВП), когда иностранный гражданин или лицо без гражданства указывает не все сведения о своей трудовой деятельности за последние пять лет, это касается и сведений, подаваемых для получения вида на жительство. Проверить указанную информацию можно по запросу, направленному в соответствующее подразделение по вопросам миграции;

² Об утверждении Положения о Главном управлении по вопросам миграции Министерства внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 19 апреля 2016 г. № 192.

³ О полиции: федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ.

⁴ О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию: федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ.

⁵ Основные показатели по миграционной ситуации в Российской Федерации за январь–декабрь 2022 г. URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/19364859/> (дата обращения: 20.03.2023).

⁶ О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней: федеральный закон от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ.

⁷ См., напр.: Решение Ленинского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан от 16 января 2018 г. № 2а-327/2018 ; Решение Савеловского районного суда г. Москвы от 14 декабря 2021 г. № 2а-1173/21 ; и др.

— иностранный гражданин неоднократно (два и более раза) в течение трех лет привлекался к административной ответственности в соответствии с законодательством РФ за совершение административного правонарушения на территории Российской Федерации (в течение трех лет со дня вступления в силу последнего постановления о привлечении к административной ответственности). Проверить данную информацию следует, обратившись к соответствующим базам данных ГИАЦ МВД России;

— в период своего предыдущего пребывания в Российской Федерации не выехал из страны до истечения тридцати суток со дня окончания срока временного пребывания⁸. Данная информация проверяется по центральной базе данных учета иностранных граждан МВД России⁹, где фиксируется период въезда на территорию Российской Федерации, либо информационной базе данных «Федерация».

Кроме того, закон предусмотрел еще ряд условий, при которых территориальным органом МВД России может быть принято решение о запрете въезда иностранного гражданина на территорию Российской Федерации¹⁰. Прежде всего это необходимость обеспечения обороноспособности или безопасности государства, общественного порядка либо защиты здоровья населения. Въезд не будет разрешен, если в отношении иностранного гражданина или лица без гражданства вынесено решение об административном выдворении за пределы Российской Федерации, о депортации либо передаче иностранному государству в соответствии с международным договором Российской Федерации о реадмиссии, причем данное обстоятельство носит временное ограничение: в течение пяти лет со дня административного выдворения, депортации, реадмиссии. Если иностранец подвергался административному выдворению, депортации неоднократно, то этот срок будет увеличен до десяти лет.

Препятствием для въезда будет и неснятая или непогашенная судимость за совершение умышленного преступления на территории Российской Федерации или за ее пределами. Данная информация проверяется уполномоченными сотрудниками по соответствующим базам ГИАЦ МВД России.

Существенным обстоятельством, служащим поводом для запрещения въезда, может стать использование иностранным гражданином подложных документов (свидетельство о рождении; свидетельство о браке; трудовой договор, который был заключен, но

соответствующее подразделение по вопросам миграции при этом не уведомлялось; подложный сертификат о знании русского языка). Подложный документ — это документ, содержащий преднамеренно искаженную информацию об определенных фактах. Искажение информации может быть осуществлено путем подделки подписи заявителя и иных лиц, удостоверительной надписи, внесения исправлений в текст документа посредством подчисток, дописок, допечаток и т. п., в том числе с использованием различного рода технических средств. Таким образом, подлог документа — это противоправные умышленные действия по изготовлению или использованию поддельных документов, нарушающие информационно-удостоверительную деятельность органов государственной власти и управления, предприятий, учреждений, организаций. Подделка документа может быть как частичной (внесение изменений посредством подчисток, дописок, допечаток и т. п. в подлинный документ), так и полной (создание полностью подложного документа). В данном случае в действиях иностранного гражданина усматриваются признаки уголовно наказуемого деяния, предусмотренного ст. 327 УК РФ. Документ должен быть изъят соответствующим образом.

Если иностранный гражданин или лицо без гражданства в период своего предыдущего пребывания в Российской Федерации уклонились от уплаты налога или административного штрафа либо не возместили расходы, связанные с административным выдворением за пределы Российской Федерации либо депортацией, может быть вынесено решение о запрете на въезд до осуществления соответствующих выплат в полном объеме¹¹.

Также одним из обстоятельств является неоднократно (два и более раза) в течение одного года привлечение иностранца к административной ответственности за совершение административного правонарушения, связанного с посягательством на общественный порядок и общественную безопасность, либо с нарушением режима пребывания (проживания) иностранных граждан или лиц без гражданства в Российской Федерации, или порядка осуществления ими трудовой деятельности на территории Российской Федерации, которое, как правило, заключается в осуществлении иностранным гражданином или лицом без гражданства трудовой деятельности в Российской Федерации без разрешения на работу либо патента, если такие разрешение либо патент требуются в соответствии с федеральным законом, либо осу-

⁸ За исключением случаев отсутствия возможности покинуть территорию Российской Федерации по обстоятельствам, связанным с необходимостью экстренного лечения, тяжелой болезнью или со смертью близкого родственника, проживающего в Российской Федерации, либо вследствие непреодолимой силы (чрезвычайных и непредотвратимых при данных условиях обстоятельств) или иных явлений стихийного характера, в таких случаях — в течение трех лет со дня выезда из Российской Федерации.

⁹ Далее — АС ЦБДУИГ.

¹⁰ *О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию*: федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ.

¹¹ *Об утверждении Правил погашения иностранными гражданами и лицами без гражданства задолженности по уплате налога или административного штрафа либо возмещения ими расходов, связанных с административным выдворением за пределы Российской Федерации или депортацией*: постановление Правительства РФ от 16 июля 2015 г. № 710.

ществование иностранным гражданином или лицом без гражданства трудовой деятельности в Российской Федерации по профессии (специальности, должности, виду трудовой деятельности), не указанной в разрешении на работу или патенте, если разрешение на работу или патент содержит сведения о профессии (специальности, должности, виде трудовой деятельности), либо осуществление иностранным гражданином или лицом без гражданства трудовой деятельности вне пределов субъекта Российской Федерации, на территории которого данному иностранному гражданину выданы разрешение на работу, патент или разрешено временное проживание, — в течение пяти лет со дня вступления в силу последнего постановления о привлечении к административной ответственности.

Одно из самых распространенных нарушений миграционного законодательства, выступающего основанием для запрета въезда, является превышение срока пребывания в девятидесяти суток суммарно в течение каждого периода в сто восемьдесят суток, — в течение трех лет со дня выезда из Российской Федерации. Если же иностранный гражданин или лицо без гражданства в период своего предыдущего пребывания не выехали из Российской Федерации и незаконно находились на ее территории непрерывно свыше двухсот семидесяти суток со дня окончания предусмотренного федеральным законом срока временного пребывания, — в течение десяти лет со дня выезда из Российской Федерации.

Проверить указанную информацию можно по АС ЦБДУИГ, где будет обозначен период въезда на территорию Российской Федерации, либо ИБД «Федерация» (база «Граница»).

При наличии указанных обстоятельств решение о запрете въезда принимается в срок не более одного месяца со дня их выявления.

Перед принятием решения необходимо провести проверку на предмет наличия оснований, препятствующих вынесению решения о запрете въезда, в частности, таких как:

- наличие брака с гражданином Российской Федерации (информация проверяется путем направления соответствующего запроса в ЗАГС);
- наличие у иностранного гражданина разрешения на временное проживание или вида на жительство (далее — ВНЖ). Данную информацию проверить по наличию соответствующей отметки в документе, удостоверяющем личность иностранного гражданина (паспорте), или по информационной базе ППО «Территория»;
- другие основания (это может быть тяжелое заболевание лица или болезнь близких родственников) [6].

Должностному лицу органа внутренних дел, инициирующему принятие такого решения, необходимо осуществить проверку сведений об иностранном гражданине, лице без гражданства, временно или постоянно проживающих на территории Российской

Федерации по АС ЦБДУИГ на предмет наличия ранее вынесенного запрета на въезд и отсутствия обстоятельств, в связи с которыми данное решение может быть отменено. При отсутствии доступа к соответствующим информационным базам данных необходимо направить запрос в территориальное подразделение по вопросам миграции.

Затем следует подготовить решение о запрете въезда иностранного гражданина или лица без гражданства на территорию Российской Федерации.

При необходимости запросить и приложить к материалам:

- копии протокола об административном правонарушении, постановлений по делу об административном правонарушении о назначении административного наказания;
- документ, удостоверяющий личность (копия), для водителей транспортных средств — копию водительского удостоверения;
- иные документы, которые могут иметь отношение к делу (например, информация АС ЦБДУИГ об иностранном гражданине или лице без гражданства).

Подготовить представление (заполняется по программе ППО «Территория») о запрете (отмене решения о запрете) въезда в Российскую Федерацию в отношении иностранного гражданина или лица без гражданства. Представление — это итоговый документ, который выносится (утверждается) начальником территориального органа внутренних дел субъекта Российской Федерации или лицом, исполняющим его обязанности, согласовывается с заместителем начальника территориального органа и подписывается исполнителем.

Подготовить уведомление иностранного гражданина или лица без гражданства о принятом в отношении него решении о запрете въезда в Российскую Федерацию.

Иностранному гражданину или лицу без гражданства, в отношении которых принято решение о неразрешении въезда, уведомляются об этом органом исполнительной власти, принявшим данное решение, в срок не более 3 рабочих дней. Указанное уведомление направляется либо вручается под подпись иностранному гражданину или лицу без гражданства, в отношении которых принято решение о запрете въезда по месту их пребывания (проживания) на территории Российской Федерации либо по месту их фактического местонахождения на территории Российской Федерации.

В случае невозможности установления фактического местонахождения на территории Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства, в отношении которых принято решение о запрете въезда, уведомление о принятом в отношении решения не направляется (не вручается).

Оформление материалов для принятия решения о запрете въезда на территорию Российской Фе-

дерации представляет собой сложную, детально регламентированную процедуру, от правильности выполнения которой во многом зависят правомерность и обоснованность такого решения. Ошибки, допускаемые уполномоченными должностными лицами, влекут обжалование и отмену решения и, соответственно, недостижение общественно значимых целей.

Проведенный нами анализ действующего законодательства и нормативных правовых актов Российской Федерации, а также материалов правоприменительной деятельности органов внутренних дел и судебных решений позволил разработать универсальный порядок действий (алгоритм) сотрудников полиции при принятии рассматриваемого решения. Полагаем, это будет способствовать оптимизации деятельности полиции и поможет избежать ошибок в ходе реализации довольно сложной административной процедуры уполномоченными органами, снизит риск обжалования и отмены такого решения.

Представленный порядок действий сотрудников органов внутренних дел при выявлении иностранных граждан, находящихся на территории Российской Федерации с нарушением миграционного законодательства, будет способствовать более эффективному применению сотрудниками полиции административного законодательства.

Таким образом, решение о запрете въезда на территорию Российской Федерации на определенный законом срок является адекватной мерой государственного реагирования, отвечает принципам пропорциональности и соразмерности и применяется в целях пресечения последующего пренебрежительного отношения иностранного гражданина или лица без гражданства к требованиям законодательства и выработки у них уважительного отношения к законам Российской Федерации. Данное ограничение является законной и действенной принудительной мерой в сфере миграционной политики, соразмерной опасности миграционных правонарушений и практике уклонения от ответственности.

Список литературы

1. Андриченко Л. В., Плюгина И. В. Миграционное законодательство Российской Федерации: тенденции развития и практика применения: монография. М., 2019.
2. Андриченко Л. В. Проблемы систематизации миграционного законодательства // Журнал российского права. 2014. № 12(216).
3. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2022 г. М.: ГИАЦ МВД России, 2022.
4. Сведения за 2022 г. об административной практике органов внутренних дел. Форма II-АП (259). М., 2022.
5. Соловьева М. Л. Гражданство Российской Федерации : информационно-справочный сборник. М., 2010.
6. Комментарий к Федеральному закону от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации». М., 2018.

УДК 343.1

Д. С. ВАСТЬЯНОВ, О. Д. ВАСТЬЯНОВА**Временное отстранение от должности как элемент ограничений, применяемых при запрете определенных действий**

В статье рассматриваются сущность и содержание иной меры процессуального принуждения в виде временного отстранения от должности. Обращается внимание на недостатки действующего закона в части регламентации оснований для ее применения. Констатируется ее сходство с мерами пресечения по различным критериям. На основе анализа действующего российского законодательства, правовых позиций Конституционного Суда РФ, а также международного опыта стран ближнего и дальнего зарубежья обоснована позиция о необходимости ее отнесения к мерам, регламентированным гл. 13 УПК РФ.

Ключевые слова: временное отстранение от должности, запрет определенных действий, меры пресечения, иные меры процессуального принуждения

Среди иных мер процессуального принуждения особое внимание занимает временное отстранение от должности, вокруг которой ведется активная полемика по поводу ее включения в систему мер пресечения [1, с. 20; 2, с. 10; 3, с. 79]. Так, Е. В. Манджиева предлагает перенести ст. 114 УПК РФ с наименованием «Временное отстранение от выполнения обязанностей по службе (работе)» в главу 13 «Меры пресечения» [4, с. 12]. В. Н. Гапонова обосновывает вывод о том, что «по ряду основных признаков (целям, основаниям, лицам, в отношении которых осуществляется применение) временное отстранение от должности в уголовном судопроизводстве ближе к мерам пресечения, нежели к иным мерам уголовно-процессуального принуждения» [2, с. 70].

Вероятной причиной отнесения временного отстранения от должности к перечню иных мер процессуального принуждения К. В. Муравьев считает доктринальный, действовавший ранее запрет российского законодателя на комбинированное применение нескольких мер пресечения [5, с. 140]. Однако это ограничение снято в 2018 г. посредством внесения изменений в УПК РФ, в результате которых, во-первых, в качестве меры пресечения был введен запрет определенных действий (ст. 105¹ УПК РФ), во-вторых, появилась возможность его комбинированного применения с домашним арестом и залогом.

Сложно не согласиться с мнением Л. В. Головки, который отмечает, что иные меры процессуального принуждения выделяются среди всех мер процессуального принуждения скорее условно, по остаточному принципу [6, с. 281–282]. Действительно, ст. 111 УПК РФ объединяет в себе достаточно разнородные меры, которые могут применяться к самым разным участникам уголовного процесса для целого ряда связанных с обеспечением производства по уголовному делу целей.

Интересна точка зрения Э. К. Кутуева, рассматривающего временное отстранение от должности как дополнительную меру пресечения по аналогии с дополнительным видом наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься

определенной деятельностью (ст. 47 УК РФ) [7, с. 79; 8, с. 217, 264–265].

Анализ многочисленных позиций, высказанных по обсуждаемой теме, показывает, что вопрос отнесения временного отстранения от должности к мерам пресечения назрел довольно давно, тем самым сформирован запрос на его теоретическое осмысление в контексте общей доктрины уголовно-процессуального принуждения.

Полагаем, что отстранение от должности логично разместить в соответствующем разделе УПК РФ не как самостоятельную меру пресечения, а как одно из ограничений, накладываемых на обвиняемого (подозреваемого) в рамках меры пресечения в виде запрета определенных действий.

Сопоставление по ключевым формальным критериям (по субъекту — участнику процесса, в отношении которого избирается мера принуждения; по основаниям избрания; по порядку избрания) иной меры принуждения в виде временного отстранения от должности и меры пресечения в виде запрета определенных действий позволяет выявить следующие общие признаки.

Субъект, т. е. участник процесса, в отношении которого избирается мера процессуального принуждения.

Временное отстранение от должности применяется только к обвиняемому и подозреваемому, оно носит специальный характер, может применяться к лицам, занимающим должности государственной службы РФ, а также, выполняющим управленческие функции в коммерческих и иных организациях, специалистам в той или иной области профессиональной деятельности (например, бухгалтерам, учителям, врачам, водителям). Особый порядок предусмотрен для высшего должностного лица субъекта РФ, к которому эта мера процессуального принуждения может быть применена лишь Президентом РФ по представлению Генерального прокурора РФ (ч. 5 ст. 114 УПК РФ). Вместе с тем данная мера процессуального принуждения избирается не автоматически (например, по факту предъявления лицу обвинения или придания статуса обвиняемого), а при наличии на то оснований.

Запрет определенных действий применяется в отношении обвиняемых и подозреваемых по любой категории уголовных дел, в том числе в отношении должностных лиц. Таким образом, мера пресечения в виде запрета определенных действий отличается большей универсальностью по данному показателю, однако в арсенале отечественной правовой системы представлены и другие меры пресечения, такие как присмотр за несовершеннолетним обвиняемым и наблюдение командования воинской части, применение которых ограничено отдельными категориями обвиняемых.

Порядок избрания.

Временное отстранение от должности, равно как и запрет определенных действий, ограничивает конституционные права граждан, вовлеченных в уголовное судопроизводство, еще не признанных виновными вступившим в законную силу приговором суда. Применение указанных мер допускается исключительно на основании судебного решения в любой момент производства по уголовному делу. Рассматриваемые меры отменяются, когда в их применении отпадает необходимость, на основании постановления дознавателя либо следователя. Запрет, предусмотренный п. 1 ч. 6 ст. 105¹ УПК РФ, применяется до истечения срока данного запрета, установленного судом при принятии решений, указанных в пп. 1 и 2 ч. 4, или его продления. Мера пресечения в виде запрета определенных действий может изменяться на другие, предусмотренные ст. 98 УПК РФ меры. Таким образом, порядок избрания меры пресечения в виде запрета определенных действий отличается более детальной проработкой частных вопросов, что делает возможным включение в состав ограничений, составляющих сущность данной меры пресечения, отстранения от должности.

Основания избрания.

Статья 111 УПК РФ, несмотря на свое название, регламентирует основания применения иных мер процессуального принуждения крайне лаконично и максимально абстрактно. Из содержания приведенного законоположения, с учетом системного толкования норм раздела IV УПК РФ, можно сделать вывод, что основанием для избрания иной меры принуждения в виде временного отстранения от должности является установленная следователем (дознавателем), судом необходимость временного отстранения от должности в целях обеспечения определенного порядка судопроизводства, другими словами, наличие достаточных данных полагать, что обвиняемый (подозреваемый) может воспрепятствовать производству по уголовному делу, используя свое должностное положение.

На отсутствие в тексте закона четких оснований для временного отстранения от должности (в ч. 1 ст. 114 УПК РФ употреблен достаточно абстрактный

термин «необходимость») справедливо обращается внимание учеными [3, с. 77]. Подобные формулировки, которые трудно признать удачными, вызывают существенные затруднения у правоприменителя, обуславливают бурную полемику в научном сообществе. Так, с точки зрения В. Н. Григорьева, А. В. Победкина, В. Н. Яшина, «...основанием временного отстранения от должности скорее является недопустимость дискредитации должности фактом исполнения обязанностей по ней лицом, в отношении которого осуществляется уголовное преследование» [9, с. 280].

В свою очередь, ст. 97 УПК РФ «Основания для избрания меры пресечения» изложена достаточно обстоятельно, основания для избрания мер пресечения конкретизированы и применяются регулярно. Соответственно, аналогичные основания указываются при избрании в отношении обвиняемого (подозреваемого) меры пресечения в виде запрета определенных действий.

В этом отношении показателен случай, когда решением Иркутского районного суда Иркутской области на основании доводов, изложенных в ходатайстве следователем СК РФ по Иркутской области в отношении подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 286 УПК РФ, гр-на Ш. избрана мера процессуального принуждения в виде временного отстранения от должности. В соответствующем ходатайстве должностного лица органа предварительного расследования было указано, что гр-н Ш., используя свои служебные обязанности, может воспрепятствовать производству по уголовному делу путем воздействия на свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства, в том числе находящихся в прямом подчинении у подозреваемого, уничтожить доказательства, а также иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу и установлению истины. По мнению следователя, восстановление и защиту прав потерпевших и свидетелей по делу, принятие мер, направленных на возмещение причиненного ущерба, объективное и всестороннее расследование уголовного дела возможно обеспечить только при условии отстранении гр-на Ш. от занимаемой им должности¹.

На данном примере видно, что следователь в обоснование ходатайства об избрании иной меры процессуального принуждения в виде временного отстранения от должности, по сути, опирается на формулировки, содержащиеся в ст. 97 УПК РФ, предусматривающей основания для избрания мер пресечения, а не мер процессуального принуждения.

Конституционный Суд Российской Федерации также признает основанием для избрания иной меры процессуального принуждения в виде временного отстранения от должности наличие обоснованного предположения о том, что обвиняемый (подозреваемый), продолжая осуществлять трудовую деятель-

¹ Постановление Иркутского районного суда № 3/8-1/2020 от 14 февраля 2020 г. Архив Иркутского районного суда.

ность, может продолжить заниматься преступной деятельностью, склонить потерпевших, свидетелей, а также иных лиц, впоследствии могущих стать участниками уголовного судопроизводства, к даче заведомо ложных показаний, помимо этого, может уничтожить доказательства или иным образом воспрепятствовать производству по уголовному делу².

Р. Г. Бикмиев также полагает, что при определении необходимости избрания меры принуждения в виде временного отстранения от должности следует ориентироваться на обстоятельства, являющиеся основаниями для избрания мер пресечения [10].

Таким образом, при наличии отдельных статей, регулирующих основания избрания иной меры пресечения в виде временного отстранения от должности и меры пресечения в виде запрета определенных действий, мы можем констатировать, что применение ст. 111 УПК РФ «Основания применения иных мер процессуального принуждения» на практике существенно затруднено, в то время как ст. 97 УПК РФ «Основания для избрания меры пресечения» отвечает задачам уголовного производства и во многом является его основой.

Содержание избираемых ограничений.

Статья 114 УПК РФ не содержит указаний относительно объема ограничений, соблюдаемых обвиняемым (подозреваемым) в случае применения меры принуждения в виде временного отстранения от должности. Перспектива решения данной проблемы связана с предложениями отдельных авторов по возложению на обвиняемого (подозреваемого) запретов: 1) общаться с определенными лицами из числа подчиненных; 2) получать и отправлять им корреспонденцию; 3) вести с ними переговоры с использованием любых средств связи [11, с. 112–114]; 4) входить без разрешения в учреждение (предприятие, организацию), где он работает [12, с. 10–11; 13, с. 116]. Приведенный перечень наглядно демонстрирует очевидное сходство с запретами, предусмотренными ст. 105¹ УПК РФ.

В целях исключения возможности тавтологичного изложения запретов в УПК РФ, а также для уточнения перечня запретов считаем целесообразным отнесение временного отстранения от должности к списку ограничений, применяемых при избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий посредством дополнения ч. 6 шестой ст. 105¹ УПК РФ

запретом на выполнение обязанностей по службе (работе). Конкретизация соблюдаемых ограничений на практике возможна путем назначения других запретов, составляющих сущность ст. 105¹ УПК РФ в действующей редакции.

Отдельного внимания заслуживает ряд вопросов, связанных с применением иной меры пресечения в виде отстранения от должности на практике. Так, в случае назначения обвиняемому (подозреваемому) иной меры пресечения в виде отстранения от должности законом предусмотрено право на получение выплаты ежемесячного пособия в размере прожиточного минимума трудоспособного населения (ч. 6 ст. 114 УПК РФ)³. Однако более взвешенной выглядит позиция В. Н. Гапоновой, полагающей, что применение в отношении обвиняемого (подозреваемого) иной меры процессуального принуждения не должно предполагать автоматического возникновения права на указанные выплаты, их необходимо выплачивать лишь при последующей реабилитации [2, с. 13].

Отметим также, что возложение обязанностей по выплате ежемесячного государственного пособия на период отстранения обвиняемого (подозреваемого) от должности на финансовую службу органа предварительного следствия вызывает проблемы с осуществлением этих выплат, так как данная статья расходов не закладывается в его бюджет, что существенно ограничивает возможности избрания временного отстранения от должности.

Доктринально не разрешен вопрос одновременного применения временного отстранения от должности с какой-либо мерой пресечения. При этом практика такая возможна, поскольку закон не содержит по этому поводу никаких запретов или конкретных указаний. Меры пресечения и временное отстранение от должности могут быть применены как одновременно, так и последовательно, исходя из обстоятельств дела, в том числе и тогда, когда в качестве меры пресечения избран домашний арест или заключение под стражу [3, с. 77–78]. Включение отстранения от должности в состав ограничений, назначаемых обвиняемому (подозреваемому) в рамках применения запрета определенных действий, позволит устранить этот пробел и будет способствовать учету специфики каждого конкретного уголовного дела и индивидуальных особенностей конкретного обвиняемого (подозреваемого).

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гусева Владислава Анатольевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 111 и частью первой статьи 114 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 17 июля 2014 г. № 1618-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Пункт 8 ст. 131 УПК РФ; О праве участвующих в уголовном судопроизводстве граждан на своевременное получение ежемесячного государственного пособия подозреваемому или обвиняемому в связи с временным отстранением от должности : письмо Минфина России от 25 июня 2014 г. № 08-05-09/30877 ; Положение о возмещении процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением гражданского дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда РФ. (См.: О порядке и размере возмещения процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации и о признании утратившими силу некоторых актов Совета Министров РСФСР и Правительства Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 1 декабря 2012 г. № 1240. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

Отметим, что в уголовно-процессуальном законодательстве Азербайджанской Республики⁴ реализован именно такой подход: отстранение от должности включено в список мер пресечения (ст. ст. 154.2.10, 172 УПК Азербайджанской Республики). При этом в соответствии со ст. 154.4 меры пресечения, предусмотренные ст. ст. 154.2.1–154.2.9 процессуального закона страны (арест, домашний арест, подписка о невыезде, личное поручительство, поручительство организации, надзор полиции, надзор за несовершеннолетним и наблюдение командования), являются основными мерами пресечения и не могут быть избраны одна вместе с другой. Отстранение же от должности может быть избрано как в качестве основной меры пресечения, так и в виде дополнения к одной из других мер пресечения, соответственно, ее комбинирование с другими мерами пресечения в качестве дополнительной вполне допустимо.

Оригинальная нормативная конструкция реализована в законодательстве Латвийской Республики⁵. Запрет на определенные профессии отнесен к «Мерам безопасности» (ст. 243 УПК ЛР) и размещается в разделе 3 «Процессуальные принудительные меры и санкции». Статьи 244–249 УПК ЛР регулируют общий порядок избрания всех «мер безопасности», пп. 2 и 3 ст. 254 — порядок исполнения запрета на определенные профессии.

В Уголовно-процессуальном кодексе Республики Албания⁶ используется формулировка «отстранение от государственной должности и государственной службы» (ст. 242 УПК РА). Кроме того, правовая система Республики Албания располагает такой мерой, как «временный запрет на занятие определенной профессией и предпринимательской деятельностью» (ст. 243 УПК РА). Обе эти меры относятся к запретительным мерам и рассматриваются в соответствующем разделе. Аналогичным образом в уголовно-процессуальном законодательстве Итальянской Республики⁷ используется формулировка «отстранение от государственной службы, работы в офисе, сфере услуг» (ст. 289 УПК ИР) и «временный запрет на осуществление определенной профессии или предпринимательской деятельности» (ст. 290 УПК ИР), обе

эти меры также относятся к запретительным. На наш взгляд, особенности избрания указанных мер более тщательно проработаны в итальянском законодательстве. Так, ст. 290 УПК ИР предусматривает запрет на осуществление определенных профессий, предпринимательской деятельности или руководящих должностей юридических лиц и предприятий, суд временно запрещает ответчику, полностью или частично, деятельность, относящуюся к ним.

Законодательство ряда государств также отличает наличие отстранения от должности в соответствующих кодифицированных актах. К ним относятся Республика Болгария⁸, Республика Казахстан⁹, Республика Беларусь¹⁰, Республика Армения¹¹. Можно отметить, что с достаточной степенью полноты в правовых системах перечисленных государств отражены содержание (ст. 131 УПК Республики Беларусь), порядок (ст. 69 УПК Республики Болгария, ст. 158 УПК Республики Казахстан) и основания избрания (ст. 69 УПК Республики Болгария, ст. 158 УПК Республики Казахстан, п. 1 ст. 131 УПК Республики Беларусь, п. 1 ст. 152 УПК Республики Армения) принудительной меры «отстранение от должности».

Таким образом, можно утверждать, что временное отстранение от должности в том или ином виде присутствует в ряде современных законодательств, сформулировано вариативно, отличается различными нормативными конструкциями, однако имеет идентичную смысловую нагрузку и предусматривает запрет на осуществление деятельности, в рамках которой было совершено инкриминируемое деяние.

В заключение отметим, что считаем целесообразным включение временного отстранения от должности в состав ограничений, применяемых при избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий, посредством дополнения ч. 6 ст. 105¹ УПК РФ запретом на выполнение обязанностей по службе (работе). Основаниями для избрания запрета на выполнение обязанностей по службе (работе) будут служить основания, предусмотренные ст. 97 УПК РФ, а конкретизация соблюдаемых ограничений на практике возможна путем назначения других запретов, составляющих сущность ст. 105¹

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики (с изм. и доп. по сост. на 23.04.2021). URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420280 (дата обращения: 19.08.2021).

⁵ *Kriminal procesaliks*ums Latvijas Republikas pieņemts (Attēlotā redakcija 06.03.2021). URL: <https://likumi.lv/ta/id/107820-kriminalprocesa-likums> (дата обращения: 02.05.2023).

⁶ *Kodi I procedurës penale I republikës së Shqipërisë* (qënga 25.04.2023). URL: https://www.pp.gov.al/Legjislacioni/Legjislacioni_Penal/Kodi_i_Procedures_Penale/ (дата обращения: 25.04.2023).

⁷ *Codice di Procedura Penale Italiano* Approvato con regiodecreto. Edizione novembre 2020 (Testo aggiornato con le modifiche introdotte dalla legge n. 69/2019) Fonte: Codice Penale – Edizione 2020. URL: <https://www.studiocataldi.it/codiceprocedurapenale/misure-cautelari-personali.asp> (дата обращения: 26.08.2021)

⁸ *Наказателно-процесуален кодекс на Република България* в сила (към 18.05.2021). URL: <https://www.lex.bg/bg/laws/ldoc/2135512224> (дата обращения: 25.04.2023).

⁹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан (с изм. и доп. по сост. на 26.03.2023). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852 (дата обращения: 28.04.2023).

¹⁰ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (с изм. и доп. по сост. на 09.03.2023). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414958 (дата обращения: 28.04.2023).

¹¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения (с изм. и доп. по сост. на 07.02.2022). URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1450&lang=rus#%CE%C1%D9%C0%DF> (дата обращения: 02.05.2023).

УПК РФ в действующей редакции. Предлагаемые изменения будут способствовать расширению практики избрания мер пресечения, не связанных с заключением под стражу, положительно отразятся на

специфике учета по каждому уголовному делу при соблюдении конституционных прав граждан в контексте действия принципа презумпции невиновности обвиняемого.

Список литературы

1. *Петраков С. В.* Уголовно-процессуальные средства обеспечения экономической безопасности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007.
2. *Гапонова В. Н.* Применение временного отстранения от должности в уголовном судопроизводстве: теоретический и организационно-правовой аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2016.
3. *Ковтун Ю. В., Бровкина Е. В.* Временное отстранение от должности как иная мера процессуального принуждения // Актуальные проблемы предварительного расследования : сб. мат-лов всерос. науч.-практ. конф. СПб., 2020.
4. *Манджиева Е. В.* Иные меры процессуального принуждения в системе средств принудительного характера в уголовном судопроизводстве России : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020.
5. *Муравьев К. В.* Оптимальна ли регламентация системы мер процессуального принуждения в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации? // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2017. № 2(81).
6. *Курс уголовного процесса* / под ред. Л. В. Головки. М., 2017.
7. *Кутуев Э. К.* Государственное принуждение: теоретические и уголовно-процессуальные аспекты. М., 2015.
8. *Меры уголовно-процессуального принуждения на досудебных стадиях: вопросы теории и нормативного регулирования* / О. В. Логунов, А. В. Травников, Э. К. Кутуев, В. С. Латыпов. М., 2019.
9. *Уголовный процесс : учебник* / В. Н. Григорьев, А. В. Победкин, В. Н. Яшин. М., 2023.
10. *Бикмиев Р. Г.* Временное отстранение от должности подозреваемого или обвиняемого в уголовном судопроизводстве: сущность, значение и правовые последствия : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2015.
11. *Задерако К. В.* Иные меры процессуального принуждения : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2005.
12. *Баландюк О. В.* Временное отстранение от должности: вопросы исполнения в уголовном процессе // Российский следователь. 2016. № 16.
13. *Багаев И. З.* Временное отстранение от должности в системе мер уголовно-процессуального принуждения: история, современность и пути совершенствования // Modern Science. 2021. № 2–1.

Расследование после истечения срока давности уголовной ответственности

Интерпретируются правовые позиции Конституционного Суда РФ и отдельные доктринальные положения относительно уголовно-процессуального порядка освобождения от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности. Делается акцент на необходимости комплексной регламентации расследования, имеющего место после отказа преследуемого лица дать согласие на прекращение уголовного дела по данному материально-правовому основанию.

Ключевые слова: сроки давности, освобождение от уголовной ответственности, истечение сроков давности, прекращение уголовного дела

Согласно ч. 2 ст. 27 УПК РФ не допускается прекращение уголовного преследования по ряду перечисленных в норме оснований, если подозреваемый или обвиняемый против этого возражают. В таком случае производство по уголовному делу продолжается в обычном порядке. Данное положение — проявление конституционного принципа презумпции невиновности, связывающей констатацию совершения лицом преступления только с приговором суда. Многолетняя дискуссия 70–90-х гг. прошлого столетия о легитимности института прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям в досудебном производстве (в связи с тем, что решение принимает несудебный орган) завершилась компромиссной позицией Конституционного Суда РФ, признавшего такое прекращение допустимым, поскольку вопрос о виновности здесь разрешается не в конституционном правовом смысле¹. Одной из гарантий для лица, в отношении которого поставлен вопрос о прекращении уголовного преследования, выступает его право не дать согласия на такое прекращение.

Среди оснований прекращения уголовного преследования, перечисленных в ч. 2 ст. 27 УПК РФ, особое место занимает истечение сроков давности, влекущих освобождение от уголовной ответственности. Специфика в том, что не совсем ясны сама возможность, цель, продолжительность и ряд других существенных элементов порядка производства за пределами сроков давности. Значительную остроту вопросу придает признание ч. 2 ст. 27 УПК РФ и отдельных положений ст. 78 УК РФ неконституционными «в той мере, в какой они — допуская в своей взаимосвязи продолжение уголовного преследования после истечения на досудебной стадии уголовного судопроизводства срока давности привлечения к уголовной ответственности, в том числе за тяжкое преступление, в случае, если подозреваемый или обвиняемый возражал в момент истечения этого срока против прекращения уголовного преследования по данному нереабилитирующему основанию, — не гарантируют достижения в раз-

умные сроки определенности правового положения такого лица применительно к подозрению или обвинению в совершении преступления»².

Кратко выскажемся по отдельным аспектам производства по делу после истечения сроков давности, сформулировав их в виде вопросов.

Допустимо (легально) ли продолжение производства по уголовному делу после истечения срока давности уголовной ответственности?

Если обратиться к редакции п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, то может сложиться ошибочное представление, что избобличительная деятельность по окончании сроков, предусмотренных ст. 78 УК РФ, невозможна. Действительно, в качестве основания отказа в возбуждении уголовного дела и прекращения уголовного дела закон называет «истечение сроков давности уголовного преследования». Уголовное преследование — «процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях избобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления» (п. 55 ст. 5 УПК РФ). Как видим, буквальное толкование приведенных положений указывает на недопустимость установления обстоятельств дела за чертой срока давности в обычном режиме. Такой же вывод напрашивается при анализе предшествовавшего регулирования. Согласно ст. 4 УПК РСФСР 1923 г. «уголовное преследование не может быть возбуждено, а возбужденное не может быть продолжено и подлежит прекращению во всякой стадии процесса: ... 4. За истечением давности». В УПК РСФСР 1960 г. закреплялось, что «Уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное дело подлежит прекращению: ... 3) за истечением сроков давности» (п. 3 ч. 1 ст. 5). Сама статья, в которой содержалась данная норма, имела красноречивое в интересующем нас аспекте название: «Обстоятельства, исключаящие производство по уголовному делу», т. е. производство за пределами срока давности исключается.

Вместе с тем уголовно-правовой институт сроков давности имеет в виду наступление, реализацию уголовной ответственности, обязанность виновного лица

¹ По делу о проверке конституционности статьи 6 УПК РСФСР в связи с жалобой гр. О. В. Сушкова : постановление Конституционного Суда РФ от 28 октября 1996 г. № 18-П. Здесь и далее, если не указано иного, доступ к нормативным правовым документам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² По делу о проверке конституционности части 2 статьи 27 УПК РФ и пункта «в» части первой статьи 78 УК РФ в связи с жалобой гр. В. А. Рудникова : постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2022 г. № 33-П.

понести таковую. На данное обстоятельство справедливо обращает внимание Е. Г. Васильева, ссылающаяся на авторитетное мнение выдающегося специалиста в области уголовного права Н. И. Загородникова, который писал, что «социально-политический смысл давности как раз в том и состоит, что по истечении указанных в законе сроков лицо освобождается не от привлечения в качестве обвиняемого по уголовному делу, а от ответственности перед государством». Далее автор добавляет от себя, что «правомерно говорить о сроках уголовного преследования вообще, но некорректно, с точки зрения разделения материального и процессуального права, истечение данных сроков устанавливать в качестве основания для прекращения уголовного преследования» [1, с. 170, 171]. Из изложенного следует, что производство после истечения сроков давности допустимо и порой необходимо.

При каком условии возможно производство по уголовному делу по истечении сроков давности? Не является ли «выход» расследования за пределы давности уголовной ответственности обстоятельством, требующим реабилитации преследуемого лица и компенсации ему морального вреда?

Позиция, занятая нами при ответе на предыдущий вопрос, конечно же, не является абсолютной и безусловной. По смыслу закона, обычное течение уголовного судопроизводства не должно иметь места за пределами сроков давности. Единственным условием такого производства выступает отказ преследуемого лица согласиться с прекращением уголовного дела в связи с истечением срока давности уголовной ответственности. Поэтому в момент исхода давностного срока должностное лицо, осуществляющее производство по уголовному делу, обязано объявить об этом преследуемому лицу, довести до него значение данного юридического факта, разъяснить право дать согласие на прекращение уголовного дела либо возразить против этого, выяснить и зафиксировать выраженное волеизъявление.

В литературе обращено внимание, что перечень реабилитирующих оснований прекращения уголовного преследования, изложенный в ст. 133 УПК РФ, шире классической триады: отсутствие события и состава преступления и непричастность лица к совершению преступления составляют группу материальных оснований реабилитации. В нормативный перечень (пункт 3 части 2, часть 2¹ ст. 133 УПК РФ) включены основания, которые сами по себе реабилитирующими не являются. В связи с этим высказывается мысль о наличии формальных (наряду с материальными) реабилитирующих оснований прекращения уголовного дела, к числу которых, несмотря на отсутствие об этом прямого указания в законе, относится также истечение сроков давности уголовной ответственности, если уголовное преследование велось вопреки данному обстоятельству [2, с. 780, 781]. Водоразделом между за-

конным и незаконным производством по уголовному делу за пределами сроков давности, на наш взгляд, выступает волеизъявление своевременно извещенного обвиняемого о согласии или несогласии с прекращением ведущегося в отношении него уголовного преследования.

Как следует действовать, если повод о преступлении поступил и зарегистрирован по истечении срока давности уголовной ответственности за совершенное деяние?

Сразу оговоримся, что нас интересуют случаи, когда непосредственно в поводе или в материалах его проверки содержатся достоверные сведения о причастности к преступлению конкретного лица. Если таких сведений нет, то решение об отказе в возбуждении уголовного дела по п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ принимается в общем порядке, т. е. постановление может быть мотивировано интерпретацией сведений (дата совершения преступления, его тяжесть, установленный ст. 78 УК РФ конкретный срок давности, дата принятия решения по результатам проверки), подтверждающих наличие избранного основания отказа в возбуждении уголовного дела. Когда проверка производится в отношении определенного лица, требуется выяснить его отношение к принимаемому решению.

Закон прямо не предусматривает получения согласия лица, в отношении которого вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с истечением срока давности. Такое согласие предусмотрено только при прекращении ранее возбужденного уголовного дела. Вместе с тем Конституционный Суд РФ выработал подход, согласно которому отказ в возбуждении уголовного дела в связи с истечением срока давности предполагает согласие лица, в отношении которого такое решение принимается. В частности, сказано, что «наличие такой гарантии прав личности, как получение от заинтересованного лица согласия с отказом в возбуждении против него уголовного дела при решении вопроса о принятии соответствующего постановления в связи с истечением сроков давности уголовного преследования ... является обязательным»³.

Приведенная правовая позиция предопределяет следующие алгоритмы действий в ситуациях, когда лицо, в отношении которого подано заявление, возражает против отказа в возбуждении уголовного дела: 1) принимается решение об отказе в возбуждении уголовного дела ввиду отсутствия события или состава преступления, а также, возможно, 2) за истечением срока давности по факту совершенного преступления без указания на причастное лицо, либо 3) возбуждается уголовное дело. Последнее решение стало возможным благодаря приведенному толкованию Конституционного Суда РФ и основано на нем. Возникает сугубо процедурный вопрос о том, в каком порядке — по факту преступления или в отношении конкретного

³ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гр. С.В. Майоровой на нарушение ее конституционных прав пунктом 3 части первой статьи 24 и частью четвертой статьи 148 УПК РФ: определение Конституционного Суда РФ от 5 июня 2014 г. № 1309-О.

лица — должно возбуждаться уголовное дело. Иными словами, может ли быть уголовное дело возбуждено не в отношении конкретного лица с учетом того, что в описательно-мотивировочной части постановления обязательно должны излагаться сведения о лице, возражающем против отказа в возбуждении уголовного дела. Полагаем, что, несмотря на данное обстоятельство, уголовное дело может быть возбуждено независимо, поскольку начинается самостоятельное расследование, которое должно подчиняться общим закономерностям.

Из изложенного вытекает, что истечение сроков давности не влечет безусловного прекращения уголовно-процессуального производства. Такое производство возможно. Вместе с тем оно не может не иметь специфики, predetermined невозможностью наступления уголовной ответственности за расследуемое преступление. Опираясь на материалы Конституционного Суда РФ, сформулируем ряд вопросов, высвечивающих особенности производства по уголовному делу в рассматриваемых случаях.

В течение какого времени может проводиться расследование за пределами сроков давности уголовной ответственности?

В связи с возникшей на практике неопределенностью и поступившим запросом Конституционный Суд РФ в обозначенном выше постановлении от 18 июля 2022 г. № 33-П признал неконституционным возможное неограниченное по времени производство расследования после отказа лица дать согласие на прекращение уголовного дела по данному основанию. Суд предписал: «впредь до внесения в действующее правовое регулирование надлежащих изменений продолжение расследования уголовного дела по истечении срока давности уголовного преследования, когда подозреваемый или обвиняемый возражал в момент истечения этого срока против прекращения уголовного дела по данному нереабилитирующему основанию, допускается в срок, не превышающий двенадцати месяцев со дня истечения срока давности уголовного преследования». Такого рода предписания органа конституционного контроля в теории относят к источникам уголовно-процессуального права, реально регулирующим отношения до появления соответствующей нормы [2, с. 233]. Надеемся, что законодатель конкретизирует приведенное, так скажем, временное (промежуточное) регулирование, приняв за основу предложенную официальным законопроектом дифференциацию сроков: 2 месяца — по делам о преступлениях небольшой тяжести, 3 месяца — средней тяжести, 12 месяцев — по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях⁴. Кроме того, нуждается

в нормативном описании ситуация, когда заявление о преступлении подано после окончания срока давности. Полагаем, что установленный законом срок расследования по делу, возбужденному за пределами срока давности, должен исчисляться не со дня его истечения, а с момента возражения лица против отказа в возбуждении уголовного дела по такому основанию.

Имеет ли специфику цель уголовно-процессуального производства, осуществляемого после отказа лица дать согласие на прекращение уголовного дела в связи с истечением срока давности?

Постановка такого вопроса predetermined тем обстоятельством, что уголовная ответственность по результатам производства по уголовному делу в любом случае не реализуется. Можно ли в таких условиях говорить об имеющем место уголовном преследовании, осуществляемом на досудебных стадиях органами дознания, предварительного следствия и прокурором, а в суде — государственным обвинителем? Данный вопрос не находится в сугубо теоретической плоскости, хотя понимание цели производства само по себе очень важно. От ее трактовки, на наш взгляд, зависит порядок деятельности, в частности, статус преследуемого лица, пределы применения процессуального принуждения, виды принимаемых решений и т. п., о чем речь пойдет отдельно.

Полагаем, что, опираясь на позицию Конституционного Суда РФ, выработанную им относительно производства о применении принудительных мер медицинского характера⁵, допустимо вести речь о фактическом уголовном преследовании за пределами сроков давности. Лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, также не понесет уголовную ответственность, однако фактически оно преследуется («по существу, уличается в совершении деяния, запрещенного уголовным законом»), поскольку устанавливаются обстоятельства содеянного для применения иной меры уголовно-процессуального характера.

При наступлении давностного срока органы расследования, получив возражение обвиняемого (подозреваемого) по поводу прекращения уголовного дела в связи с этим обстоятельством, становятся перед выбором: либо прекратить дело по реабилитирующему основанию, либо через суд добиться признания лица виновным, что позволяет соблюсти конституционные положения о презумпции невиновности. Поскольку специальные правила производства по делу в целях осуждения, за которым следует освобождение лица от наказания, не предусмотрены, уголовно-процессуальная деятельность ведется в целом в обычном порядке.

⁴ Проект Федерального закона № 285563-8 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/285563-8> (дата обращения: 03.03.2023).

⁵ По делу о проверке конституционности ряда положений статей 402, 433, 437, 438, 439, 441, 444 и 445 УПК РФ в связи с жалобами гр. С. Г. Абламского, О. Б. Лобашовой и В. К. Матвеева : постановление Конституционного Суда РФ от 20 ноября 2007 г. № 13-П.

Означает ли приравнивание процессуальной деятельности, ведущейся за пределами срока давности, к фактическому уголовному преследованию, что в ходе ее производства могут на общих основаниях применяться меры процессуального принуждения, следственные действия, в том числе ограничивающие конституционные права граждан, а лицо будет надеяться статусами подозреваемого и обвиняемого?

Повторим, что специального порядка, адаптированного под особенности производства по делу после отказа лица согласиться с прекращением преследования ввиду истечения срока давности, в настоящее время нет. Приходится ориентироваться на общие положения закона и их официальное истолкование, по крупицам формирующее столь необходимое специфическое регулирование. Как отмечалось, Конституционным Судом РФ предложено ограничить продолжение расследования дела после истечения срока давности. Кроме того, информацию для размышления дает его позиция, согласно которой «избрание лицу домашнего ареста допустимо лишь при условии обеспечения в конкретном деле соразмерности данной меры пресечения целям ее применения, а значит, по общему правилу, должно соотноситься с возможностью назначения лицу уголовного наказания в виде лишения свободы»⁶. Коль скоро за пределами сроков давности наказание не назначается в принципе, в литературе высказано мнение о невозможности применения на этом этапе судопроизводства мер пресечения [3, с. 24, 25]. Такая точка зрения формально безупречна, поскольку даже самая мягкая мера пресечения оказывается строже, чем наказание, которого нет. Вместе с тем нельзя забывать, что обвиняемый, отказавшийся согласиться с прекращением уголовного дела, далеко не всегда готов сотрудничать со следствием. Его цель — избежать ответственности, поэтому без обеспечительных мер обстоятельства, входящие в предмет доказывания, вряд ли могут быть установлены. По этой причине не можем согласиться с упоминавшимся Проектом № 285563-8 в том, что «в случае продолжения производства по уголовному делу, по которому истекли сроки давности уголовного преследования, меры пресечения в отношении подозреваемого, обвиняемого применяться не могут». Обратим внимание, что такой подход (запрет на применение всех мер пресечения) в пояснительной записке, по существу, не мотивирован, в ней приведена лишь ссылка на позицию Конституционного Суда РФ⁷ о недопустимости заключения лица под стражу «если лицу не может быть назначено наказание в виде лишения свободы».

Из иных мер процессуального принуждения, предусмотренных главой 14 УПК РФ, при производстве за пределами сроков давности, на наш взгляд, применимы обязательство о явке, привод, денежное взыскание. Поскольку процессуальные издержки могут быть взысканы и с осужденного, освобожденного

от наказания (ч. 2 ст. 132), не исключается наложение ареста на имущество в целях обеспечения «других имущественных взысканий» (ч. 1 ст. 115 УПК РФ). Что касается наложения ареста на имущество в целях обеспечения гражданского иска, то допустимость данной меры принуждения зависит от позиции, которую займет правоприменительная практика (желательно, также и законодатель) по поводу возможности разрешения гражданского иска в обвинительном приговоре с освобождением от наказания, постановленном за пределами срока давности уголовной ответственности. Принципиальных препятствий для разрешения гражданского иска одновременно с разрешением вопроса о виновности лица, не давшего согласие на прекращение уголовного дела, на наш взгляд, нет. Если это так, то производство по гражданскому иску должно опираться на принудительный потенциал.

Полагаем, что в рамках производства после истечения сроков давности могут применяться все предусмотренные законом средства доказывания.

Лицо, отказавшееся согласиться с прекращением уголовного дела ввиду истечения срока давности, должно понимать, что за отсутствием других вариантов определенное время будет находиться в статусе подозреваемого или обвиняемого.

Вправе ли преследуемое лицо знакомиться с собранными материалами для выработки позиции о согласии/несогласии с прекращением уголовного дела за истечением сроков давности?

Уголовно-процессуальные отношения в данной части не урегулированы. Затруднено и применение закона по аналогии, поскольку ситуация уникальная, отличающаяся от иных случаев, предполагающих ознакомление с осуществленным производством. С одной стороны, ознакомление с материалами уголовного дела по нормам, предусмотренным главой 30 УПК РФ, приведет к преждевременному раскрытию собранных сведений, поскольку расследование может быть продолжено, с другой — незнание материалов затрудняет для преследуемого лица принятие решения. Если встать на позицию непредоставления материалов, то не исключено, что ознакомление с ними, последовавшее после принятия решения о прекращении преследования (в этом случае оно обязательно), приведет к ходатайству об отмене постановления. Законодателю требуется выработать сбалансированное регулирование этого вопроса на основе, как представляется, идеи дозированного доступа к материалам дела.

Какое итоговое решение возможно по результатам досудебного и судебного производства за пределами сроков давности?

Прочтение закона, на наш взгляд, позволяет заключить, что в момент истечения срока давности принимается решение либо о прекращении дела по дан-

⁶ По делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 107 УПК РФ в связи с жалобой гр. С. А. Костроминой: постановление Конституционного Суда РФ от 22 марта 2018 г. № 12-П.

⁷ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гр. Н. С. Гончарова на нарушение его конституционных прав положениями статей 5, 89, 93, 143, 154, 221, 247, и 378 УПК РСФСР: определение Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2000 г. № 296-О.

ному основанию, естественно, при отсутствии на то возражений преследуемого лица, либо о прекращении уголовного дела по реабилитирующему основанию. Обвиняемый (подозреваемый) не наделен правом выбора реабилитирующего основания, однако в случае несогласия с принятым решением в этой части может добиваться его изменения, в том числе посредством обжалования в суд. Что касается досудебного производства, имеющего место после исчерпания срока давности, то вопрос о форме окончания расследования на момент подготовки данного материала остается открытым. Согласно правовой позиции, выраженной в уже упоминавшемся постановлении № 33-П, после завершения расследования за пределами срока давности, «если уголовное дело в установленном порядке не передано в суд, оно подлежит незамедлительному прекращению и без согласия на то подозреваемого или обвиняемого, который вправе оспорить такое решение в суд, а суд обязан разрешить его жалобу по правилам, предусмотренным статьей 125¹ УПК Российской Федерации».

Это, прямо скажем, революционное предписание. Его существенная новизна состоит, как минимум, в двух аспектах. Во-первых, в том, что уголовное дело по основанию, связанному с истечением срока давности, прекращается вопреки позиции преследуемого лица. Получается, что в момент наступления данного уголовно-правового обстоятельства прекращение дела предполагает согласие преследуемого лица, а после «дополнительного» (за пределами срока давности) расследования такое прекращение допустимо без учета его волеизъявления. Но что принципиально изменилось в ситуации? Вряд ли качественное отличие можно усмотреть в том, что органы расследования, предположим, в большей степени укрепились в своей убежденности в причастности лица к преступлению. Презумпция невиновности и гарантии ее соблюдения действуют вне зависимости от длительности производства по делу. Во-вторых, в своем предписании на переходный период до корректировки закона Суд не настаивает на обязательной передаче уголовного дела в судебное производство для рассмотрения по существу. В нем содержится не вполне определенное выражение — «если уголовное дело в установленном порядке не передано в суд, оно подлежит незамедлительному прекращению и без согласия на то подозреваемого или обвиняемого». Возникает вопрос о том, почему дело не может быть передано в суд. Если по причине неготовности обвинения, то тогда должно следовать прекращение по реабилитирующему основанию. Данную дилемму — прекращение преследования по реабилитирующему основанию или

направление дела в суд для рассмотрения по существу — Конституционный Суд РФ последовательно проводит в ряде своих решений⁸. Здесь же в качестве альтернативы полноценному судебному разбирательству предусмотрено производство в порядке ст. 125¹ УПК РФ, что вряд ли можно назвать равноценной заменой, на что обращено внимание в печати [4, с. 221–226; 5, с. 50], хотя бы потому, что в досудебном производстве невозможно вынесение приговора.

Разработчики законопроекта № 285563-8 не стали следовать позиции Конституционного Суда РФ и предусмотрели, что если уголовное дело не передано в суд или не прекращено по иному основанию, то преследование подлежит прекращению в связи с непричастностью лица к совершению преступления, т. е. по реабилитирующему основанию. В доктринальном плане это решение правильное, только вызывает огорчение сама ситуация, когда позиция Конституционного Суда РФ оказывается, прямо скажем, дезавуированной.

В одном из рабочих вариантов законопроекта во исполнение постановления № 33-П предложено «дополнить статью 24 УПК РФ новым основанием прекращения уголовного дела — в связи с истечением 12 месяцев производства предварительного расследования с момента истечения срока давности уголовного преследования в случае, если уголовное дело не передано в суд в порядке, установленном УПК РФ»⁹. Здесь, по нашему мнению, определенное интерпретационное искажение позиции Конституционного Суда РФ, поскольку в ней не идет речь о новом, самостоятельном основании прекращения уголовного дела.

Мы вплотную подошли к вопросу о видах решений в судебном производстве, ведущемся за пределами сроков давности по причине несогласия подсудимого с обвинением. В такой ситуации рассмотрение дела должно завершиться приговором — либо оправдательным, либо обвинительным с освобождением от наказания. Обвинительный приговор, а не постановление о прекращении уголовного дела, необходим в силу требования презумпции невиновности, поскольку ее преодоление ст. 49 Конституции РФ связывает исключительно с этим актом правосудия. При этом в случае истечения срока давности суд вправе не назначать фактически конкретное наказание, но принять решение об освобождении от него [6, с. 270–272]. Если же подсудимый выразил согласие на прекращение производства в связи с истечением срока давности уголовной ответственности, суд выносит постановление о прекращении уголовного дела по данному основанию (п. 1 ч. 1 ст. 254 УПК РФ).

⁸ По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 81 и статьи 401⁶ УПК РФ в связи с жалобой гр. А. Е. Певзнера : постановление Конституционного Суда РФ от 7 марта 2017 г. № 5-П ; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гр. О. Н. Карелова на нарушение его конституционных прав статьями 14, 24, 75 и 401¹⁵ УПК РФ и статьей 78 УК РФ : определение Конституционного Суда РФ от 25 марта 2021 г. № 419-О.

⁹ Проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». URL: <http://regulation.gov.ru/p/131146> (дата обращения: 03.03.2023).

Как следует толковать норму части 3 ст. 214 УПК РФ, согласно которой «возобновление производства по ранее прекращенному уголовному делу возможно в том случае, если не истекли сроки давности привлечения лица к уголовной ответственности»? Означает ли это, что возобновление производства за пределами срока давности невозможно в принципе?

В контексте правовых позиций Конституционного Суда РФ (отказ в возбуждении уголовного дела в связи с истечением сроков давности предполагает получение согласия лица, в отношении которого принимается решение; отсутствие согласия преследуемого лица с прекращением уголовного дела препятствует принятию этого решения и влечет продолжение расследования) следует признать, что сформулированный в ч. 3 ст. 214 УПК РФ запрет на возобновление ранее прекращенного уголовного дела, если истекли сроки давности, не является абсолютным. По крайней мере, он не должен действовать в случаях, когда уголовное дело прекращено без учета возражений лица или когда его согласие не испрошено. Полностью поддерживаем мнение, что «в статье 214 УПК речь идет только о запрете возобновлять за пределами срока давности дело, которое было прекращено законно» [7, с. 38].

В каких случаях требуется повторное согласие преследуемого лица на прекращение уголовного дела в связи с истечением срока давности, если ранее принятое решение о таком прекращении отменено?

Исчерпывающую основу для ответа на данный вопрос образует правовая позиция Конституционного Суда РФ, согласно которой пункт 3 ч. 1 ст. 24 и ч. 2 ст. 27 УПК РФ признаны неконституционными «в той мере, в какой они по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, позволяют следователю без согласия (при наличии возражений) подозреваемого, обвиняемого вынести постановление о прекращении уголовного преследования в связи с истечением срока давности после того, как вынесенное ранее с согласия подозреваемого, обвиняемого постановление о прекращении уголовного преследования по данному основанию было отменено, при том, что сам подозреваемый, обвиняемый не инициировал отмену такого постановления либо инициировал, но новое постановление о прекращении уголовного преследования в связи с установлением в результате возобновления производства по делу новых, имеющих юридическое значение обстоятельств, фактически ухудшало бы его положение по сравнению с отмененным»¹⁰.

Обратим внимание на нюанс, связанный с инициатором отмены постановления и возможным ухудшением положения преследуемого лица: если инициатива исходила от обвиняемого (подозреваемого) и его по-

ложение не ухудшилось (содеянное не переквалифицировано, фактическая сторона обвинения не изменена и не дополнена), то повторного согласия на прекращение уголовного дела не требуется. Как отмечено в постановлении № 20-П иное (необходимость повторного согласия на прекращение дела в таких ситуациях) «создавало бы почву для злоупотребления подозреваемым, обвиняемым своими процессуальными правами». К сожалению, данный нюанс сознательно не учтен разработчиками законопроекта¹¹, направленного на реализацию исследуемой правовой позиции. Проектом предусматривается получение согласия обвиняемого (подозреваемого) на прекращение уголовного дела во всех случаях, поскольку, как сказано в пояснительной записке, «установление исключения для случаев, когда отмена первоначального постановления инициирована самим подозреваемым и после нее не выявлено обстоятельств, ухудшающих его положение», не отвечает принципу правовой определенности.

Возможно ли прекращение за истечением сроков давности приостановленных уголовных дел?

Если проследить фактическую ситуацию с прекращением за давностью содеянного ранее приостановленных уголовных дел, то она не будет однородной. Подходы зависели от законодательного регулирования, судебной политики, позиции надзорного органа и даже ведомственных интересов. Например, ст. 48 УК РСФСР 1960 г. устанавливала, что течение давности прерывается, если до истечения указанных в данной статье сроков лицо совершит новое преступление, за которое может быть назначено лишение свободы на срок свыше двух лет. Исчисление давности в этом случае начиналось с момента совершения нового преступления. В таких условиях не было возможности прекратить дело, приостановленное в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, поскольку неизвестно, совершило ли оно другие преступления. По прежнему законодательству даже абсолютный пятнадцатилетний срок давности прерывался совершением нового преступления.

В соответствии с ч. 2 ст. 78 УК РФ в случае совершения лицом нового преступления сроки давности по каждому преступлению исчисляются самостоятельно. Поэтому находим правильным мнение, что дела о нераскрытых преступлениях (приостановленные по п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ) могут быть прекращены по п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ без их возобновления [2, с. 766]. Следственный комитет РФ занимает в этом вопросе другую позицию, предписывая в ведомственном акте, что прекращение дела за давностью содеянного возможно «только после установления этих лиц с соблюдением требований ч. 2 ст. 27 УПК РФ»¹².

¹⁰ По делу о проверке конституционности пункта 3 части первой статьи 24 и части второй статьи 27 УПК РФ в связи с жалобой гр. А. В. Новкунского : постановление Конституционного Суда РФ от 19 мая 2022 г. № 20-П.

¹¹ Проект Федерального закона № 232774-8 «О внесении изменения в статью 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/232774-8> (дата обращения: 03.03.2023).

¹² Об организации предварительного расследования в Следственном комитете Российской Федерации : приказ Следственного комитета РФ от 11 января 2011 г. № 2 (п. 1.24).

Что касается уголовных дел, приостановленных по п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, то здесь практически нет вариантов прекращения дела в связи с истечением срока давности вопреки позиции обвиняемого (подозреваемого). Даже отсутствие признаков активного уклонения преследуемого лица от следствия не позволяет прекратить уголовное дело без прекращения уголовного преследования, поскольку предполагается согласие лица на это решение.

Изложенное может быть подытожено следующими положениями.

1. Истечение срока давности уголовной ответственности не препятствует осуществлению по данному событию обвинительной деятельности, при

условии, что преследуемое лицо извещено об этом юридическом факте, осознает его значение и отказывается дать согласие на прекращение уголовного дела (отказ в возбуждении уголовного дела), тем самым иницируя его расследование и направление в суд.

2. Производство по уголовному делу за пределами срока давности имеет специфику и нуждается в самостоятельном регулировании по ряду аспектов (сроки, применение мер пресечения и иных мер процессуального принуждения, виды и условия принятия итоговых решений, аннулирование таких решений и пр.), значительная часть которых получила толкование в актах Конституционного Суда РФ.

Список литературы

1. *Васильева Е. Г.* Правовые и теоретические проблемы прекращения уголовного преследования и производства по уголовному делу. М., 2006.
2. *Курс уголовного процесса* / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Л. В. Головки. М., 2016.
3. *Калиновский К. Б.* Меры пресечения в уголовном процессе. Три вопроса из практики Конституционного Суда РФ, которые нужно учесть в работе // Уголовный процесс. 2021. № 11.
4. *Машишников Н. О.* Социальная ценность уголовного судопроизводства в свете позиции постановления Конституционного Суда Российской Федерации № 33-П от 18 июля 2022 г. // Современное уголовно-процессуальное право — уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (Орел, 6–7 октября 2022 г.) : в 2 ч. Ч. 1. Орел, 2022.
5. *Пашин С. А.* Представляется удачным постановление Пленума Верховного Суда РФ о компенсации морального вреда // Уголовное право. 2023. № 2.
6. *Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации* : практ. пособие / под ред. В. П. Верина. М., 2006.
7. *Головки Л. В.* Никакой драмы в нашем прощании с ЕСПЧ нет // Уголовный процесс. 2023. № 2.

УДК 343.1

А. П. ЛЫГА

Установление в ходе предварительного расследования имущества, подлежащего аресту

В статье рассмотрены вопросы деятельности по установлению имущества, подлежащего аресту на стадии предварительного расследования. Определены ее субъекты. Проанализированы позиции Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ о возможности наложения ареста на имущество отдельных лиц. Обоснована позиция о возможности производства следственных и иных процессуальных действий для установления имущества, подлежащего аресту. Исследована практика обеспечения сохранности изъятого имущества до рассмотрения судом вопроса о наложении на него ареста. В качестве выводов определены характерные черты исследованной деятельности и сформулировано предложение по совершенствованию правового регулирования.

Ключевые слова: предварительное расследование, оперативно-розыскные мероприятия, наложение ареста на имущество, мера принуждения, частные и публичные интересы, соразмерность

Наложение ареста на имущество обеспечивает частные и публичные интересы участников уголовного судопроизводства и является востребованной мерой процессуального принуждения¹. Анализ правового регулирования и позиций Конституционного Суда и Верховного Суда РФ подтверждает данный тезис и позволяет прийти к выводу, что установление имущества, на которое при наличии законных оснований должен налагаться арест, является важным направлением деятельности органов предварительного расследования.

Мере процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество свойственен «сквозной характер». Принято считать, что она проходит через большинство стадий уголовного судопроизводства [1, с. 10]. Сказанное позволяет выделить три этапа деятельности по наложению ареста на имущество: 1) подготовительный; 2) принятие судом решения о наложении ареста; 3) исполнение решения.

Предметом данного исследования выступает подготовительный этап, поскольку именно на нем решается задача по установлению имущества, подлежащего аресту.

Значение слова «установить» — доказать, выявить, обнаружить [2, с. 772]. Следовательно, содержание деятельности уполномоченных субъектов на подготовительном этапе состоит в получении доказательств принадлежности объекта права собственности конкретному субъекту, выяснении его местонахождения, характеристик объекта (стоимости, состояния и других свойств), его фактическом обнаружении. Обращая внимание на перечисленные выше аспекты, исследователи выделяют специальную цель ареста имущества — «отыскание предмета преступ-

ного посягательства» [3, с. 13; 4, с. 99; 5, с. 42], хотя данная точка зрения не соотносится с целями меры принуждения, определяемыми в соответствии с ч. 1 ст. 115 УПК РФ [6, с. 22; 7, с. 102].

Интерес вызывает вопрос о моменте начала данной деятельности. Положения ст. 144 УПК РФ ориентируют участников стадии возбуждения уголовного дела, указанных в ч. 1 данной статьи, на использование предусмотренных законом средств в целях установления достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Для первоначальной стадии производства по уголовному делу закон не содержит запрета на проведение проверочных и следственных действий, направленных на получение сведений об имуществе, на которое в будущем может быть наложен арест. При этом их перечень строго определен законом.

Следует учитывать, что в 2022 г. ст. 2 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»² (далее по тексту — ФЗ «Об ОРД») была дополнена новой задачей оперативно-розыскной деятельности — «установление имущества, необходимого для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, взыскания штрафа, других имущественных взысканий, или имущества, подлежащего конфискации». Полагаем, что это указывает на то, что установление имущества, подлежащего аресту, может начинаться до регистрации сообщения о преступлении, т. е. на этапе документирования органом дознания преступного посягательства. Таким образом, соответствующая деятельность характеризуется единой целью и двойственной правовой природой, поскольку она носит как процессуальный, так и непроцессуальный характер.

При этом процессуальная составляющая не сводится к простому установлению факта наличия

¹ По данным Судебного Департамента при Верховном Суде РФ, в 2018–2022 гг. судами рассмотрено 2841 ходатайство о наложении ареста на имущество. Из них: удовлетворено 2572 ходатайства; рассмотрено 29 386 ходатайств о продлении ареста имущества; удовлетворено 350 928 гражданских исков на сумму более 167 млрд рублей; принято 16 765 решений о применении меры уголовно-процессуального характера в виде конфискации имущества и 403 669 решений о применении уголовного наказания в виде штрафа. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 10.02.2023).

² Об оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ. Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым документам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

у субъекта имущественных прав, а предполагает установление юридических и фактических оснований для применения меры принуждения, о чем свидетельствуют результаты анализа положений закона и разъяснений Верховного Суда РФ³. Кроме того, следует собрать и проверить доказательства принадлежности имущества подозреваемому, обвиняемому или иными лицам, указанным в ч. 3 ст. 115 УПК РФ, а также того, что данное имущество предназначалось для использования в определенных законом целях или получено в результате совершения преступления. Необходимо обеспечить соразмерность предполагаемого ограничения прав, для чего требуется установить стоимость имущества (либо его части), а также выяснить, входит ли оно в перечень, закрепленный в ст. 446 ГПК РФ.

Известно, что производство оперативно-розыскных мероприятий (далее по тексту — ОРМ) составляет основу непроцессуальной деятельности органа дознания. Кроме того, в практической деятельности часто применяется планирование совместных мероприятий. Его порядок регламентирован ведомственными актами, имеющими гриф ограниченного распространения. Сведения, поступающие от органа дознания, следователь или дознаватель могут использовать в качестве доказательств принадлежности имущества конкретному лицу или противоправности его происхождения, только в случае их соответствия требованиям, предъявляемым УПК РФ и, следовательно, после их проверки процессуальным путем⁴. Например, если речь идет о документах, то они могут быть осмотрены, тем самым проверены на предмет относимости и допустимости, признаны иными документами или вещественными доказательствами. Тот же подход применим и к материалам производства об административных правонарушениях [8, с. 86–96].

Источником сведений об имуществе, на которое в порядке, установленном законом, может налагаться арест, допустимо рассматривать результаты деятельности Федеральной службы по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг). Потенциал данного госоргана позволяет получить сведения о зарегистрированных на территории России и иностранных

государств правах физических и юридических лиц, о приобретении имущества, его отчуждении, преобразовании, лицах, которым было передано имущество, полученное в результате совершения преступления, а также данные о наличии или отсутствии признаков «отмывания» доходов, полученных преступным путем⁵. Такие результаты могут быть представлены в распоряжение органов предварительного расследования и суда органом дознания, взаимодействующим с Росфинмониторингом при проведении ОРМ.

Деятельность уполномоченных лиц по установлению имущества, подлежащего аресту, зависит от статуса субъекта права. Верховный Суд РФ отмечает, что юридические лица не отвечают по обязательствам своих участников, следующим из гражданско-правовых отношений⁶. Однако при аресте имущества по уголовному делу следует руководствоваться ч. 3 ст. 115 УПК РФ. Арест на имущество юридического лица может налагаться при наличии доказательств его получения в результате совершения преступления⁷. Кроме того, Верховным Судом РФ отмечается, что арест может быть наложен на имущество, принадлежащее лицу, в отношении которого заявлены иски о взыскании ущерба, несмотря на то что вопрос о возмещении вреда ранее был разрешен в порядке гражданского судопроизводства, но судебное решение не исполнено (например, по причине отсутствия у должника необходимого количества имущества)⁸. Такая практика распространена по уголовным делам о налоговых преступлениях¹⁰ и находит позитивную оценку в научном сообществе [9, с. 62–66]. Ее специфика обусловлена отсутствием прямого ущерба как признака налоговых преступлений.

К лицам, арест на имущество которых может налагаться в случаях, предусмотренных законом (ч. 3 ст. 115 УПК РФ), относятся физические лица, не поставленные в процессуальный статус, или юридические лица, если они несут по закону материальную ответственность за действия подозреваемого, обвиняемого (его законных представителей, опекунов и попечителей (ст. ст. 1074–1076 ГК РФ), выступают работодателями, отвечающими за вред, причиненный при выполнении сотрудниками трудовых обязанно-

³ О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ) : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2017 г. № 19.

⁴ Инструкция о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд. Утв. приказом МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27 сентября 2013 г. (зарег. в Минюсте России 5 декабря 2013 г. № 30544).

⁵ Вопросы Федеральной службы по финансовому мониторингу (вместе с Положением о Федеральной службе по финансовому мониторингу) : указ Президента РФ от 13 июня 2012 г. № 808.

⁶ Определение Верховного Суда РФ от 14 февраля 2023 г. № 48-КГ22-25-К7.

⁷ Обзор практики рассмотрения судами ходатайств о наложении ареста на имущество по основаниям, предусмотренным частью 1 статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27 марта 2019 г.).

⁸ Определение Верховного Суда РФ от 25 января 2022 г. № 5-КГ21-166-К2 ; Кассационное определение Верховного Суда РФ от 3 февраля 2021 г. № 45-КАД-20-9-К7 ; О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства : постановление Пленума Верховного Суда РФ № 50 от 17 ноября 2015 г.

⁹ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 6 сентября 2022 г. № 49-УД22-18-К6.

¹⁰ Определение Верховного Суда РФ от 21 сентября 2021 г. № 18-КГ21-71-К4 ; Определение Верховного Суда РФ от 2 марта 2021 г. № 73-КГ20-5-К8.

стей (ст. ст. 1069–1071), являются владельцами источника повышенной опасности (ст. 1079 ГК РФ).

Кроме того, арест может быть наложен на имущество физических лиц при наличии основания полагать, что оно получено в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия, оборудования или иного средства совершения преступления, для финансирования терроризма, экстремистской деятельности (экстремизма), организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации)¹¹.

Опрос 176 следователей и дознавателей показал, что для установления имущества подозреваемого, обвиняемого они направляют запросы в регистрирующие органы и дают поручения органу дознания о проведении ОРМ. При получении отрицательных ответов следственные действия по установлению имущества, фактически принадлежащего и находящегося у определенных лиц, не проводят, поскольку это не входит в предмет доказывания.

С обозначенным подходом сложно согласиться. Факт наличия у подозреваемого или обвиняемого имущества, не зарегистрированного в установленном порядке, следует считать обстоятельством, характеризующим его личность, установление которого допустимо путем производства следственных действий. Это согласуется с позициями Конституционного Суда РФ. Разрешая вопрос о конституционности положений ч. 1 ст. 81¹, п. 3¹ ч. 2 ст. 82, ст. ст. 115, 115¹ УПК РФ, он отмечает, что наложение ареста на имущество при определенных обстоятельствах может способствовать установлению обстоятельств, подлежащих доказыванию¹².

В силу обозначенных установок в качестве легальных средств установления имущества, на которое может быть наложен арест, следует рассматривать любые процессуальные и следственные действия. Например, при производстве обыска могут быть обнаружены ценности, имеющие значение для уголовного дела (ч. 1 ст. 182 УПК РФ). Сведения об имуществе можно получить и в ходе допроса участников процесса. Определить размер дебиторской задолженности позволит судебная бухгалтерская экспертиза. Сведения

об имуществе юридического лица (не подлежащем государственной регистрации) орган расследования получит путем осмотра документов, проведенного с участием специалиста в сфере бухгалтерского учета. Этим перечень следственных действий и ситуаций, при которых могут быть получены сведения об имуществе, не ограничивается.

Наложение ареста на имущество является мерой процессуального принуждения, обеспечивающей его сохранность и исполнение приговора. Изучение материалов уголовных дел позволило нам выявить несколько способов решения указанной задачи на стадии предварительного расследования.

Первый из них состоит в признании имущества вещественным доказательством, приобщении его к уголовному делу и передаче законному владельцу на основании п. «б» ч. 2 ст. 82 УПК РФ. Достоинством данного подхода следует считать легальность ограничения имущественных прав до рассмотрения вопроса о его аресте судом. Особенностью такой практики выступает возможность ее применения только в отношении имущества, отвечающего признакам, предусмотренным в ч. 1 ст. 81 УПК РФ, т. е. в случаях, если это возможно без ущерба для доказывания и при отсутствии оснований для конфискации имущества.

Следует учитывать, что исполнение приговора в части конфискации имущества обеспечивается арестом последнего. Оставление имущества у подозреваемого, обвиняемого и иного лица после наложения ареста будет обеспечивать его сохранность посредством запрета, предусмотренного ч. 2 ст. 115 УПК РФ, и возможности привлечения к уголовной ответственности по ст. 312 УК РФ, оформленными в процессуальном порядке.

В ряде регионов описанная практика по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. ст. 264¹–264³ УК РФ, не сложилась. Это привело к случаям утраты вещественных доказательств и отсутствию возможности обеспечения приговора в части конфискации. Выдача имущества, подлежащего конфискации на основании п. «д» ч. 1 ст. 104 УК РФ, его законному владельцу, которым выступали преследуемые лица, повлекла продажу, повреждение, уничтожение вещественного доказательства¹³. Поэтому подчеркнем, что при отнесении имущества к видам,

¹¹ По делу о проверке конституционности положений частей первой, третьей и девятой статьи 115, пункта 2 части первой статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и абзаца девятого пункта 1 статьи 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Недвижимость-М», общества с ограниченной ответственностью «Соломатинское хлебоприемное предприятие» и гражданки Л. И. Костаревой : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 января 2011 г. № 1-П ; Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2(2021) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30 июня 2021 г.) ; Решение Северского городского суда Томской области от 2 февраля 2021 г. по делу № 2-81/2021 ; Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 7 июля 2021 г. по делу № 88-15251/2021, 2-353/2020.

¹² По делу о проверке конституционности части первой статьи 81.1 и пункта 3.1 части второй статьи 82 УПК РФ в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Синклит» : постановление Конституционного Суда РФ от 11 января 2018 г. № 1-П ; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Себелевой И. В. на нарушение ее конституционных прав частями третьей и девятой статьи 115, частями первой и шестой статьи 115¹, частью первой статьи 116 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 8 ноября 2018 г. № 2794-О.

¹³ По материалам уголовных дел, находившихся в производстве дознавателей и следователей УМВД России по Омской и Кемеровской областям во втором полугодии 2022 г.

перечисленным в ч. 1 ст. 104¹ УК РФ, оно в обязательном порядке подлежит изъятию, признанию вещественным доказательством, с обязательным наложением ареста.

Другой вариант обеспечения сохранности имущества до рассмотрения вопроса о наложении на него ареста состоит в его изъятии на основании необходимости обеспечения потерпевшему возмещения имущественного вреда, причиненного преступлением (ч. 3 ст. 42 УПК РФ), незамедлительного принятия мер к установлению имущества подозреваемого, обвиняемого и иных лиц, перечисленных в ст. 115 УПК РФ и наложению на него ареста (ч. 1 ст. 160¹ УПК РФ).

Анализ решений, на основании которых производилось изъятие имущества, позволяет сделать вывод, что практические работники реализацию названных норм понимают в качестве легального механизма, обеспечивающего защиту публичных интересов, путем ограничения права собственности, не умаляющего его, а ограничивающего до рассмотрения судом вопроса о наложении ареста. Очевидно, что применение такого порядка невозможно в отношении объектов недвижимости и безналичных денежных средств¹⁴, права требования, иных исключительных прав и бездокументарных ценных бумаг.

Основываясь на позициях Конституционного Суда РФ, отметим, что ограничение имущественных прав допускается только в случаях и порядке, установленном законом¹⁵. Поэтому при отсутствии оснований для постановки имущества в статус вещественного доказательства законность его изъятия до рассмотрения вопроса о наложении ареста может быть обжалована участниками процесса.

Обоснованность указанного подхода подтверждает наличие в УПК РФ легальной альтернативы в виде наложения ареста на имущество в порядке, предусмотренном для случаев, не терпящих отлагательства, с последующим исследованием вопроса об обоснованности его применения в порядке ч. 5 ст. 165 УПК РФ. Но такой порядок неприменим для достижения всех целей, предусмотренных ч. 1 ст. 115

УПК РФ. Это говорит о нормативном несовершенстве существующего механизма, содержащего условия, нарушающие пропорциональность соотношения частных и публичных интересов участников уголовного судопроизводства.

Подводя итог, сделаем следующие выводы. Деятельность по установлению имущества, подлежащего аресту, обусловлена целями, закрепленными в ч. 1 ст. 115 УПК РФ. Ее результаты определяют пределы содержания ходатайства органа предварительного расследования перед судом и, в перспективе, пределы деятельности по исполнению решения суда о наложении ареста на имущество. Она реализуется посредством обуславливающих друг друга процессуальной и непроцессуальной форм. В определенных случаях непроцессуальная форма предшествует процессуальной. Они применяются специально уполномоченными субъектами в порядке, предусмотренном законом. Такие субъекты могут выполнять свои функции единолично (инициативно) и путем использования организационных форм, обеспечивающих их взаимодействие.

Перечень средств установления имущества, подлежащего аресту, и способ обеспечения его сохранности до рассмотрения судом вопроса о наложении на него ареста зависят от статуса субъекта права, вида имущества, его происхождения и отношения к механизму совершения расследуемого деяния.

Уголовно-процессуальный закон содержит условия, не позволяющие в порядке ч. 5 ст. 165 УПК РФ налагать арест на имущество, не относящееся к перечню ч. 1 ст. 104¹ УК РФ. Это может приводить к сокрытию, повреждению или уничтожению отдельных видов имущества, право собственности на которое подлежит ограничению и, следовательно, к нарушению частных и публичных интересов участников уголовного судопроизводства.

В связи с этим предлагается в положения ч. 5 ст. 165 УПК РФ внести изменения, а именно: слова «... указанное в части первой статьи 104¹ Уголовного кодекса Российской Федерации ...» исключить.

Список литературы

1. *Безлепкин Б. Т.* Имущественные отношения в стадии предварительного расследования. Горький, 1976.
2. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1972.
3. *Рыжаков А. П.* Возмещение вреда, причиненного преступлением. М., 2011.
4. *Соколова М. В.* Деятельность следователя по наложению ареста на имущество : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018.
5. *Иванов Д. А.* Досудебный порядок возмещения вреда, причиненного преступлением: теоретические и правовые основы, проблемы правоприменения : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018.

¹⁴ По ходатайству общества с ограниченной ответственностью «Аврора малоэтажное строительство» о разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 21 октября 2014 г. № 25-П : определение Конституционного Суда РФ от 12 мая 2016 г. № 906-О-Р.

¹⁵ По делу о проверке конституционности положений статьи 82 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. В. Костылева : постановление Конституционного Суда РФ от 16 июля 2008 г. № 9-П ; По жалобе гражданки Немцевой Татьяны Анатольевны на нарушение ее конституционных прав подпунктом «а» пункта 1 части второй статьи 82 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 14 мая 2015 г. № 1127-О.

6. Булатов Б. Б., Дежнев А. С. Основания наложения ареста на имущество для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска // Российский следователь. 2017. № 5.

7. Дежнев А. С., Гараева Т. Б. Основания применения иных мер уголовно-процессуального принуждения. М., 2023.

8. Смирнов А. В. Допустимость материалов ОРД и административных производств в качестве доказательств по уголовным делам // Уголовный процесс. 2022. № 8.

9. Стенькин А. И. Гражданский иск по делам о налоговых преступлениях. Кому платить по долгам // Уголовный процесс. 2022. № 10.

УДК 343.1, 342.9

А. Н. САВЧЕНКО**Использование объяснений в качестве доказательств в уголовном судопроизводстве**

Статья посвящена проблеме придания доказательственного значения объяснениям, полученным при рассмотрении сообщений о преступлении. Автор обращает внимание на то, что объяснение используется законодателем применительно не только к стадии возбуждения уголовного дела, но и к предварительному расследованию. Обоснована позиция, что объяснения необходимо считать полноценным доказательством, если они получены в определенной законом форме, содержат сведения, относящиеся к предмету доказывания. Предложено придать объяснению электронную форму.

Ключевые слова: объяснения, показания, доказательство, источники доказательств, предмет доказывания, возбуждение уголовного дела, предварительное расследование, допрос

На протяжении многих лет среди ученых-процессуалистов и сотрудников органов предварительного расследования не утихают дискуссии о возможности придания объяснениям самостоятельного доказательственного значения. Одни утверждают, что их нельзя ставить в один ряд с показаниями, поскольку они не являются доказательством [1, с. 113–118], другие, напротив, говорят, что объяснения относятся к иным документам (п. 6 ч. 2 ст. 74 УПК РФ) [2, с. 124–126; 3, с. 202–216; 4, с. 81–87]. Некоторые правоприменители расценивают их в качестве вещественного доказательства [5, с. 39–42].

Для определения статуса и значения объяснений в уголовном процессе целесообразно сравнить их со сходным по значению термином «показания». Указанное закономерно обуславливает вопросы, связанные с их содержанием и процессуальным порядком получения.

В толковом словаре русского языка *объяснению* дано следующее определение — это письменное или устное изложение в оправдание чего-нибудь; показания определяются как рассказ, ответ на допросе.

Очевидно, что «объяснения» и «показания» объединяет термин «сведения». На первый взгляд, разница заключается в процессуальной форме их получения. Так, показания — это сведения, сообщенные на допросе. Вопрос о процессуальных средствах получения объяснений требует отдельного внимания.

Примечательно, что законодатель оперирует термином «объяснение» по отношению к различным стадиям уголовного судопроизводства. Так, согласно ч. 1 ст. 144 УПК РФ при проверке сообщения о преступлении уполномоченные субъекты вправе получать объяснения. Кроме того, соответствующие нормативные предписания содержатся в статьях, относящихся к предварительному расследованию (например, п. 2 ч. 4 ст. 46 УПК РФ, п. 3 ч. 2 ст. 54 УПК РФ, ч. 2 ст. 167 УПК РФ, ч. 9 ст. 193 УПК РФ). Таким образом, объяснения получают не только в стадии возбуждения уголовного дела, но и в ходе предварительного рассле-

дования. В связи с этим представляются справедливыми выводы А. В. Победкина о том, что законодатель «бессистемно, и вне учета каких-либо методологических установок употребляет понятия „показания“ и „объяснения“» [6, с. 103].

Если позиция законодателя о невозможности получения показаний до возбуждения уголовного дела связана в первую очередь с отсутствием лиц с формально определенным процессуальным статусом подозреваемого, потерпевшего, свидетеля, то такой подход применительно к стадии предварительного расследования (т. е. получение сведений от лиц, обладающих соответствующим процессуальным статусом, посредством получения объяснений) представляется спорным и обоснованно вызывает вопросы. Сместе предположить, что объяснения (а не показания) участник процесса дает в ходе производства иных (кроме допроса) следственных действий, например, опознания. Мнения ученых по поводу того, считать ли показаниями пояснения участников процесса, полученные при производстве следственных действий, расходятся. Некоторые полагают, что пояснения при производстве следственного действия — это не что иное как показания [7, с. 236], другие утверждают, что объяснение [8, с. 417].

Результаты анализа судебной практики говорят о том, что в протоколах следственных действий (очной ставки, проверки показаний на месте) излагаются показания¹. В соответствии с требованиями УПК РФ участники производства следственных действий (за исключением подозреваемого, обвиняемого) предупреждаются об уголовной ответственности, предусмотренной ст. ст. 307, 308 УК РФ (ч. 5 ст. 164 УПК РФ). В свою очередь преступление, предусмотренное ст. 307 УК РФ, считается оконченным (в отношении заведомо ложных показаний, сообщаемых в ходе предварительного расследования) с момента подписания допрашиваемым лицом (либо удостоверения факта отказа от подписания или невозможности подписания) протокола следственного действия,

¹ *Определение* Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 3 июня 2005 г. № 82-о05-13. Здесь и далее, если не указано иное, доступ к нормативным правовым документам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

составленного дознавателем, следователем либо иным должностным лицом, действующим по их поручению². Указанное, на наш взгляд, позволяет считать показаниями пояснения, данные при производстве следственных действий.

Нельзя не сказать о том, что содержание ч. 5 ст. 164 УПК РФ не согласуется с положениями ч. 9 ст. 193 УПК РФ, о том, что по результатам опознания в протоколе по возможности дословно излагаются *объяснения* опознающего. Предусмотренная законом ответственность опознающего за дачу ложных показаний косвенно подтверждает, что законодатель ставит знак равенства между показаниями и объяснением.

Размывая доказательственное значение объяснения, современный законодатель не дает возможности правоприменителю правильно оценить его значение, особенно при производстве дознания в сокращенной форме.

Считаем, что более удачными в этом отношении были положения УПК РСФСР, в котором объяснениям при производстве проверки материалов о преступлении в протокольной форме отводилась особая роль. Если очевидец правонарушения или иное лицо не имели возможности явиться в судебное заседание, то согласно ст. 286 УПК РСФСР суд мог огласить объяснения, данные ими органу дознания в ходе судебной подготовки материалов³.

В настоящее время при производстве дознания в сокращенной форме дознаватель может не допрашивать лиц, которые давали объяснения. При этом вопрос об использовании объяснений в качестве доказательств и оглашение их в суде остается открытым, что приводит к противоречивой судебной практике.

Так, в апелляционном определении Московского городского суда от 19 октября 2020 г. по делу № 10-17936/2020 ссылку на первоначальные объяснения Р. и М. как на доказательство своих доводов о противоречивости показаний потерпевших по обстоятельствам дела суд счел несостоятельной, указав, что объяснения участников уголовного судопроизводства не входят в перечень, установленный ст. 74 УПК РФ, и поэтому доказательствами, на основании которых могут быть установлены фактические обстоятельства дела, не являются⁴.

Часть 1² ст. 144 УПК РФ гласит, что сведения, полученные в ходе проверки сообщения о преступлении, могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения положений ст. ст. 75

и 89 УПК РФ. Полагаем, что в пользу тезиса об отнесении объяснений к доказательствам говорит то, что они содержат сведения, относящиеся к предмету доказывания. С помощью объяснений устанавливаются событие преступления, виновность лица и другие обстоятельства, подлежащие доказыванию. Однако, по мнению многих ученых, объяснение не имеет необходимой процессуальной формы получения. Объяснения, полученные в соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ, в одном из решений Конституционного Суда Российской Федерации можно отнести к иным документам (в значении п. 6 ч. 2 ст. 74 УПК РФ)⁵.

Противоположной позиции придерживается А. Р. Нобель, указывающий на невозможность использования объяснений в качестве доказательств по уголовному делу (в качестве «иных документов»), потому что это подменяет предусмотренные законом уголовно-процессуальные доказательства в форме показаний, создает квазидоказательство, порядок получения и закрепления которого не предусмотрен действующим уголовно-процессуальным законодательством [1, с. 113–118].

Согласиться с позицией автора не представляется возможным по следующим причинам: процессуальный порядок получения объяснений определен законом (ст. 144 УПК РФ); он содержит гарантии обеспечения прав лица, дающего объяснения (право не свидетельствовать против себя и своих близких, право на квалифицированную юридическую помощь и др.). Стоит отметить, что процессуальная форма получения объяснений эволюционирует под влиянием правовых позиций Конституционного Суда РФ⁶. На наш взгляд, законодателем достигнуты определенные успехи в развитии процессуальной формы получения объяснений.

Отсутствие единства судебной практики по данному поводу подтверждает проведенное эмпирическое исследование. В частности, его результаты свидетельствуют о том, что в приговорах встречаются следующие формулировки: «вина подсудимого доказана и подтверждается совокупностью приведенных в обвинительном постановлении доказательств, препятствий к рассмотрению дела в особом порядке, вынесения приговора в сокращенной форме дознания не имеется, в связи с чем дело подлежит рассмотрению в особом порядке»⁷; «суд приходит к выводу, что обвинение, с которым согласился подсудимый, обоснованно, подтверждается доказательствами, собранны-

² О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 20.

³ О судебной практике рассмотрения уголовных дел с протокольной формой досудебной подготовки материалов : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 1985 г. № 8.

⁴ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 16 октября 2020 г. № 10-17936/2020.

⁵ Определение Конституционного Суда РФ от 28 мая 2013 г. № 723-О.

⁶ По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова : постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П.

⁷ Приговор мирового судьи судебного участка № 1 Первомайского района г. Ростова-на-Дону по делу № 1-1-17-8/17 от 17 апреля 2017 г.

ми по делу, что является основанием для вынесения обвинительного приговора»⁸. Кроме того, некоторые приговоры вообще не содержат указаний на то, какие доказательства исследовались судом в судебном заседании, в других, напротив, они четко и подробно описаны. При этом нам не встретилось случаев, когда суд ссылаясь в приговоре на объяснения как исследованное доказательство.

Приведем еще один пример. В кассационном определении от 23 мая 2006 г. № 67-о06-23сп Верховный Суд РФ указал, что «оглашение объяснений бывшей жены С. в связи с ее смертью председательствующим по делу было допущено законно и обоснованно. Объяснение отвечает всем требованиям иного документа, предусмотренным ст. 84 УПК РФ, и является доказательством»⁹.

Подобная судебная практика не вносит ясности в решение вопроса о том, относятся ли объяснения к доказательствам в виде «иного документа». Это вынуждает некоторых должностных лиц органов предварительного расследования прибегать к производству осмотра и приобщать объяснения к материалам уголовного дела в качестве вещественных доказательств.

По данному поводу Конституционный Суд РФ высказал правовую позицию о том, что «протокол с объяснениями может рассматриваться лишь в качестве источника требующих подтверждения фактов и сам по себе не может служить объективным средством для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела, а потому по смыслу уголовно-процессуального закона (статьи 74, 78, 79, 81 и 86 УПК РФ) не является вещественным доказательством, если не служил средством совершения преступления или не сохранил на себе следы преступления»¹⁰.

Очевидно, что признать вещественным доказательством объяснение нельзя. При этом, как нами уже было отмечено ранее, нельзя отрицать, что оно служит средством для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию.

По мнению О. Я. Мамедова, у объяснения нет перспективы для признания его доказательством, оно призвано в кратчайшие сроки собрать информацию для законного и обоснованного принятия процессуального решения о необходимости возбуждения уголовного дела для установления вида и местонахождения потенциальных доказательств для дальнейшей процессуальной проверки полученных сведений и т. д. [9].

Позволим себе не согласиться с подобными суждениями, поскольку в основу итогового процессуального решения стадии возбуждения уголовного дела (постановления о возбуждении уголовного дела, постановления об отказе в возбуждении уголовного

дела), отвечающего критериям законности, обоснованности и мотивированности, как правило, кладутся сведения, полученные из объяснений. Именно они часто служат средством установления вида и местонахождения потенциальных доказательств.

В настоящее время наблюдается тенденция к сближению процессуальной формы получения объяснения с процессуальной формой допроса. Препятствием к полной унификации соответствующих процедур является отсутствие формально определенного статуса лиц, у которых получают объяснения (известно, что они не являются подозреваемыми, обвиняемыми, потерпевшими, свидетелями), и возможности обеспечения его средствами государственного принуждения.

Иными словами, придать лицу, дающему объяснения в ходе доследственной проверки, соответствующий процессуальный статус не представляется возможным по объективным причинам, поскольку основание для возбуждения уголовного дела еще не установлено. Отметим, что несмотря на это обстоятельство, оно обладает «базовым набором» процессуальных прав, вытекающих из смысла Конституции РФ, принципов уголовного судопроизводства и содержания ст. 144 УПК РФ.

По этой же причине (отсутствие публично констатированного факта обнаружения признаков преступления и, соответственно, лиц, подозреваемых в его совершении, потерпевших от преступления и т. д.) применение мер процессуального принуждения до возбуждения уголовного дела считаем нецелесообразным. Если лицо в ходе проверки сообщения о преступлении отказалось давать объяснения, то после возбуждения уголовного дела на него будет возложена соответствующая процессуальная обязанность давать показания (за исключением лиц, обладающих свидетельским иммунитетом), оно может быть привлечено к определенной законом юридической ответственности.

В контексте обсуждаемых в статье вопросов интерес представляет решение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Молдавии, вынесенное еще в 1988 г., о недоказанности обвинения Б. в части осуждения его по ст. 15 и ч. 2 ст. 187 УК Молдавии. В обоснование своего решения судебная инстанция сослалась на два первоначальных объяснения, написанных Г. на имя начальника органа внутренних дел и прокурора, о том, что осужденный якобы требовал 22 тыс. рублей за уничтожение уголовного дела в отношении нее и ее матери. Ни в одном из первоначальных объяснений Г. не упоминала о требовании Б. передать ему взятку за уничтожение уголовного дела. Судебная коллегия отметила, что Г. впервые заявила, что Б. требовал от нее и ее матери деньги почти через

⁸ Приговор мирового судьи судебного участка № 1 Свердловского судебного района г. Костромы по делу № 1-64/2016 от 29 декабря 2016 г.

⁹ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 23 мая 2006 г. по делу № 67-о06:23сп.

¹⁰ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Григоряна Романа Вячеславовича на нарушение его конституционных прав статьей 81 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 28 февраля 2017 г. № 335-О.

два с половиной года после встречи с Б. При последующих допросах Г. приводила в показаниях все новые, противоречащие в деталях данные об обстоятельствах вымогательства взятки Б. В своем решении Судебная коллегия указала, что суд не дал надлежащей оценки существенным противоречиям в объяснениях и показаниях Г., тем самым признал объяснения доказательством по уголовному делу [10, с. 10–11].

Данный пример четко показывает, что объяснение может обладать большим доказательственным значением по сравнению с полученными на предварительном расследовании показаниями. Отметим, что по УПК РСФСР объяснения вообще не имели процессуальной формы, а лицам, у которых они отбирались, не разъяснялись их права и обязанности.

Наличие специально предусмотренной процессуальной формы получения объяснений, его самостоятельное доказательственное значение позволяет поставить вопрос о необходимости корректировки ч. 2 ст. 74 УПК РФ путем включения в нее в качестве самостоятельного вида (источника) доказательств объяснения, полученного в порядке ст. 144 УПК РФ.

Объяснение дается лицом практически сразу после совершения преступления, когда информация (увиденная, услышанная) не переработалась под влиянием внешних факторов, не стерлась в памяти. При совершении преступления пострадавший, очевидцы и лицо, совершившее преступление, находятся в состоянии стресса и практически всегда сообщают правдивые сведения о произошедшем. Данные сведения, по нашему мнению, являются наиболее ценными и поэтому для обеспечения достоверности их целесообразно фиксировать с помощью видеозаписи.

В связи с этим считаем необходимым изложить свою позицию относительно возможности получения объяснений в «электронном» виде. Часть 2 ст. 84 УПК РФ гласит: «Документы могут содержать сведения, зафиксированные как в письменном, так и в ином виде. К ним могут относиться материалы фото- и киносъемки, аудиозаписи и иные носители информации, полученные, истребованные или пред-

ставленные в порядке, установленном ст. 86 УПК РФ». Например, у всех сотрудников ДПС ГИБДД имеется нагрудная видеокамера, т. е. все действия сотрудника и правонарушителя записываются, в том числе и данные объяснения. Видеозапись в этом случае является первоисточником полученных сведений. Она позволяет не использовать промежуточное звено между источником сведений и судом, т. е. отвечает требованиям непосредственности, кроме возможности задать вопросы лично судом. На видеозаписи может содержаться речь заявителя, заподозренного, очевидцев. В этом случае она будет иметь доказательственное значение в условиях очевидности. Иными словами, на экране мы видим происходящее, слышим речь, интонацию, действия лиц, можем судить об искренности высказываний. Думается, что речь опрашиваемого, записанная на бумаге, обладает меньшей достоверностью, чем та же речь, воспроизведенная на аудио- или видеоносителе.

Очевидно, что для использования (в перспективе) подобных видеозаписей (например, когда у сотрудника полиции имеется нагрудная видеокамера или авторегистратор, или когда запись ведется в автоматическом режиме в магазине и сотрудники службы охраны задерживают лицо, которое не оплатило товар) от должностных лиц правоохранительных органов потребуется выполнение требований ч. 1¹ ст. 144 УПК РФ. Процессуальный порядок получения видеообъяснений должен предусматривать необходимость предложить лицу представиться, дать объяснения добровольно, а также разъяснение лицу его прав и обязанностей.

Полагаем, что использование в процессе доказывания «видеообъяснения» в качестве средства доказывания с учетом стремительного развития технологий является перспективным направлением совершенствования уголовно-процессуального законодательства и практики его применения. В связи с этим считаем целесообразным внести в УПК РФ следующие изменения: в ч. 2 ст. 74 УПК РФ после слов «5) протоколы следственных и судебных действий» добавить «5¹) видеообъяснение».

Список литературы

1. Нобель А. Р. Правовая природа объяснений в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 11.
2. Балакишкин В. С. Объяснение как доказательство в уголовном и административном судопроизводстве // Российский юридический журнал. 2012. № 5.
3. Борисевич Г. Я. Документы как доказательства в российском уголовном процессе // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. № 1.
4. Хисматуллин И. Г. Проблемные вопросы регламентации производства дознания // Законодательство. 2015. № 10.
5. Матвеева Н. В. Правовая природа объяснений в уголовном процессе России // Российский судья. 2012. № 7.
6. Победкин А. В. Теория и методология использования вербальной информации в уголовно-процессуальном доказывании : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005.
7. Россинский С. Б. Следственные действия: монография. М., 2018.
8. Рыжаков А. П. Уголовно-процессуальное доказывание и основные следственные действия. М., 2012.
9. Мамедов О. Я. Объяснение в системе доказательств по уголовному делу // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 2.
10. Зажицкий В. Объяснение в уголовном процессе // Советская юстиция. 1992. № 6.

Производство обыска в контексте ограничения конституционного права на неприкосновенность жилища

Статья посвящена отдельным вопросам производства обыска в жилище, особенностям фиксации оснований его проведения, участия в ходе обыска защитника (адвоката), а также того лица, в помещении которого он производится. Автором поднимается вопрос о возможности производства обыска без участия указанных в ч. 11 ст. 182 УПК РФ лиц, а также порядке и времени их уведомления о его проведении.

Ключевые слова: неприкосновенность жилища, следственные действия в жилище, участники следственного действия, обыск в жилище, конституционное право

Обыск в жилище является достаточно распространенным следственным действием, направленным на поиск, обнаружение и изъятие предметов и (или) документов, имеющих значение для уголовного дела, о чем свидетельствуют статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ. Так, за 1 полугодие 2022 г. судами общей юрисдикции рассмотрено 86 725 ходатайств о производстве следственных действий в жилище, из них 65 589 — о производстве обыска и (или) выемки в жилище (более 75%)¹.

Несмотря на достаточно широкое применение и детальную законодательную регламентацию порядка производства обыска в жилище, у правоприменителя при его проведении возникают определенные сложности. Первое, на что необходимо обратить внимание, — это основания производства обыска. Часть 1 ст. 182 УПК РФ закрепляет, что основанием производства обыска является наличие достаточных данных полагать, что в каком-либо месте или у какого-либо лица могут находиться орудия, оборудование или иные средства совершения преступления, предметы, документы и ценности, которые могут иметь значение для уголовного дела.

Формулировка закона «наличие достаточных данных полагать» носит оценочный характер и вызывает дискуссии относительно ее содержания, в частности о том, что может быть положено в фундамент фактических оснований для производства обыска — только доказательства или же и иные сведения, полученные, в том числе, по результатам оперативно-розыскных мероприятий [1].

Конституционный Суд РФ по данному вопросу высказал позицию, что результаты оперативно-

розыскных мероприятий служат вспомогательным средством, позволяющим установить обстоятельства, имеющие значение для принятия решения о проведении следственных действий².

Считаем, что при установлении оснований для производства обыска могут учитываться как сведения, полученные в ходе допросов, производства иных следственных и процессуальных действий, так и результаты оперативно-розыскных мероприятий (в том числе сведения, полученные при проверке мест сбыта похищенного имущества).

Для должностных лиц органа предварительного расследования важным является не только определение оснований производства обыска, но и их описание в самом постановлении³.

Изучение постановлений о производстве обыска в жилище показало⁴, что в большинстве из них правоприменитель ограничивается лишь использованием таких общих законодательных формулировок, как: «имеются достаточные данные полагать, что по месту жительства ... по адресу ... могут находиться похищенное имущество либо предметы, имеющие значение для установления обстоятельств по уголовному делу», что, на наш взгляд, является недостаточным.

Заметим, что Европейский Суд по правам человека подобное описание оснований в постановлении о производстве обыска назвал пространным и дающим органам следствия неограниченные пределы свободы усмотрения в отношении способа производства обыска⁵.

Постановление следователя (дознателя) о возбуждении перед судом ходатайства о производстве

¹ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 1 полугодие 2022 года. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7096> (дата обращения: 12.02.2023).

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кривулина Константина Владимировича на нарушение его конституционных прав частями первой и второй статьи 12 и частью первой статьи 18 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: определение Конституционного Суда РФ от 26 ноября 2018 г. № 2858-О. Здесь и далее, если не указано иное, доступ к нормативным правовым документам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Здесь и далее в статье под постановлением будет пониматься как постановление следователя (дознателя) о возбуждении судом ходатайства о производстве обыска, так и постановление суда о разрешении производства обыска.

⁴ Здесь и далее в статье будут приводиться примеры и результаты изучения более 100 уголовных дел, расследованных в ряде районных следственных отделов (отделений) МВД по Республике Бурятия, УМВД России по Омской области.

⁵ О возобновлении производства по делу ввиду новых обстоятельств: постановление Президиума Верховного Суда РФ от 6 октября 2021 г. № 91-П21.

обыска в жилище должно содержать не просто указание на наличие достаточных данных для этого, но и их обоснование, а также изложение выводов о необходимости производства обыска.

При этом, описывая сведения, составляющие основания для производства обыска, правоприменителю следует сохранять тайну предварительного расследования. С этой целью лицу, выносящему постановление, необходимо избегать прямого копирования показаний определенных лиц, с указанием их персональных данных.

Следующим спорным как в правоприменении, так и в теории уголовного процесса вопросом является определение и описание в постановлении объектов поиска [2].

Анализ изученных материалов показал, что часто органы предварительного расследования при описании объектов поиска используют лишь прямые формулировки закона: «в целях отыскания орудия, оборудования или иного средства совершения преступления, предметов, документов и ценностей, которые могут иметь значение для уголовного дела ...».

В. В. Бородинов считает, что «следователь (дознатель), возбуждая перед судом ходатайство о производстве обыска в жилом помещении, должен указать в постановлении, кроме прочего, какие именно объекты, имеющие значение для уголовного дела, подлежат отысканию и изъятию. Производство беспредметного обыска во всех отношениях противоречит закону ...». При этом автор также не исключает ситуации, когда точное наименование и характеристики объекта поиска могут быть не установлены на момент его проведения и тогда следователь обязательно должен обозначать родовую отнесенность отыскиваемых предметов [3].

Несмотря на то что ст. 182 УПК РФ не содержит императивного предписания о необходимости указания конкретного объекта поиска⁶, согласимся с мнением В. В. Бородинова в том, что в постановлении о производстве обыска необходимо описывать объекты, подлежащие отысканию, таким образом, чтобы была возможность их идентифицировать. При наличии сведений о конкретном объекте поиска их необходимо указывать в постановлении с отражением отдельных характеристик.

В случаях, когда органам предварительного расследования достоверно известно, что объектом поиска выступают документы, содержащие сведения о частной жизни лица или иные охраняемые законом сведения, составляющие тайну (врачебную, адвокатскую и пр.), необходимо отражать данные сведения в постановлении о производстве обыска с указанием на необходимость их изъятия, так как в такой ситуа-

ции ограничению будет подлежать не только право на неприкосновенность жилища, но и право на неприкосновенность частной жизни, а также охраняемую законом тайну.

При производстве обыска в любом случае изымаются предметы и документы, запрещенные к обороту, за исключением тех, которые находятся у лица на законных основаниях, например, наркотические средства, отпущенные по рецепту врача онкологическому больному, оружие, на которое имеются разрешение и лицензия, и др.

Следует также подчеркнуть несколько особенностей порядка принятия решения о производстве обыска в жилище.

Законодатель совершенно обоснованно выделяет два таких порядка в зависимости от случаев безотлагательности. Первый предполагает судебную процедуру в условиях наличия у органов предварительного расследования достаточного времени для сбора соответствующих материалов, обосновывающих необходимость производства обыска (ч. 1–4 ст. 165 УПК РФ), второй допускает принятие решения следователем (дознателем) самостоятельно, когда производство обыска не терпит отлагательства, с последующей проверкой законности принятого судом решения (ч. 5 ст. 165 УПК РФ).

Случаи, не терпящие отлагательства, связаны с необходимостью своевременного обнаружения, фиксации и закрепления следов преступления, предопределяются степенью опасности их утраты под воздействием определенных лиц и отсутствием возможности обеспечить их сохранность в неизменном виде путем ограничения доступа к месту производства следственного действия.

УПК РФ не содержит перечня указанных случаев, в связи с чем в научной литературе по данному поводу сформировались две противоположные точки зрения. Одни авторы придерживаются позиции о необходимости формулирования конкретных обстоятельств, обуславливающих безотлагательность следственных действий в законе [4, с. 57, 71], другие предлагают закрепить в законе лишь критерии для определения таких обстоятельств [5, с. 103–104]. Нам близка последняя позиция, так как объективно невозможно предусмотреть в законе все следственные ситуации, в которых может возникнуть безотлагательность. Введение конкретного перечня приведет к тому, что правоприменение станет осуществляться по шаблону, а отсутствие вариативности вызовет снижение эффективности предварительного расследования.

Перечень случаев, не терпящих отлагательства, в настоящее время предложен в разъяснениях Верховного Суда РФ и ведомственных нормативно-правовых

⁶ Вместе с тем следует отметить, что в ч. 2 ст. 450¹ УПК РФ, регламентирующей особенности производства обыска в отношении адвоката, отмечается, что в постановлении судьи о разрешении производства обыска в отношении адвоката указываются данные, служащие основанием для производства этих следственных действий, а также конкретные отыскиваемые объекты. Такой подход законодателя объясняется необходимостью защиты адвокатской тайны.

актах, регламентирующих деятельность органов предварительного следствия⁷.

Наделяя лицо, производящее расследование, в случаях, не терпящих отлагательства, большими полномочиями, законодатель учитывает, с одной стороны, возможность существенного ограничения рассматриваемого права (применение принуждения (могут вскрываться любые помещения), установление обстоятельств частной жизни лица, в помещении которого производится обыск и т. п.), гарантирует судебную защиту данного права (в виде последующего судебного контроля), с другой — характер и цель производства указанных следственных действий, интересы органов предварительного расследования⁸.

Следующим вопросом, вызывающим сложности при производстве обыска в жилище, является вопрос об его участниках. Рассмотрим, кто это может быть.

1. *Лицо, в помещении которого производится обыск, либо совершеннолетние члены его семьи* (ч. 11 ст. 182 УПК РФ). Такая формулировка закона указывает на обязательность участия названных лиц при производстве обыска. Однако УПК РФ не урегулированы ситуации, когда лицо, в помещении которого должен производиться обыск, не имеет возможности присутствовать в нем (фактическое проживание в другом месте, нахождение в отпуске с выездом в иной населенный пункт или за границу; смерть лица, жилище которого подлежит обыску, или его нахождение на стационарном лечении в больнице; отсутствие других жильцов и пр.), либо установить и доставить к месту производства следственного действия такое лицо невозможно (нахождение в розыске; задержание в другом населенном пункте), при условии, что кроме него в жилище более никто не проживает, а производство обыска не терпит отлагательства. Кроме того, препятствием для выполнения данного требования закона часто является противодействие членов семьи обыскиваемого или его родственников, которые уклоняются от явки к месту обыска, однако применение

в указанной ситуации мер процессуального принуждения в виде привода законом не предусмотрено.

В юридической литературе решение данной проблемы связывают с необходимостью внесения изменений в УПК РФ в части закрепления возможности производства обыска в отсутствие лица, занимающего это помещение [6, с. 97], а также возможности участия представителей местной администрации или жилищно-эксплуатационной организации, в случаях, когда отсутствует лицо, в жилище которого производится обыск, либо совершеннолетние члены его семьи, либо его родственники [7, с. 67; 8, с. 432].

В условиях действующего правового регулирования ряд авторов считает, что в случае невозможности выполнить требования ч. 11 ст. 182 УПК РФ достаточно обеспечить присутствие представителя жилищно-эксплуатационной организации, а также защитника либо адвоката лица, в жилище которого будет производиться обыск [9].

Безусловно, при возникновении необходимости сбора доказательств или риске их утраты производство обыска в жилище не может ставиться в зависимость от присутствия в жилище лиц, перечисленных в ч. 11 ст. 182 УПК РФ. При этом несоблюдение данного требования закона должно быть исключительным, т. е. только в тех случаях, когда у органов предварительного расследования нет реальной возможности установить их местонахождение и обеспечить их участие в производстве следственного действия. Данные обстоятельства должны быть достоверно определены и подтверждены материалами уголовного дела (допросы (опросы) соседей, родственников, справки, заявления из администрации органов местного самоуправления и т. п., результаты поисковых мероприятий, справки сотрудников органа дознания).

В связи с этим следователь (дознатель) должен заранее предусмотреть сложившуюся ситуацию и обоснованно изложить ее в своем ходатайстве перед судом. В решении суда должна быть отмечена невозможность обеспечения присутствия при обыске проживающих

⁷ Согласно п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2017 г. № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)» к исключительным случаям, в которых производство следственного действия не могло быть отложено, относятся, например, ситуации, когда: необходимо реализовать меры по предотвращению или пресечению преступления; промедление с производством следственного действия позволит подозреваемому скрыться; возникла реальная угроза уничтожения или сокрытия предметов или орудий преступления; имеются достаточные основания полагать, что лицо, находящееся в помещении или ином месте, в котором производится какое-либо следственное действие, скрывает при себе предметы или документы, могущие иметь значение для уголовного дела.

Согласно п. 1.9 приказа Следственного комитета РФ от 15 января 2011 г. № 2 «Об организации предварительного расследования в Следственном комитете Российской Федерации» не допускается производство следственных действий, требующих вынесения судебного решения, без его получения, кроме случаев, не терпящих отлагательства, когда: а) необходимо реализовать меры по предотвращению, пресечению преступления, закреплению его следов; б) фактические основания для производства указанных следственных действий появились в ходе осмотра, обыска и выемки в другом месте; в) промедление с их производством позволит подозреваемому скрыться; г) неотложность их проведения обусловлена обстановкой только что совершенного преступления; д) возникла реальная угроза уничтожения или сокрытия искомых объектов; е) имеются достаточные основания полагать, что лицо, находящееся в помещении или ином месте, в котором производятся какие-либо следственные действия, скрывает при себе предметы или документы, могущие иметь значение для уголовного дела.

⁸ Более подробно вопрос о порядке ограничения права на неприкосновенность жилища в уголовном судопроизводстве нами был рассмотрен в статье: Ткачёва Е. С. Ограничение права на неприкосновенность жилища в уголовном судопроизводстве // Законодательство и практика. 2022. № 1(48). С. 28–32.

в жилище лиц и дано разрешение на его проведение без них. При этом считаем необходимым в данном случае привлечь к производству обыска иных лиц, которые могут принять на себя обязательство по сохранности жилища и находящегося в нем имущества (например, близкие родственники или адвокат).

О факте производства обыска без участия проживающих в нем лиц следует делать запись в протоколе. Кроме того, В. Л. Согоян совершенно обоснованно указывает на то, что в протоколе обыска нужно отразить, какие меры следователем приняты для обеспечения сохранности имущества в соответствии с ч. 2 ст. 160 УПК РФ, если в результате принудительного проникновения в жилище были повреждены замки, двери, окна и пр. [10, с. 138].

Сложнее обстоит дело, если производится обыск в случаях, не терпящих отлагательства, когда органам предварительного расследования в условиях дефицита времени следует установить названные выше обстоятельства и подтвердить их соответствующими материалами с указанием данных сведений в постановлении наряду с подтверждением факта безотлагательности. Безусловно, перечень материалов, подтверждающих факт отсутствия реальной возможности участия в производстве следственного действия необходимых лиц, в данном случае будет иным, но ситуация безотлагательности сама по себе не исключает их установления.

Вопросы противодействия со стороны указанных лиц решаются в том числе применением тактических приемов производства данного следственного действия, например, производство обыска в утренние часы, когда проживающие в нем лица еще не покинули его.

2. *Защитник или адвокат того лица, в помещении которого производится обыск* (ч. 11 ст. 182 УПК РФ). Указанное положение закона гарантирует возможность реализации лицами, чьи права затрагиваются (ограничиваются) производством следственного действия, права на получение квалифицированной юридической помощи.

Закрепленному в ч. 11 ст. 182 УПК РФ праву корреспондирует обязанность следователя (дознателя) обеспечивать возможность его осуществления (ч. 1 ст. 11 УПК РФ).

Разъяснив участвующим лицам право, предусмотренное ч. 11 ст. 182 УПК РФ, следователь (дозна-

тель) должен зафиксировать в протоколе сведения о волеизъявлении, либо его отсутствии, привлечь адвоката, защитника к производству следственного действия.

При этом согласно позиции Конституционного Суда РФ наличие адвоката (защитника) не предполагает приостановления производства обыска для обеспечения его явки. Высший судебный орган конституционного контроля указывает, что «требование о незамедлительном обеспечении права на помощь адвоката (защитника) не может быть распространено на случаи проведения следственных действий, не связанных с дачей лицом показаний и носящих безотлагательный характер, подготавливаемых и проводимых без предварительного уведомления лица об их проведении ввиду угрозы уничтожения (утраты) доказательств, в том числе выемки, производство которой не приостанавливается и для явки адвоката (защитника). Это, однако, не означает лишения лица, в отношении которого проводится или проводилась выемка, государственной защиты его прав и свобод, а также права на получение квалифицированной юридической помощи во время данного следственного действия или после его окончания...»⁹, что, по нашему мнению, является совершенно обоснованным. Хотя в юридической литературе существует позиция, согласно которой участие защитника при производстве обыска должно быть обязательным, а исключением может являться лишь то обстоятельство, что защитником (адвокатом) заявлено в адрес следователя соответствующее ходатайство [11, с. 91]. Мы не разделяем данную точку зрения, поскольку обязательное участие адвоката (защитника) в определенных ситуациях не позволит произвести обыск в случаях, не терпящих отлагательств, а данное право может использоваться лицом, в помещении которого производится обыск, в противоправных целях, в том числе для уничтожения (сокрытия) доказательств в период, когда обеспечивается прибытие адвоката (защитника).

Считаем, что вопрос об участии адвоката (защитника) должен решаться следователем (дознателем) исходя из сложившейся следственной ситуации.

Остановимся на двух из них.

1. Если адвокат допущен в качестве защитника к участию в производстве по уголовному делу, то следователю надлежит сообщить ему о проводимом процессуальном действии в тот момент, когда такая

⁹ *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Барабаша Кирилла Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктами 1 и 5 части первой статьи 53 и пунктом 6 части четвертой статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 17 февраля 2015 г. № 415-О ; *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Агаркова Александра Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 части первой статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 23 апреля 2015 г. № 998-О ; *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ефанова Александра Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 21 июля 2022 г. № 2088-О ; *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Васильева Вацлава Александровича на нарушение его конституционных прав частью одиннадцатой статьи 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 25 февраля 2016 г. № 259-О ; *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Березина Алексея Георгиевича на нарушение его конституционных прав статьей 177 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 24 июня 2021 г. № 1315-О.

информация уже не может помешать его успешному производству.

Проведение обыска до прибытия адвоката (защитника) зависит от усмотрения следователя. Необходимо согласиться с позицией А. А. Давлетова, что если участие адвоката расценивается как дополнительная и необходимая гарантия законности обнаружения и изъятия доказательств, то целесообразно дождаться его явки с тем, чтобы все действия производились в его присутствии. В этом случае достоверность полученных доказательств значительно возрастает. Если же скорейшее прибытие адвоката невозможно, а следственное действие не терпит отлагательства, то необходимо приступить к его производству, не дожидаясь прибытия адвоката [12, с. 52–53]. При любых обстоятельствах адвокат допускается к участию в следственном действии с момента прибытия, на что в том числе обращено внимание Конституционного Суда РФ¹⁰.

2. Если адвокат (защитник) не был привлечен в соответствующем процессуальном статусе, то следователю (дознавателю) необходимо предоставить лицу возможность пригласить его для производства следственного действия либо обеспечить участие защитника в случаях, предусмотренных ст. 51 УПК РФ. При этом учитывается складывающаяся следственная ситуация, описанная выше.

Если обыск в жилище производился в порядке ч. 5 ст. 165 УПК РФ, т. е. в случаях, не терпящих отлагательства, следователь в силу требований ч. 1 ст. 11 УПК РФ обязан при его производстве разъяснить заинтересованным лицам право заявить ходатайство об участии в судебном заседании по проверке законно-

сти обыска, обеспечить возможность их осуществления, указать суд, в котором будет проводиться судебное заседание¹¹.

Резюмируя изложенное, отметим, что обыск в жилище является одним из основных способов получения доказательств, проводится, в том числе, в ситуациях явного противодействия органам предварительного расследования. Применение при его производстве уголовно-процессуального принуждения увеличивает степень ограничения конституционных прав личности. Ограничивается не только право на неприкосновенность жилища, но и право на неприкосновенность частной жизни. Указанное обязывает следователя (дознавателя) строго соблюдать порядок производства обыска и предусмотренные законом гарантии (получение судебного решения, установление и подтверждение материалами уголовного дела случаев, не терпящих отлагательства, и невозможности участия лиц, указанных в ч. 11 ст. 182 УПК РФ).

Эффективность производства обыска в жилище зависит от своевременности его проведения и соблюдения в тайне его подготовительного этапа (отсутствии уведомления заинтересованных лиц о его проведении), в связи с чем законодатель совершенно обоснованно предоставляет возможность органам предварительного расследования самостоятельно решать вопрос о моменте приглашения адвоката (защитника), выборе тактических приемов его производства. При этом процедура производства обыска в жилище, безусловно, требует дальнейшего изучения и совершенствования.

Список литературы

1. Карагодин В. Н., Курченко В. Н. Основания производства обыска // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2016. № 3(13).
2. Терешенко С. С. Возможные проблемы при определении оснований для производства // Устойчивое развитие науки и образования. 2018. № 6.
3. Бородинов В. В. Разрешение судьей производства обыска в жилище: сущность и процессуальные особенности. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razreshenie-sudiey-proizvodstva-obyska-v-zhilische-suschnost-i-protsessualnye-osobennosti> (дата обращения: 10.03.2023).
4. Шейфер С. А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. Самара, 2004.
5. Соловьев А. Б. Обеспечение обоснованности проведения осмотра в жилище, обыска и выемки в жилище в исключительных случаях, не терпящих отлагательства // Уголовное право. 2004. № 2.
6. Жирова М. Ю., Кондратюк С. В. Недостатки процессуальной регламентации производства обыска в свете обеспечения защиты прав и свобод человека // Гуманитарные балканские исследования. 2019. Т. 3, № 4(6).
7. Овчинников Ю. Г. Проведение обыска в жилище в отсутствие проживающих в нем лиц: процессуальный аспект // Законность. 2016. № 5(979).

¹⁰ По жалобе общества с ограниченной ответственностью «Челябинский завод по производству коксохимической продукции» (ООО «Мечел-Кокс») на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 3 части второй статьи 38 и частью одиннадцатой статьи 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 14 января 2020 г. № 4-О.

¹¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Третьякова Дмитрия Валерьевича на нарушение его конституционных прав частью пятой статьи 165 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 21 мая 2015 г. № 1051-О ; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Комарова Алексея Анатольевича на нарушение его конституционных прав частями третьей и пятой статьи 165 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 27 июня 2017 г. № 1248-О.

8. *Косарев С. Ю.* О возможности производства обыска в жилище лица в его отсутствие // Неделя науки СПбПУ : мат-лы научн. конф. с международным участием. СПб., 2018.
9. *Гасанов М. Ш.* Особенности производства обыска в жилище // Закон и право. 2022. № 2.
10. *Согоян В. Л.* К вопросу о производстве обыска в жилище (помещении) в отсутствие его владельца // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2021. № 6(133).
11. *Хвенько Т. И.* Проблемные аспекты обеспечения участия адвоката в ходе производства обыска на предварительном расследовании // Евразийская адвокатура. 2021. № 5(54).
12. *Давлетов А. А.* Привлечение адвоката к участию в следственных действиях, производимых без предварительного уведомления // Адвокатская практика. 2021. № 6.

Организационно-тактические особенности производства осмотра места происшествия по фактам обнаружения признаков преступлений, предусмотренных ст. ст. 264¹ и 264³ УК РФ

Специфика деятельности органов внутренних дел по проверке сообщений о преступлениях, предусмотренных ст. ст. 264¹ и 264³ УК РФ, определяется особенностями конструкции административно-преюдициальных составов уголовно наказуемых деяний. Осмотр места происшествия является следственным действием, посредством которого возможно своевременно обнаружить, зафиксировать и изъять следы. Правоприменительная практика нуждается в исследовании организационно-тактических особенностей производства осмотра места происшествия как одного из наиболее эффективных средств проверки поступившего сообщения о преступлении, позволяющего установить его признаки. Автором на основе анализа действующего законодательства и соответствующей сферы правоприменения сформулированы тактико-криминалистические рекомендации по производству данного следственного действия, учитывающие типичные исходные ситуации.

Ключевые слова: административно-преюдициальный состав преступлений, проверка сообщений о преступлениях, осмотр места происшествия, тактика, дорожно-транспортные преступления

Увеличение количества административно-преюдициальных составов, а также уточнение отдельных норм требуют от правоприменительной практики быстрой адаптации к деятельности по обнаружению и фиксации признаков таких преступлений. С этой целью в юридической науке активно исследуются отдельные аспекты уголовного судопроизводства по преступлениям данного вида [1–4]. В процессе формирования административно-преюдициальных составов преступлений особое внимание законодателя направлено на общественные отношения в сфере безопасности движения и эксплуатации транспорта, аккумулированные в главе 27 УК РФ.

Так, Федеральным законом от 31 декабря 2014 г. № 528-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу усиления ответственности за совершение правонарушений в сфере безопасности дорожного движения» уголовный закон был дополнен ст. 264¹, предусматривающей уголовную ответственность за нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию за управление транспортным средством в состоянии опьянения или за невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения.

Данная норма была изменена Федеральным законом от 1 июля 2021 г. № 258-ФЗ «О внесении изменения в статью 264¹ Уголовного кодекса Российской Федерации» и дополнена квалифицированным составом преступлений рассматриваемого вида.

Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 258-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 150 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» глава 27 УК РФ была дополнена положениями ст. 264³, устанавливающими уголовную ответственность за управ-

ление транспортным средством лицом, лишенным права управления транспортными средствами и подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость.

Выявление признаков исследуемых уголовно наказуемых деяний, как правило, происходит в процессе осуществления деятельности подразделений органов внутренних дел, обеспечивающих безопасность дорожного движения (ГИБДД).

Анализ действующего законодательства и складывающейся правоприменительной практики позволяет выделить типичные исходные ситуации, при которых происходит выявление признаков преступлений, предусмотренных ст. ст. 264¹, 264³ УК РФ.

Первая исходная ситуация. Имеется информация о том, что лицо, подвергнутое административному наказанию за управление транспортным средством в состоянии опьянения или за невыполнение законного требования уполномоченным должностным лицом о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения либо имеющее судимость за совершение преступления, предусмотренного чч. 2, 4, 6 ст. 264 УК РФ, вопреки назначенному наказанию, управляет транспортным средством. Данная следственная ситуация складывается в случаях получения такой информации от граждан, должностных лиц органов внутренних дел, которым достоверно известно о наличии соответствующих действующих запретов у конкретных лиц.

Вторая исходная ситуация. Сотрудниками ГИБДД в процессе несения службы выявлены признаки преступлений, предусмотренных ст. 264¹ или ст. 264³ УК РФ. Исследуемая следственная ситуация формируется в процессе осуществления административной деятельности сотрудниками органов внутренних дел, в ходе которой выявляются признаки рассматриваемых составов преступлений.

Третья исходная ситуация. Сотрудниками ГИБДД при осуществлении оперативно-служебной деятельности по факту сообщения о совершенном дорожно-транспортном происшествии выявлены признаки преступлений, предусмотренных ст. 264¹ и ст. 264³ УК РФ. Указанная следственная ситуация формируется в рамках административной деятельности полиции по факту совершенного дорожно-транспортного происшествия. Признаки вышеуказанных преступлений выявляются в ходе установления обстоятельств дорожно-транспортного происшествия.

Для каждой из приведенных исходных ситуаций возможно два варианта их развития (подситуации):

— лицо, управляющее транспортным средством, не отрицает факта нахождения в состоянии алкогольного опьянения и не препятствует выполнению сотрудниками ГИБДД своих полномочий;

— лицо, управлявшее транспортным средством, отрицает факт управления в состоянии алкогольного опьянения и препятствует выполнению сотрудниками ГИБДД своих полномочий.

Выявление любой из вышеприведенных следственных ситуаций требует от правоохранительных органов проверки в целях установления наличия либо отсутствия признаков уголовно наказуемого деяния.

В соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа обязаны принять, проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении в пределах компетенции, установленной уголовно-процессуальным законодательством, и принять по нему решение. Порядок реализации приведенных законоположений в органах внутренних дел установлен подзаконным нормативным актом с приказом МВД России от 29 августа 2014 г. № 736 «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях».

В рамках проверки любого поступившего сообщения о преступлении традиционно проводится осмотр места происшествия, осуществляемый дежурной следственно-оперативной группой. При этом в действующем законодательстве отсутствуют изъятия и ограничения для преюдициальных составов, в том числе и дорожно-транспортных преступлений. В состав следственно-оперативной группы в соответствии с ведомственным нормативным актом, регламентирующим порядок организации совместной оперативно-служебной деятельности в процессе раскрытия и расследования преступлений, могут быть включены как следователи, так и дознаватели органов внутренних дел, в зависимости от предполагаемой формы осуществления пред-

варительного расследования проверяемого преступного события.

В связи с тем, что согласно п. 1 ч. 3 ст. 150 УПК РФ предварительное следствие по преступлениям, предусмотренным ст. 264¹, 264³ УК РФ, необязательно, т. е. осуществляется в форме дознания, руководителями следственно-оперативной группы могут быть как следователи, так и дознаватели органов внутренних дел, в зависимости от сложившейся практики в конкретном территориальном подразделении органов внутренних дел.

Таким образом, выезд дежурной следственно-оперативной группы по фактам обнаружения признаков рассматриваемых преступлений должен быть осуществлен в общем порядке организации данного вида деятельности территориальных подразделений органов внутренних дел.

В случаях, когда лицо, управляющее транспортным средством, не отрицает факта совершения незаконных действий, сотрудники ГИБДД собирают материалы об административном правонарушении, которым в дальнейшем может быть придано доказательственное значение при установлении обстоятельств, входящих в предмет доказывания, как в ходе проверки сообщения о преступлении, так и при осуществлении предварительного расследования. Как правило, они используются в доказывании в качестве иных документов. Анализ правоприменительной практики¹ свидетельствует о том, что в данной следственной ситуации ввиду ее бесконфликтного характера чаще всего следственно-оперативная группа не выезжает для осмотра места происшествия, сотрудники ГИБДД самостоятельно собирают материалы об административном правонарушении, позволяющие в дальнейшем дать уголовно-правовую оценку произошедшему событию (установить наличие либо отсутствие признаков преступлений, предусмотренных ст. ст. 261¹ и ст. 264³ УК РФ).

В ситуации, когда лицо, управлявшее транспортным средством, занимает позицию отрицания и препятствует выполнению сотрудниками ГИБДД своих полномочий, незамедлительно должно быть организовано прибытие следственно-оперативной группы. Данная следственная ситуация носит конфликтный характер, в связи с этим эффективным средством фиксации обстановки обнаружения признаков преступлений, предусмотренных ст. ст. 261¹ и 264³ УК РФ, является осмотр места происшествия. Названное следственное действие является универсальным процессуальным средством проверки сообщения о преступлении, поскольку позволяет не только исследовать обстановку места обнаружения признаков преступления, зафиксировать ее отдельные элементы в соответствующем протоколе, но и обнаружить и изъять необходимые следы. Протокол осмотра ме-

¹ В рамках исследования были опрошены 15 руководителей подразделений дознания по Тюменской, Кемеровской, Новосибирской областям.

ста происшествия вместе с изъятыми следами в дальнейшем будет использоваться для оценки собранных данных на предмет наличия основания для возбуждения уголовного дела.

Объектом осмотра места происшествия в исследуемых следственных ситуациях выступает участок проезжей части, местности с находящимся транспортным средством, остановленным сотрудниками ГИБДД в процессе осуществления административной деятельности и выявления признаков преступлений, предусмотренных ст. ст. 264¹ и 264³ УК РФ.

В ходе осмотра места происшествия исследуется обстановка, в которой обнаружено транспортное средство, определяется его точное месторасположение, состояние транспортного средства, а также находящиеся в его салоне объекты, например, тара от спиртных напитков и следы их употребления. Обязательному исследованию подлежит обстановка вокруг осматриваемого объекта, которая может свидетельствовать о том, что водитель транспортного средства пытался покинуть место происшествия, выбросить тару от спиртных напитков, оказывал сопротивление сотрудникам полиции и т. д. В ходе осмотра места происшествия также может быть зафиксировано состояние водителя транспортного средства, а именно его возможность ориентироваться в пространстве, поведение, реакции и прочие признаки лица, находящегося в состоянии алкогольного опьянения.

Осмотр места происшествия в рассматриваемой ситуации следует производить с соблюдением общеизвестных тактико-криминалистических рекомендаций проведения данного следственного действия. При этом требуется обратить внимание на необходимость обнаружения, фиксации и изъятия следов, свидетельствующих о пребывании на месте водителя лица, управлявшего транспортным средством. С этой целью нужно исследовать салон транспортного средства со стороны места водителя для обнаружения следов рук на стеклах, зеркалах, панели управления транспортного средства. Кроме того, следует принять меры к обнаружению следов биологического происхождения, посредством которых возможно установление факта нахождения на рабочем месте водителя интересующего субъекта, а именно — волос, сигаретных окурков, следов крови. Особое внимание необходимо уделить поиску микроследов, например, волокон одежды, почвы, промышленной пыли (цемент, уголь и т. д.).

Обнаруженные и изъятые в ходе осмотра места происшествия следы в дальнейшем подлежат исследованию в ходе производства судебной экспертизы тканей и выделений человека, животных, судебной экспертизы волокон и волокнистых материалов, дактилоскопической судебной экспертизы.

При производстве осмотра места происшествия в исследуемой ситуации участие специалиста-криминалиста является необходимым условием достижения желаемого результата. В связи с этим

обязательность выезда следственно-оперативной группы в случаях обнаружения признаков преступлений, предусмотренных ст. ст. 264¹ и 264³ УК РФ, не вызывает сомнений. В случаях, когда следственно-оперативная группа не приглашается для осмотра места происшествия, так как сотрудники ГИБДД собирают материал самостоятельно ввиду бесконфликтного характера ситуации либо отсутствует реальная возможность прибытия следственно-оперативной группы, например, ввиду удаленности места происшествия, сотрудники ГИБДД должны обеспечить сохранность вышеуказанных следов в транспортном средстве путем исключения нахождения в салоне каких-либо лиц. Кроме того, надлежит обеспечить доставку задержанного транспортного средства на специализированную стоянку посредством использования эвакуатора.

В ситуациях, когда осмотр места происшествия произведен некачественно, в ходе его проведения не были обнаружены, зафиксированы и изъяты следы, подтверждающие пребывание на водительском месте лица, находившегося в состоянии алкогольного опьянения, а автотранспортное средство было задержано и помещено на специализированную стоянку, дополнительный осмотр места происшествия, может быть произведен дознавателем, в производстве которого находится соответствующий материал или уголовное дело. В целях обеспечения возможности обнаружения интересующих следов в транспортном средстве следственное действие следует провести незамедлительно после изучения и анализа материалов проверки сообщения о преступлении либо уголовного дела. Такая срочность объясняется тем, что искомые следы могут исчезнуть в связи с воздействием природных условий (температура, влажность и т. д.), а также тем, что обнаруженные и изъятые следы должны быть направлены для производства соответствующих экспертных исследований, требующих существенных временных затрат. Таким образом, безотлагательное производство данного следственного действия в вышеописанных условиях обеспечивает соблюдение и экономию процессуальных сроков проверки сообщения о преступлении или расследования по уголовному делу.

Очевидным представляется необходимость производства в каждом случае обнаружения признаков преступлений, предусмотренных ст. ст. 254¹, 264³ УК РФ, осмотра места происшествия. Его целесообразно производить силами дежурной следственно-оперативной группы подразделений органов внутренних дел, на территории оперативного обслуживания которых совершено противоправное деяние.

Особенности проверки сообщений о преступлениях, предусмотренных ст. ст. 254¹, 264³ УК РФ, требуют от дознавателей знаний исходных ситуаций, а также организационно-тактических особенностей производства такого важного следственного действия, как осмотр места происшествия, резуль-

таты которого являются источниками ценных сведений, используемых в процессе расследования преступлений рассматриваемой категории в качестве доказательств.

Обязательное производство осмотра места происшествия дежурной следственно-оперативной груп-

пой по фактам обнаружения признаков преступлений, предусмотренных ст. ст. 264¹ и 264³ УК РФ, в любой из исследованных следственных ситуаций является необходимым условием установления предмета доказывания, обеспечения полноты и всесторонности расследования.

Список литературы

1. *Телегин А. С.* К вопросу о юридической природе административного правонарушения // *Административное право и процесс.* 2020. № 4.
2. *Лопатин С. А.* Преюдиция в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: реализация или преодоление : монография / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Л. Н. Масленниковой. М., 2020.
3. *Богданов А. В.* Административная преюдиция в уголовном праве : автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 2019.
4. *Синельщиков Ю. П.* Административная преюдиция в современном уголовном судопроизводстве: теория и практика // *Государство и право.* 2020. № 1.

Выявление организатора преступного формирования и доказывание его вины — одна из задач предварительного расследования

При расследовании преступлений, совершенных в соучастии, необходимо установить роль каждого соучастника в преступном формировании и непосредственно в совершении преступления, дать надлежащую правовую оценку их действиям. Важное значение имеет выявление организатора преступного формирования и доказывание его вины. Это обусловлено тем, что именно организатор берет на себя ответственность за судьбу формирования и успех его деятельности. Рассматриваются вопросы, посвященные особенностям расследования преступлений, совершенных преступными формированиями.

Ключевые слова: преступное формирование, соучастие, преступная деятельность, ролевые функции, организатор, доказывание вины

Следственная практика свидетельствует о том, что при расследовании преступлений, совершенных в соучастии, и рассмотрении их в суде важно установить и всесторонне исследовать роль каждого соучастника, дать надлежащую правовую оценку их действиями. Известный русский юрист А. Ф. Кони писал: «Каждое преступление, совершенное несколькими лицами по предварительному соглашению, представляет целый живой организм, имеющий и руки, и сердце, и голову. Вам предстоит определить, кто в этом деле играл роль послушных рук, кто представлял алчное сердце и все замыслившую и рассчитавшую голову» [1, с. 12].

Вследствие этого особенностью расследования преступлений, совершенных преступными формированиями, является то, что необходимо всесторонне изучить и учесть:

- закономерности создания и развития данного формирования;
- степень его сплоченности;
- особенности взаимоотношений между членами формирования;
- тип каждой личности и ее роль в формировании и при совершении конкретного преступления;
- традиции, ценностные ориентации и нормы данного формирования;
- особенности личности и деятельности организатора и способы его воздействия на окружающих, его взаимоотношения с другими членами формирования.

Таким образом, помимо обстоятельств, подлежащих доказыванию по любому уголовному делу, при расследовании групповых преступлений необходимо установить:

- факт совершения преступления формированием;
- характер формирования (группа, группа по предварительному сговору, организованная группа и т. д.);
- распределение ролей в группе, т. е. наличие своеобразной психологической структуры, обусловленной взаимосвязями, взаимозависимостями и взаимовлиянием его членов.

При этом важное значение имеет выявление организатора преступного формирования и доказывание его вины. Это обусловлено тем, что именно организатор берет на себя ответственность за судьбу формирования и успех его деятельности. Он выполняет важную социально-психологическую функцию по сплочению формирования, распределению ролей, обеспечивает целостность формирования, выдвигает цели, которые оно должно достигнуть, и средства для их достижения, планирует групповую деятельность. Вместе с тем он определяет порядок взаимодействия между членами формирования для достижения поставленных целей, осуществляет контроль за групповой деятельностью, применяя существующие в данном формировании поощрения и наказания. Он выступает носителем групповых норм и ценностей, оказывает необходимое, с его точки зрения, воздействие на членов формирования, формируя у них качества в соответствии с внутригрупповым кодексом поведения. Организатор выступает в роли судьи при разрешении споров и внутригрупповых конфликтов.

В связи с этим важное значение для выявления организатора преступного формирования и доказывания его вины имеет своевременное и обоснованное выдвижение версий о том, кто из преступников руководил действиями других.

Основания для выдвижения версий о лицах, являющихся организаторами:

- психологический анализ формирования, т. е. исследование межличностных отношений путем выяснения конкретных фактов повседневной жизни, работы, отдыха его членов до, во время и после совершения преступления в целях выявления организатора. Установление того, как каждый соучастник вошел в преступное формирование, поможет следователю получить информацию о возможных приемах вовлечения в преступное формирование, личностных качествах участников;
- изучение психологических свойств и личностных качеств соучастников, выявление среди них лиц, которым присущи жизненный опыт, хитрость (помо-

гающие быстро сходиться с людьми, завоевывать доверие, а также видеть их недостатки и использовать в своих целях), решительность, стремление властвовать и сила воли (помогает проявить настойчивость в достижении цели, подавить волю других, подчинить своему влиянию), физическое развитие;

— показания потерпевших, свидетелей о том, кто во время совершения преступления руководил преступными действиями;

— информация об организаторе преступлений, поступившая из негласных источников, т. е. полученная в ходе оперативно-розыскной деятельности. При этом необходимо учитывать объективные особенности формирования оперативных данных и прежде всего их фрагментарность и частичную недостоверность, особенно на подступах к организаторам;

— анализ поведения и показаний подозреваемых и обвиняемых во время предварительного следствия: активность в целях налаживания связей между членами преступного формирования, попытки выработать на следствии единую, выгодную для всех линию поведения. Такие сведения могут быть получены, например, для пресечения попыток передать соучастникам сообщения. В этом немаловажную роль играет использование криминалистической и специальной техники (большое тактико-психологическое значение имеет применение специальной техники при осуществлении оперативного наблюдения: скрытых видеокамер, звукозаписывающих устройств, других средств наблюдения и фиксации, результаты использования которых при грамотном оформлении могут быть полностью или частично введены в процессуальный оборот и рассматриваться в качестве доказательств. Сюда же можно отнести и прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи и контроль за корреспонденцией).

При выдвигании версий об организаторе необходимо учитывать не только достоверную, но и непроверенную информацию. Однако при проверке версий следователем или оперативными работниками должны собираться объективные доказательства, подтверждающие или опровергающие каждую из версий.

Для расследования групповых преступлений характерны следующие типичные следственные ситуации, связанные непосредственно с поведением организаторов на предварительном следствии:

— организатор дает правдивые показания на первых же допросах как о своей руководящей роли, так и об участии в совершении преступления всех соучастников, способствуя их разоблачению;

— организатор признает свое участие в совершении преступления, но руководящую роль отрицают как он сам, так и другие члены преступного формирования;

— организатор признает свое участие в совершении преступления, но отрицает свою руководящую роль, однако изобличается показаниями других соучастников;

— организатор отрицает не только свою руководящую роль, но и участие в совершении преступления, однако разоблачается показаниями соучастников;

— организатор отрицает и свою руководящую роль, и участие в преступлении, соучастники поддерживают его линию поведения на следствии.

Знание типичных следственных ситуаций, связанных с позицией организатора и соучастников преступления, помогает избрать в их отношении правильную тактическую линию поведения.

Действия организованных преступных формирований отличаются от групп по предварительному сговору, как правило, более высоким уровнем конспирации как изнутри, так и извне. Это может быть использование конспиративных адресов, ведение контрслежки, «специализация» членов формирования, тщательная подготовка преступных акций, составление легенды с алиби для участвующих в преступлении лиц, жесткая дисциплина и др. Во многих случаях при подготовке преступления для обеспечения главной акции совершаются различные второстепенные деяния, в том числе и уголовно наказуемые: угон автомобилей, хищение оружия, кражи и подделки документов и т. д. Применяются современные технические средства: подслушивающие устройства, портативные радиостанции, видеозаписывающая аппаратура. Характерен повышенный интерес к организационной структуре, техническому оснащению и тактике действий правоохранительных органов. Нередко оказывается психологическое и физическое воздействие не только в отношении объектов преступлений, но и членов самих формирований, согласившихся давать показания и сотрудничать с правоохранительными органами.

Характерной особенностью преступных формирований является их активное противодействие проведению расследования. При этом наиболее часто используются приемы запугивания свидетелей, попытки подкупа или шантажа работников правоохранительных органов, а также вовлечения их в преступную деятельность, так как один из принципов преступной деятельности: «Бери на каждое дело работника правоохранительных органов, ибо он „мусор из избы не вынесет“» [2].

Уголовные дела в отношении участников преступных формирований расследуются в основном традиционными методами. При поступлении информации о совершенном преступлении возбуждается уголовное дело и начинается расследование. Однако такая тактика борьбы с организованными преступными формированиями не приносит желаемого результата.

При расследовании обычного преступления всякая полученная информация закрепляется процессуальными действиями. Быстрый успех, который достигается при расследовании каждого отдельного факта, с позиций общей превенции может выглядеть вполне оправданным. Однако в борьбе с преступными фор-

мированиями это неэффективно. Арест одного или нескольких лиц не причиняет серьезного ущерба организованному преступному формированию, которое легко возмещает потери, связанные с арестом отдельных лиц.

При расследовании необходимо подчинить все достижению главной цели — прекращению существования данных формирований путем изобличения возможно большего числа участников и в первую очередь — главных действующих лиц, т. е. организаторов и руководящего состава. Деятельность оперативных и следственных работников должна быть направлена на изобличение преступника, это означает, что изучению персональных данных, связей членов формирования должно уделяться первостепенное внимание.

Существующие формы проведения расследования не гарантируют, что преступное формирование не сумеет предпринять соответствующих контрмер для сокрытия следов совершенного, уничтожения вещественных доказательств и т. д. Поэтому для успешной борьбы с организованными формированиями необходимы разработка и применение на практике новой концепции, которая отличалась бы активным, наступательным характером, учитывала особенности личности преступников и совершаемых ими преступлений. Должно быть предусмотрено проведение большого объема подготовительной оперативной работы в целях получения данных о характерных способах совершения преступлений конкретным формированием и его организационной структуре. Когда же картина преступлений будет выявлена в полном объеме, должны следовать задержание и арест членов группы, а также закрепление ранее накопленных знаний процессуальным путем. Естественно, это вызывает ряд правовых проблем: известно преступление, но сознательно ограничиваются меры по его расследованию, из-за изменения обстановки или утраты доказательств некоторые преступники могут избежать наказания и т. д. Однако, на наш взгляд, сам факт раскрытия преступлений, выявления виновных оказывает на потенциальных преступников и широкие слои населения даже большее профилактическое воздействие, чем их последующее наказание. В данном случае складывается ситуация, когда приходится жертвовать быстрым успехом на пути к главной цели — уничтожению организованного преступного формирования.

Возникает необходимость в целесообразном моратории на уголовное преследование на определенный срок при расследовании преступлений, совершенных организованными преступными формированиями. Разумеется, данное положение неоспорно. Однако решение об отсрочке возбуждения уголовного дела должно приниматься по каждому сообщению о преступлении с учетом его тяжести, личности преступников и других обстоятельств дела. Вопрос о необходимости же отхода от традиционных методов расследования, повышения роли оперативно-

розыскной деятельности, перехода от раскрытия конкретного преступления, совершенного организованным формированием, к установлению полной картины его деятельности и выявлению всех причастных к преступным деяниям лиц неоднократно поднимался как зарубежными, так российскими учеными. А. С. Емельянов по этому поводу пишет, что «борьба с организованной преступностью ... есть пустой звук, если своим девизом она имеет борьбу с преступлениями, а не с их систематическим характером, если она не нацелена в первую очередь на разрушение того, что обеспечивает систематический характер совершения преступлений ... Уголовное законодательство однозначно ориентирует правоохранительные органы на исследование только конкретного, отдельно взятого факта преступного посягательства. И в результате на практике для правоохранительных органов стоит задача исследования совместных действий участников группы лишь применительно к отдельным эпизодам деятельности, будь то организация группы или совершение в ее составе преступлений. Целостного исследования организованной группы (формирования) и ее преступной деятельности при этом совершенно не получается и не получится в принципе» [3, с. 8].

Организованное преступное формирование создается для систематического совершения преступлений или для преступной деятельности. Для реализации указанной цели необходима устойчивая система преступных связей. Эти связи фактически объединяют в одно целое исполнителей конкретных преступлений, организатора формирования и тех лиц, чья деятельность состоит в руководстве формированием либо направлена на поддержание устойчивости данной системы связей этой социальной группы как единого целостного социального феномена. Практически по каждому уголовному делу происходит подмена понятий: характеристика организованного преступления выдается за характеристику организованного преступного формирования. «Если организованное преступление характеризуют данные о его подготовленности как обособленного акта, связях, складывающихся между участниками каждого отдельного посягательства, то организованную преступную группу в ее единстве — данные о связях членов группы, складывающихся между ними при осуществлении совместной деятельности в целом, месте и роли каждого лица в группе и во всей деятельности» [4, с. 9–10]. Так, по мнению В. В. Лунеева, преобладающим критерием организованной преступности является организованность [5, с. 76].

Соединение уголовных дел в одно производство не решает этой проблемы, так как смысл соединения дел, возбужденных по отдельным фактам преступлений, совершенных одним и тем же формированием, состоит в анализе и сведении всех эпизодов деятельности преступного формирования в одно уголовное дело и таким образом обеспечении полноты расследования. Главная же цель — получение информации

об организованном формировании — предполагает не только конкретные характеристики эпизодов его деятельности, а информацию о связи эпизодов. Сведение и анализ эпизодов с их общими и особенными характеристиками в одно целое должно быть не целью расследования по делу, а средством, позволяющим вскрыть самую суть организованного преступного

формирования и его деятельности — связь преступлений и преступников. Отход от традиционных методов расследования будет способствовать более полному раскрытию преступлений и изобличению всех виновных, укреплению законности и правопорядка, предупреждению преступлений, т. е. выполнению задач уголовного судопроизводства.

Список литературы

1. Кони А. Ф. Сочинения : в 8 т. М., 1967. Т. 3.
2. Гуров А., Щекочихин Ю. Лев прыгнул // Лит. газ. 1988. 20 июля.
3. Емельянов А. С. Понятие организованной преступности и проблемы борьбы с ней // Вопросы организованной преступности и борьбы с ней. М., 1993.
4. Криминалистическое исследование начальной фазы организованной преступности // Проблемы преступности в капиталистических странах (по материалам зарубежной печати). 1987. № 8.
5. Карягина А. В. Понятие и признаки современной организованной преступности // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2016. № 2(24).

УДК 343.1

Е. Е. КОРОБКОВА

Применение уголовно-процессуальной медиации в производстве по делам в отношении несовершеннолетних: проблемы нормативного регулирования и практической реализации

В статье исследуются отдельные вопросы, связанные с уяснением сущности медиации как направления восстановительного правосудия, возможности ее применения в уголовном судопроизводстве. На основе анализа законодательства определяется категория уголовных дел, по которым будет возможно применение процедуры медиации, и стадии уголовного судопроизводства, на которых может быть реализована примирительная процедура.

Ключевые слова: медиация, восстановительное правосудие, производство по делам в отношении несовершеннолетних, разрешение конфликта, прекращение уголовного дела, примирение сторон

Производство по уголовным делам с участием несовершеннолетних всегда привлекало внимание ученых-процессуалистов. Неоднократно предпринимались попытки научно обосновать целесообразность радикального преобразования закрепленного в действующем российском уголовно-процессуальном законодательстве механизма отправления правосудия в этой сфере. В связи с этим сформировалось несколько самостоятельных направлений, в рамках которых аргументируется необходимость реформирования уголовного судопроизводства с участием лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста к моменту совершения преступления. Одно из них — это внедрение в российское уголовное судопроизводство института медиации по уголовным делам в отношении несовершеннолетних.

Процедура медиации представляет собой форму реализации концепции восстановительной юстиции¹. В процессуальной литературе восстановительное правосудие определяется как «учение о способах реагирования на противоправные деяния, в основе которых лежит идея о необходимости примирения сторон конфликта, возникающего в результате противоправного деяния, в целях восстановления нормального порядка, существовавшего до совершения деяния, удовлетворения интересов стороны, которой деянием причинен вред, а также исправления и ресоциализации лица, совершившего деяние» [1, с. 138]. Отмечается, что «восстановительное правосудие не является ни карающим, ни снисходительным и тем самым противостоит как „карательному“, так и реабилитационному подходам» [1, с. 140]. В основе восстановительного правосудия лежат различные альтернативные способы разрешения уголовно-правовых конфликтов: штраф по соглашению, полицейское предупреждение, условный отказ от уголовного преследования, транзакция и др. [2, с. 55–58].

В конце XX в. заговорили о таком возможном способе разрешения конфликтов, как медиация, которая получила широкое распространение в Канаде, Соединенных Штатах Америки, Великобритании, Франции. Совет Европы уделял значительное внимание разработке актов, регулирующих применение медиации. Основным документом, который посвящен вопросам медиации по уголовным делам, стала Рекомендация Комитета министров Совета Европы № R(99)19 от 15 сентября 1999 г. «О посредничестве по уголовным делам»². Этот документ содержит требования к процедуре медиации, касающиеся ее сущности, задач и круга участников.

Комментируя пояснительную записку к этому документу, А. А. Давлетов и Д. А. Братчиков отмечают, что «существенное отличие медиации от традиционного уголовного судопроизводства — смена главных действующих лиц процесса. Если основными участниками традиционного уголовного судопроизводства являются государство и правонарушитель, то в рамках медиации на первый план выступают пострадавший и правонарушитель, а также независимый посредник» [3, с. 170]. Таким образом, к числу первостепенных задач медиации, по их мнению, относится «обеспечение сторонам возможности обсудить возникший между ними конфликт и самостоятельно урегулировать его. В Рекомендации „О посредничестве по уголовным делам“ медиация рассматривается как процесс, в котором жертва и правонарушитель имеют возможность добровольно участвовать в решении порожденных преступлением проблем при помощи беспристрастной третьей стороны или посредника» [3, с. 170].

Исследовав возможность применения медиации в уголовном процессе России, указанные авторы пришли к выводу, что «в зарубежной литературе прослеживается два подхода к определению понятия медиации: концептуальный и описательный. При

¹ См., напр.: *Резолюция Экономического и Социального Совета ООН 2002/12 от 24 июля 2002 г. «Основные принципы применения программ реституционного правосудия в вопросах уголовного правосудия»*. URL: https://www.unodc.org/documents/commissions/CCPCJ/CCPCJ_Sessions/CCPCJ_11/E-2002-30_E-CN15-2002-14/E-2002-30_E-CN15-2002-14_R.pdf (дата обращения: 30.04.2023) ; *Доклад Генерального Секретаря ООН «Реституционное правосудие»*. URL: https://www.unodc.org/documents/commissions/CCPCJ/CCPCJ_Sessions/CCPCJ_11/E-CN15-2002-05/E-CN15-2002-5_R.pdf (дата обращения: 30.04.2023).

² Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

концептуальном подходе медиация трактуется через основные принципы, цели и задачи данной процедуры. Например, медиация — это добровольная конфиденциальная процедура урегулирования спора, в ходе которой нейтральное лицо (медиатор) содействует сторонам в проведении переговоров в целях заключения взаимоприемлемого соглашения. Описательный подход раскрывает медиацию через практику ее применения: медиация — это процедура урегулирования конфликта, при которой спорящие стороны встречаются с медиатором и обсуждают ситуацию, после чего делают попытку разрешить противоречия» [3, с. 171]. По их мнению, более содержательным для определения понятия медиации представляется концептуальный подход, при котором выделяются ее признаки: разрешение конфликта самостоятельно сторонами; участие в переговорах нейтрального посредника; осуществление процесса медиации вне судопроизводства и вне действия уголовно-процессуальных норм; прекращение производства по делу в случае примирения сторон [3, с. 171–172].

«Первые шаги» внедрения и адаптации рассматриваемой процедуры в российскую правовую систему, осмысления и оценки перспектив ее развития делаются и в Российской Федерации. Так, 27 июля 2010 г. был принят Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». Однако в данном законе речь идет об урегулировании споров, «возникающих из гражданских, административных и иных публичных правоотношений, в том числе в связи с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, а также спорам, возникающим из трудовых и семейных правоотношений»³. Об уголовном судопроизводстве в нем не упоминается. В связи с чем вполне обоснованно говорить о том, что распространение положений данного закона на область уголовного процесса представляется преждевременным, а с учетом положений ст. 1 УПК РФ — неприемлемым.

Тем не менее ряд ученых-процессуалистов придерживаются позиции, что на базе института освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ) целесообразно формирование нового для российского уголовного процесса института медиации. Сторонники данного мнения считают, что в рамках соответствующих процедур потерпевшему и подозреваемому (обвиняемому) с помощью беспристрастного медиатора дается шанс договориться о прекращении разбирательства по совершенному преступлению на выгодных для обеих сторон условиях. Несмотря на значительное количество научных работ, посвященных медиации, следует признать, что отечественные исследователи только приступили к созданию теоретических моделей данного института.

Высказываются предположения о наличии общеправовых и общесоциальных предпосылок для

внедрения медиации в уголовное судопроизводство. К общесоциальным относят «потребности в ускорении и упрощении расследования преступлений, что связано, по мнению большинства, с проблемой затягивания сроков уголовного судопроизводства, и потребности в возмещении ущерба самим преступником»; к общеправовым — «переоценку возможностей карательного способа уголовно-правового регулирования, присутствие соответствующих установок в международных правовых документах, борьбу со стигматизацией, повышение роли потерпевшего» [4, с. 11–15].

Стоит признать, что данная аргументация недостаточно обоснована. Потерпевший и без того обладает необходимой совокупностью прав для отстаивания своих интересов. «Условия заглаживания причиненного вреда, принятие извинений от своего «обидчика», возможность наиболее полно восстановить моральные и имущественные потери» [4, с. 12], реализованы законодателем через механизм примирения сторон в порядке ст. 76 УК РФ. Что касается производства по делам в отношении несовершеннолетних, то в конце XIX — начале XX вв. в России была реализована упрощенная форма ювенального уголовного судопроизводства (производство о разумении, упрощенная форма судебного разбирательства). Позже наблюдалась тенденция к усложнению производства с участием несовершеннолетних путем введения дополнительных процессуальных гарантий.

Абсолютно справедливо возникают вопросы относительно процедуры применения медиации как способа разрешения уголовно-правового конфликта:

— можно ли использовать механизм, выходящий за пределы предусмотренных законом процедур, который предполагает, что конфликт разрешается самими сторонами (т. е. лицом, совершившим деяние, и лицом, которому деянием причинен вред) без активного участия государственных органов и должностных лиц, наделенных властными полномочиями;

— соответствуют ли концепция восстановительной юстиции и ее практическая реализация принципам уголовного права и процесса;

— в случае допущения процедуры медиации для разрешения уголовных дел каким образом должна быть выстроена конструкция данной процедуры;

— подлежит ли данный вопрос регулированию в рамках УПК РФ или требует принятия отдельного закона;

— в отношении каких составов преступлений может применяться медиация? и т. д.

Очевидно, что без ответов на эти и другие вопросы медиацию по уголовным делам нельзя будет рассматривать как урегулированную процедуру, результаты которой можно применить в уголовном судопроизводстве [5, с. 36–37], в том числе в качестве дополнительной гарантии прав несовершеннолетних.

³ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Сама по себе идея восстановительного правосудия достаточно привлекательна для уголовного судопроизводства и для производства по делам несовершеннолетних, но ее законодательная регламентация и практическая реализация в российском уголовном процессе требует качественной детальной проработки и научного обоснования.

Во-первых, необходимо определиться с понятием медиации и ее сущностью. Стоит признать, среди всего многообразия предлагаемых в теории дефиниций рассматриваемого нами понятия большинство из них относится к сфере гражданского судопроизводства. В науке гражданского процесса медиация — это самостоятельная альтернативная (судебной) процедура разрешения правового спора при содействии третьего лица (медиатора) [6, с. 42; 7, с. 23; 8, с. 56–59; 9; 10, с. 34; 11, с. 35], признаками которой являются: 1) законодательное закрепление права сторон на медиацию; 2) наличие третьего лица — медиатора; 3) разрешение конфликта сторонами путем переговоров; 4) проведение переговоров проходит вне процедуры судопроизводства; 5) прекращение дела вследствие мирового соглашения как результата переговоров.

В науке уголовного процесса под медиацией, как правило, понимается «примирительная процедура по разрешению конфликта сторонами при участии третьего, независимого лица — медиатора» [12, с. 62; 13, с. 65–73; 14, с. 127–135; 15, с. 29; 16, с. 131; 17, с. 90–95; 18, с. 26; 19, с. 12; 20, с. 23; 21, с. 70]. Анализ имеющихся определений позволяет констатировать, что они по своему содержанию во многом совпадают с гражданско-процессуальной интерпретацией медиации. Соответственно, идентичны и признаки. По справедливому замечанию ряда авторов, «гражданское судопроизводство и уголовное судопроизводство далеко не тождественны, хотя и в том, и в другом имеется институт примирения сторон, однако порядок достижения ими компромисса и правовая значимость его результатов в гражданском и уголовном процессе разные, поэтому гражданско-процессуальная трактовка медиации применима в уголовном судопроизводстве лишь как базовая идея, как необходимое качество, которое может прижиться в уголовно-процессуальной деятельности в том случае, если обрстет дополнительными свойствами, отражающими специфику данного вида юридической практики» [3, с. 170].

В связи с этим можно констатировать, что самостоятельное понятие медиации в уголовном судопроизводстве, наполненное собственным содержанием, находится на этапе формирования.

Что касается медиации в производстве по делам с участием несовершеннолетних, то она должна представлять собой примирительную процедуру, предполагающую прекращение прокурором с согласия законного представителя и при участии медиатора уголовного дела в отношении несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, совершившего

преступление небольшой или средней тяжести, ходатайствующего об этом в связи с достижением примирительного (медиационного) соглашения с потерпевшим.

Во-вторых, необходимо определиться с категорией уголовных дел, по которым будет возможно применение процедуры медиации. В уголовном судопроизводстве на сегодняшний день определен круг уголовных дел, прекращаемых в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым: 1) уголовные дела частного обвинения в связи с примирением сторон (ч. 2 ст. 20 УПК РФ); 2) уголовные дела в отношении лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений небольшой и средней тяжести, в случаях, предусмотренных ст. 76 УК РФ, если эти лица примирились с потерпевшим и загладили причиненный ему вред (ст. 25 УПК РФ). Это значит, что имеется достаточно большое количество уголовных дел, прекращение которых связано с примирением сторон.

Кроме того, по ряду уголовных дел могут быть установлены смягчающие обстоятельства в виде оказания медицинской и иной помощи потерпевшему непосредственно после совершения преступления, добровольное возмещение имущественного ущерба и морального вреда, причиненных в результате преступления, иные действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного потерпевшему (п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ). Наличие этих обстоятельств предполагает, что стороны (обвиняемый и потерпевший) вступают в переговоры в целях достижения мирного соглашения, т. е. примирения.

Эта же процедура — переговоры сторон в целях достижения определенного компромисса — имеет место и по делам, которые могут быть рассмотрены в порядке главы 40 УПК РФ, где условием является согласие потерпевшего.

Отдельными авторами (А. А. Арутюнян, Л. В. Голловко, Е. Е. Забуга, Л. М. Карнозова, Е. В. Марковичева, Л. А. Шестакова и др.) высказываются предложения о применении медиации по делам в отношении несовершеннолетних. Полагаем, что возможность исключить вовлечение несовершеннолетнего в уголовное судопроизводство в рамках предполагаемой упрощенной процедуры должна получить более детальную проработку и быть реализована в российском уголовном процессе.

При этом необходимо обратить внимание на тот факт, что в процедуре медиации примирительная процедура не выступает условием, это деятельность, ориентированная на конечную цель — разрешение спора, а результат этой деятельности должен быть положен в основу принятия решения о прекращении уголовного дела.

Таким образом, применение медиации становится возможным: 1) по делам частного обвинения; 2) по делам, прекращаемым в связи с примирением сторон в порядке ст. 25 УПК РФ; 3) по делам в отношении несовершеннолетних.

В-третьих, необходимо определиться на какой стадии уголовного судопроизводства может быть реализована примирительная процедура.

Одни авторы предлагают применение процедуры медиации начиная со стадии предварительного расследования, другие видят возможным реализацию медиации на этапе возбуждения уголовного дела, предвидя потенциальную возможность прекращения уголовного дела в порядке ст. 25 УПК РФ [22, с. 38–44; 23]. Для третьих авторов — единственно правильный подход в этом вопросе — это «допустимость разрешения дела на основе медиационного соглашения исключительно в судебных стадиях производства по уголовному делу». Однако сама процедура медиации, по их мнению, «может быть начата еще в досудебных стадиях, с того момента, когда лицо, совершившее преступление, и потерпевший выразят намерение вступить в переговоры с целью в той или иной степени уладить уголовно-правовой конфликт. Но принятие решения по делу на основе соглашения сторон в результате медиации — это прерогатива исключительно суда. Исходя из этого надо различать медиацию как переговоры сторон и медиацию как основание принятия решения по делу и разделять сферы их применения на досудебном и судебном этапах уголовного судопроизводства» [3, с. 176].

С. А. Шейфер справедливо обращал внимание на то, что «центр доказывания сместился из стадии предварительного расследования в стадию возбуждения уголовного дела, в результате чего уже на самой начальной стадии практические работники, используя расширенный арсенал доследственной проверки, могут прийти не к вероятностным, а к достоверным выводам о наличии признаков преступления» [24, с. 161–163]. Это в свою очередь дает возможность начать применять примирительные процедуры между сторонами уголовно-правового спора уже на этапе возбуждения уголовного дела. Применительно к категории дел в отношении несовершеннолетних этот механизм обеспечивается не только возможностью получения объяснений от данных участников, но и возможностью привлечения, помимо законного представителя, адвоката, еще и психолога и педагога.

По мнению Л. А. Шестаковой, «при внедрении медиации в российский уголовный процесс в первую очередь необходимо рассмотреть вопрос о возможности отказа от возбуждения уголовного дела в отношении несовершеннолетнего в связи с достижением примирительного соглашения по итогам процедуры медиации, проведенной до возбуждения уголовного дела». Автор вместе с тем полагает, что «медиация должна применяться и в дополнение к уже имеющейся в УПК РФ процедуре, основанной на примирении сторон (ст. 25 УПК РФ)» [21, с. 72].

Полагаем, что процедура медиации, предполагающая вступление в переговоры сторон в целях разрешения конфликта, может быть начата на стадии

возбуждения уголовного дела и получить свою дальнейшую реализацию на последующих стадиях уголовного процесса.

В-четвертых, необходимо разобраться, что представляет собой процедура применения медиации в уголовно-процессуальной деятельности.

Предложения, высказанные в теории уголовного процесса, по поводу механизма реализации медиации сводятся к толкованию этой процедуры в качестве: 1) альтернативного процесса вне рамок возбужденного уголовного дела (когда уголовное дело или не возбуждается изначально, или приостанавливается на начальных стадиях); 2) части уголовного процесса, когда медиация проходит внутри всего процесса, но при этом имеет самостоятельные элементы, и, таким образом, результаты предыдущих стадий учитываются на каждом последующем этапе производства по делу); 3) дополнения к уголовному процессу (примирение производится после вынесения судебного решения непосредственно в пенитенциарных учреждениях) [25, с. 16–19].

Применительно к производству по делам с участием несовершеннолетних в науке предлагается возможная модель использования медиации: 1) на стадии возбуждения уголовного дела «следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора должны иметь право выносить постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с примирением сторон, имея право продлить срок проверки оснований для возбуждения уголовного дела до 30 суток при выраженном сторонами желании примириться по преступлениям небольшой и средней тяжести, которые совершены впервые. Таким образом, дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа от 3 до 10 суток проводят проверку о любом совершенном или готовящемся преступлении, как это предусмотрено действующей редакцией ст. 144 УПК РФ, и при выявлении повода и оснований для возбуждения уголовного дела небольшой или средней тяжести, при условии, если потенциальный потерпевший и несовершеннолетний правонарушитель установлены, преступление совершено впервые, правонарушитель готов возместить вред, а потенциальный потерпевший готов встретиться для переговоров, то уполномоченным должностным лицам должно быть предоставлено право предложить сторонам обратиться к медиатору, продлив в установленном законом порядке срок для проверки оснований для возбуждения уголовного дела до 30 дней. Решение следователя или дознавателя подлежит оформлению в виде постановления, в котором, помимо прочего, должны быть указаны основания проведения процедуры медиации; учреждение, которому поручается проведение процедуры медиации или медиатор, проводящий процедуру; материалы, передаваемые медиатору для проведения процедуры» [26]; 2) в стадии предварительного расследования производство по уголовному делу должно быть при-

остановлено на определенный срок для проведения процедуры медиации и выполнения условий заключенного примирительного соглашения. По истечении установленного срока производство по уголовному делу должно быть возобновлено, и в зависимости от результатов медиации и выполнения условий примирительного соглашения принимается решение либо о прекращении уголовного дела, либо о продолжении производства по уголовному делу в общем порядке [21, с. 72–74].

На наш взгляд, процедура медиации может быть применена в уголовном производстве по делам в отношении несовершеннолетних о преступлениях небольшой и средней тяжести. Ее применение не должно предусматривать приостановление производства по уголовному делу. При этом результат медиации должен признаваться обстоятельством, исключающим уголовное преследование и позволяющим принять решение о прекращении уголовного дела.

Таким образом, внимательно проанализировав мнения ученых, представленные на страницах юридической печати, в которых отстаивается позиция внедрения в уголовный процесс медиации, несущей в него специфические примирительные процедуры, в том числе или прежде всего ориентированные на уголовно-правовые конфликты с участием несовершеннолетних [27; 28, с. 165–168; 29, с. 82–84; 30], возможно констатировать следующее. Во-первых, в российском уголовном судопроизводстве имеются

основательные предпосылки для реализации процедуры уголовно-процессуальной медиации при производстве по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. Во-вторых, несмотря на то что процедура уголовно-процессуальной медиации более громоздка в сравнении с процессуальной формой освобождения от уголовной ответственности подозреваемого, обвиняемого, примирившегося с потерпевшим по делам с участием несовершеннолетних и вводится чуждая для уголовного процесса фигура медиатора, предполагающая создание профессиональной службы медиации, что может быть обременительно для казны, нам представляется, что разработка концепции внедрения медиации как альтернативы уголовному преследованию при аргументированном подходе, — это не только теоретическая, но и реальная практическая перспектива. В-третьих, внедрение в уголовный процесс медиации предполагает изменения и дополнения в соответствующей части УПК РФ, Закона «О прокуратуре Российской Федерации», принятие закона об учреждении службы профессиональной медиации. С учетом изложенного идея внедрения медиации в уголовное судопроизводство по делам с участием несовершеннолетних требует основательной доработки и экспериментальной апробации. В существующих вариантах этот проект очень привлекателен внешне, но как научный продукт пока не отвечает требованиям аргументированности, рациональности и экономичности.

Список литературы

1. Шестакова Л. А. Концепция восстановительного правосудия как основа ювенальной юстиции // Юридический вестник Самарского университета. 2016. Т. 2. № 1.
2. Апостолова Н. Н. Медиация (посредничество) по уголовным делам // Рос. юстиция. 2010. № 3.
3. Давлетов А. А., Братчиков Д. А. Проблема применения медиации в уголовном процессе России // Российский юридический журнал. 2014. № 5.
4. Градский В. Е. Предпосылки внедрения процедуры медиации в уголовном процессе России // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2020. № 2.
5. Арутюнян А. А. Концепция восстановительной юстиции и медиация в уголовном судопроизводстве // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2011. № 5.
6. Давыденко Д. Л. Как избежать судебного разбирательства. Посредничество в бизнес-конфликтах. М., 2006.
7. Калашникова С. И. Медиация в сфере гражданской юрисдикции : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2010.
8. Максимова Е. Ю. Медиация в условиях современной России: проблемы и перспективы // Юридический мир. 2011. № 6.
9. Медиация в нотариальной деятельности / отв. ред. С. К. Загайнова, Н. Н. Тарасов, В. В. Ярков. М., 2012.
10. Решетникова И., Колясникова Ю. Медиация и арбитражный процесс // Арбитражный и гражданский процесс. 2007. № 3.
11. Решетникова И. В. Право встречного движения. Посредничество и российский арбитражный процесс // Медиация и право. Посредничество и примирение. 2007. № 2.
12. Авимская О. В. Медиация как процедура: этапы разрешения спора // Нравственные императивы в праве. 2010. № 2.
13. Воскобитова Л. А. Модельный закон субъекта РФ «О службе примирения» // Вестник восстановительного правосудия. 2006. Вып. 6.
14. Головкин Л. В. Институт уголовно-правовой медиации и его перспективы в Российской Федерации // Закон. 2009. № 4.

15. Гуськова А. П., Маткина Д. В. Медиация в уголовном процессе // Российский судья. 2009. № 2.
16. Давыдова Е. В. Примирение с потерпевшим в уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2001.
17. Дубровин В. В. От примирения сторон к медиации в уголовном судопроизводстве России // Библиотека криминалиста: науч. журн. 2011. № 1.
18. Кудряшов А. А. Медиация в России // Нотариус. 2009. № 3.
19. Максудов Р. Р. Восстановительная медиация: идея и технология: методические рекомендации. М., 2009.
20. Шамликашвили Ц. А. Медиация как альтернативная процедура урегулирования споров: что необходимо знать судье, чтобы компетентно предложить сторонам обращение к процедуре медиации : учеб. пособие. М., 2010.
21. Шестакова Л. А. Применение медиации в производстве по делам несовершеннолетних // Юридический вестник СамГУ. 2015. Т. 1. № 1.
22. Арутюнян А. А. Концепция восстановительной юстиции и современные тенденции развития уголовного процесса // Адвокат. 2011. № 9.
23. Уголовно-процессуальное законодательство РФ 2001–2011 гг. : сб. науч. ст. / под ред. И. Б. Михайловской. М., 2012.
24. Шейфер С. А. Трансформация стадии возбуждения уголовного дела в связи с принятием ФЗ-23 от 4 марта 2013 года // Вектор науки ТГУ. Серия: Юридические науки. 2014. № 2(17).
25. Гроенхейзен М. Медиация жертвы и правонарушителя: правовые и процедурные гарантии. Эксперименты и законодательство в некоторых европейских странах // Восстановительное правосудие / под ред. И. Л. Петрухина. М., 2003.
26. Арутюнян А. А. Медиация в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.
27. Деришев Ю. В., Забуга Е. Е. Медиация как альтернативная форма уголовного преследования несовершеннолетних : монография. М., 2016.
28. Марковичева Е. В. Уголовное судопроизводство в отношении несовершеннолетних: проблемы теории и практики : монография. Орел, 2011.
29. Петрухин И. Л. Восстановительное правосудие: процессуальные аспекты // Восстановительное правосудие. М., 2003.
30. Попова И. П. Обвинительный приговор без назначения наказания в российском уголовном судопроизводстве : монография. М., 2020.

Перспективы развития процессуальной формы рассмотрения и разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора, в отношении несовершеннолетних

В статье обращается внимание на отсутствие надлежащего правового регулирования рассмотрения и разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора, в отношении несовершеннолетних осужденных. Указывается, что уголовно-процессуальное законодательство содержит особенности производства по уголовным делам, которые могут использоваться применительно к правоотношениям, урегулированным гл. 47 УПК РФ, только по аналогии, что противоречит проводимой в стране государственной политике в отношении интересов детей.

Ключевые слова: исполнение приговора, осужденный, несовершеннолетний, защитник, законный представитель

Указом Президента Российской Федерации от 1 июня 2012 г. № 761 «О Национальной стратегии в отношении детей на 2012–2017 годы» (далее — Национальная стратегия) были определены основные направления и задачи государственной политики в интересах детей и ключевые механизмы ее реализации. В частности, данным документом предусмотрено создание системы защиты и обеспечения прав и интересов детей и *дружественного ребенку правосудия*.

Известно, что уголовный закон устанавливает особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних (раздел V глава 14 УК РФ). В свою очередь соответствующие положения норм материального права реализуются в специальной уголовно-процессуальной форме, описанной законодателем в гл. 50 УПК РФ. Данная процедура снабжена дополнительными гарантиями прав лиц, совершивших преступления в возрасте от 14 до 18 лет. Кроме того, для производства по уголовным делам в отношении этой категории лиц нормативно установлен специальный предмет доказывания (ст. 421 УПК РФ). Особенности производства по делам несовершеннолетних традиционно привлекают внимание ученых и достаточно обстоятельно представлены в уголовно-процессуальной доктрине [1–4].

При этом закон не определяет специфики производства по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, в отношении несовершеннолетних осужденных, что надлежит признать существенным законодательным пробелом. Гарантии прав несовершеннолетних, предусмотренные гл. 50 УПК РФ, могут применяться здесь только по аналогии, что противоречит проводимой в стране государственной политике в отношении интересов детей в целом и Национальной стратегии в частности.

Отдельно отметим, что ст. 430 УПК РФ обязывает суд при постановлении приговора в отношении несовершеннолетнего подсудимого (наряду с общими вопросами, разрешаемыми судом при постановлении каждого приговора (ст. 299 УПК РФ)) решать вопросы о возможности освобождения его от наказания с при-

менением принудительных мер воспитательного воздействия, либо условного осуждения, либо назначения ему наказания, не связанного с лишением свободы. Несмотря на это, статистика свидетельствует о недостаточной востребованности альтернативных наказанию мер уголовно-правового характера, установленных ст. 90 УК РФ. В случае признания несовершеннолетнего подсудимого виновным в совершении преступления, чаще всего к нему применяется уголовное наказание.

Отметим, что вопросы, связанные с пребыванием несовершеннолетнего осужденного в специальном учебно-воспитательном учреждении закрытого типа (досрочное прекращение, продление или восстановление срока пребывания, перевод в другое специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа), с недавнего времени разрешаются в порядке административного судопроизводства*.

Однако без внимания законодателя остались особенности рассмотрения и разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора, в отношении несовершеннолетних осужденных. При этом нормы уголовного закона (ст. 93 УК РФ) определяют лишь «льготный» срок фактического отбытия наказания, по истечении которого у осужденного возникает право на обращение с ходатайством об условно-досрочном освобождении.

В пункте 41 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» внимание судов обращено на необходимость выяснения наличия фактических оснований для условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, определенных в общих нормах (ст. 79 УК РФ, ст. 175 УИК РФ).

В других постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, посвященных как судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания, так и в целом практике применения законодательства об исполнении приговора,

* Соответствующие изменения были внесены Федеральным законом от 21 ноября 2022 г. № 447-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

каких-либо конкретных разъяснений, касающихся обеспечения гарантий прав несовершеннолетних осужденных, нет, за исключением упоминания законного представителя осужденного в качестве участника производства, установленного гл. 47 УПК РФ.

Даже указанных обстоятельств достаточно для констатации пробельности нормативной регламентации процессуальной формы рассмотрения и разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора.

Направления совершенствования уголовно-процессуального закона в этой части видятся в следующем.

1. *Надлежащее определение процессуального статуса участников производства, присутствие которых выступает в качестве дополнительных гарантий прав несовершеннолетнего осужденного* (обязательное участие защитника и законного представителя несовершеннолетнего осужденного). Причем участие адвоката несовершеннолетнего осужденного и его законного представителя не следует превращать в формальность. Их деятельность должна наполняться соответствующим содержанием. Действия указанных субъектов должны быть направлены на обеспечение прав осужденного, не противоречить его интересам. В связи с этим должны быть установлены полномочия суда по отстранению законного представителя, не исполняющего либо ненадлежащим образом исполняющего свои обязанности.

2. *Регламентация обстоятельств, подлежащих установлению.* В частности, целесообразно установить, что при рассмотрении и разрешении вопросов, перечисленных в ст. 397 УПК РФ, суд обязан установить не только обстоятельства, характеризующие отношение несовершеннолетнего к основным средствам исправления (например, отношение к учебе), но и имеющиеся условия для его ресоциализации с участием родителей и иных законных представителей (условия жизни и воспитания, возможность продолжения обучения и т. д.).

Отметим, что в Национальной стратегии в разделе «Меры, направленные на улучшение положения детей в период нахождения в учреждениях уголовно-исполнительной системы и в постпенитенциарный период» предусматривается:

1) создание в Российской Федерации системы пробации, позволяющей обеспечить высокую эффективность работы с детьми, находящимися в конфликте с законом;

2) создание системы общественного контроля за соблюдением прав детей, находящихся в трудной

жизненной ситуации, в социально опасном положении или в конфликте с законом;

3) разработка программы ресоциализации отбывших наказание несовершеннолетних и формирование государственного заказа по адресному оказанию данной услуги;

4) распространение на лиц, осужденных к лишению свободы в несовершеннолетнем возрасте и освободившихся в возрасте от 18 до 23 лет, права на получение социальной поддержки, сопровождение и постпенитенциарную реабилитацию со стороны служб, осуществляющих эту работу в отношении несовершеннолетних;

5) отнесение несовершеннолетних, находящихся в следственных изоляторах и воспитательных колониях, к категории лиц, в отношении которых проводится индивидуальная профилактическая работа органами и учреждениями системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Деятельность по разработке законопроектов должна осуществляться с «поправкой» на обозначенные в Национальной стратегии меры, учитывать необходимость совершенствования не только уголовно-процессуальной формы, но и уголовно-исполнительного и иного законодательства (например, Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ).

Стоит признать, что реализация высказанных нами предложений (в части совершенствования процедуры, предусмотренной ст. 399 УПК РФ) возможна и в настоящий момент (посредством применения по аналогии некоторых принципов уголовного судопроизводства, статей, устанавливающих процессуальное положение отдельных участников, а также нормы гл. 50 УПК РФ). Однако предложенные направления развития процессуальной формы рассмотрения и разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора, в отношении несовершеннолетних, направлены на создание *должного* правового регулирования.

Соответствующие изменения целесообразно аккумулировать в рамках отдельной нормы в гл. 47 УПК РФ. До корректировки закона пробелы правовой регламентации (в качестве временной меры, направленной на обеспечение не только прав, но и единства судебной практики) возможно компенсировать разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ.

Список литературы

1. Марковичева Е. В. Концептуальные основы ювенального уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2011.
2. Николюк В. В. Опыт законодательной регламентации в УПК РФ производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6.
3. Николюк В. В., Марковичева Е. В. Трансформация производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних в современном российском уголовном процессе: к двадцатилетию принятия УПК РФ // Правосудие. 2021. Т. 3. № 3.
4. Стельмах В. Ю. Дефекты законодательной регламентации уголовного судопроизводства по делам несовершеннолетних // Журнал российского права. 2020. № 10.

УДК 343.1

О. П. ЕФИМОВИЧ, Т. Н. ШУМИЛОВА**Подразделения отдела организации дознания органа внутренних дел как субъекты ведомственного контроля: понятие, направления деятельности, основные показатели**

В статье на основе анализа действующего законодательства и правоприменительной практики Отдела организации дознания УМВД России по Омской области определены понятие, сущность, показатели осуществления ведомственного контроля. Обращается внимание на полномочия должностных лиц при обеспечении законности и эффективности деятельности территориальных органов внутренних дел на районном уровне и их недостаточность.

Ключевые слова: ведомственный контроль, зона ответственности, органы внутренних дел, отдел организации дознания, дознаватель, процессуальная деятельность, дознание в сокращенной форме

Вопросы обеспечения и осуществления ведомственного контроля за деятельностью органов внутренних дел Российской Федерации (далее — ОВД) в последнее десятилетие актуальны и ежегодно директивно определяются МВД России в качестве приоритетных.

Основы организации ведомственного контроля за деятельностью органов внутренних дел Российской Федерации закреплены в ведомственных нормативных документах. Одним из основных является приказ МВД России от 3 февраля 2012 г. № 77 «Основы организации ведомственного контроля за деятельностью органов внутренних дел Российской Федерации». Его положения направлены на совершенствование системы данной формы контроля в ОВД; определяют порядок организации зонального контроля за территориальными органами МВД РФ на различном уровне, осуществления особого контроля, организацию и проведение инспектирования, контрольных и целевых проверок деятельности органов внутренних дел Российской Федерации.

Принципы построения системы ведомственного контроля основываются прежде всего на его всеобъемлющем характере и охвате не только служб системы ОВД, но и иных организаций и подразделений, созданных для выполнения задач и осуществления полномочий, возложенных на органы внутренних дел Российской Федерации.

Рассмотрим более подробно ведомственный контроль на территории Омской области. Порядок организации и осуществления данного контроля определен приказом УМВД России по Омской области от 16 декабря 2022 г. № 976 «Об организации ведомственного контроля за деятельностью территориальных органов МВД России на районном уровне, подчиненных УМВД России по Омской области, подразделений УМВД России по Омской области». Этот региональный распорядительный документ определил структуру зонального контроля как вида ведомственного контроля. Он осуществляется специально уполномоченными должностными лицами УМВД за деятельностью курируемых органов, отнесенных в установленном порядке к их зоне ответственности.

Под зоной ответственности следует понимать объект контроля (курируемые органы) или совокупность объектов контроля, объединенных по территориальному или иному принципу. В Омском регионе зоны ответственности определены по большей части по территориальному признаку с учетом принципа «компактности», единых границ и направления. Зонально-линейный принцип организации деятельности по осуществлению ведомственного контроля предполагает разграничение курируемых подразделений не только по зонам (территориям), но и по службам (например: отдел организации дознания УМВД России по Омской области (далее — ООД УМВД) является куратором подразделений дознания соответствующих территориальных органов).

Курируемые органы разделены на шесть зон ответственности, в первую из которых вошли отделы полиции № 1–11 УМВД России по г. Омску (далее — по территориям). Головным подразделением по осуществлению ведомственного контроля за деятельностью курируемых органов определена инспекция УМВД России по Омской области с полномочиями организационно-методического обеспечения и координации контрольной деятельности соответствующих органов и подразделений УМВД.

В каждой зоне ответственности распределена компетенция главного инспектора, организаторов и исполнителей зонального контроля от служб и подразделений УМВД по направлениям деятельности.

Для характеристики сущности и содержания системы построения зонального контроля необходимо обратиться к вопросу о его субъектах, которыми являются:

- 1) главный инспектор инспекции УМВД — курируемые органы, расположенные в пределах закрепленной зоны ответственности;
- 2) организатор зонального контроля — начальник (заместитель начальника) управления, самостоятельного отдела в составе управления, центра УМВД с функциями организации и осуществления ведомственного контроля за деятельностью соответствующих структурных подразделений курируемых органов;

3) исполнитель зонального контроля — сотрудник управления, самостоятельного отдела в составе управления, центра УМВД, имеющий достаточное знание нормативных правовых актов, регламентирующих соответствующие направления деятельности ОВД. Курирует структурные подразделения на районном уровне, входящие в определенную зону ответственности.

Все субъекты зонального контроля несут ответственность за своевременность и качество мер управленческого воздействия на курируемые органы (подразделения) в рамках предоставленных полномочий, а также за соблюдение установленного порядка, своевременность и полноту представления информации о результатах осуществляемого ими зонального контроля.

Деятельность подразделений дознания как структурных подразделений курируемых органов в рамках зонального ведомственного контроля организуется и осуществляется заместителем начальника отдела организации дознания — начальником отделения ведомственного и межведомственного взаимодействия ООД УМВД и исполнителями зонального контроля — дознавателями и старшими дознавателями этого же отделения.

Отметим, что служба дознания в системе МВД России одна из самых молодых, она была учреждена приказом министра внутренних дел Российской Федерации Б. Грызловым от 9 июля 2002 г. № 654. Датой образования службы, тогда еще — милиции общественной безопасности, считается 16 октября 1992 г.

Становление и «взросление» специализированного дознания, в том числе и Омского гарнизона, происходило и происходит в условиях динамичного реформирования правового поля.

За время существования в системе ОВД специализированные подразделения дознания подтвердили свою жизнеспособность, мобильность и способность к быстрой адаптации к исполнению возложенных задач по расследованию преступлений в пределах процессуальной компетенции.

Нередко, когда речь заходит об осуществлении ведомственного контроля над уголовно-процессуальной деятельностью подразделений дознания, происходит смешение этого понятия с процессуальным контролем, по аналогии с полномочиями руководителей следственных подразделений различного уровня.

Действительно, в УПК РФ с 2007 г. введено понятие «начальник подразделения дознания» с наделением данного участника досудебного уголовного производства определенными полномочиями, в том числе давать указания дознавателям по уголовным делам, изымать уголовные дела у дознавателя с передачей их другому дознавателю, отменять необоснованные постановления дознавателя о приостановлении производства дознания по уголовному делу и т. д.

Для более четкого представления о круге должностных лиц, которые уполномочены реализовывать

данную правовую норму, обратимся к положениям приказа МВД России от 15 июня 2020 г. № 430 «Вопросы организации деятельности подразделений организации дознания (подразделений дознания) территориальных органов МВД РФ», в пункте 2.1 которого прописано, что «подразделения организации дознания органов МВД России в пределах предоставленных полномочий запрашивают у органов с целью изучения материалы проверок сообщений о преступлениях, уголовные дела, находящиеся в производстве дознавателей ОВД РФ, прекращенные и производство дознания по которым приостановлено, а также иные необходимые материалы и информацию по вопросам деятельности подразделений организации дознания и подразделений дознания курируемых органов МВД РФ».

Таким образом, ведомственным нормативным документом не предусмотрено наделение руководителей подразделений организации дознания правом осуществлять процессуальные полномочия по отношению к дознавателям курируемых подразделений дознания, что существенно ограничивает перечень механизмов влияния к обеспечению исполнения уголовного и уголовно-процессуального законодательства при осуществлении правоприменительной деятельности.

Типовым положением об отделе (отделении) организации дознания по иному субъекту МВД Российской Федерации (приложение № 1 к указанному нормативному документу) основные функции и полномочия подразделений организации дознания сведены к анализу, оценке и прогнозированию состояния и результатов деятельности подразделений дознания по отдельным направлениям деятельности, оказанию практической и методической помощи курируемым подразделениям дознания, обеспечению исполнения в пределах компетенции уголовного и уголовно-процессуального законодательства, организационно-методическому обеспечению, осуществлению в пределах полномочий контроля за соблюдением законности, организации в пределах полномочий ведомственного и межведомственного взаимодействия по отдельным направлениям деятельности.

Из этого с очевидностью следует, что такие субъекты ведомственного контроля за деятельностью курируемых органов по направлению «осуществление дознания», как руководители подразделений организации дознания при реализации директивного ведомственного направления «Осуществление надлежащего ведомственного контроля законности процессуальных действий и решений» лишены возможности прямого влияния на состояние законности в рамках расследования преступлений в пределах компетенции.

Этот аспект деятельности подразделений организации дознания требует дальнейшего совершенствования на законодательном и ведомственном уровнях. В частности, требует разрешения вопрос о расшире-

нии процессуальных полномочий начальника подразделения дознания (ст. 40¹ УПК РФ) и начальника органа дознания (ст. 40² УПК РФ) и доведение их полномочий до полноценного руководителя ведомственного контроля (по аналогии с руководителем следственного органа).

Необходимо отметить, что в ООД УМВД дознаватели и старшие дознаватели являются исполнителями зонального контроля, характерной особенностью осуществления контроля, кроме прямой и непосредственной подчиненности по замещаемой должности, является подотчетность как определенная форма подчиненности руководителю зоны ответственности и главному инспектору инспекции УМВД.

Руководитель зоны ответственности уполномочен координировать работу субъектов зонального контроля по совершенствованию деятельности курируемых органов; запрашивать информацию о деятельности курируемых подразделений, об организации и результатах осуществления зонального контроля за ними; проводить совещания (рабочие встречи), в том числе с исполнителями зонального контроля, закрепленными за соответствующей зоной ответственности, по проблемным вопросам осуществления деятельности в зоне ответственности, а также правом вносить в установленном порядке на рассмотрение начальнику УМВД предложения о применении поощрений и дисциплинарных взысканий к главному инспектору, кураторам отделов, организаторам и исполнителям зонального контроля, закрепленным за соответствующей зоной ответственности.

Главные инспекторы обладают полномочиями запрашивать информацию о деятельности курируемых подразделений, об организации и результатах осуществления зонального контроля за ними; проводить рабочие встречи, в том числе с исполнителями зонального контроля, закрепленными за соответствующей зоной ответственности, по проблемным вопросам осуществления зонального контроля в зоне ответственности, а также правом вносить в установленном порядке на рассмотрение начальнику УМВД предложения о применении поощрений и дисциплинарных взысканий к кураторам отделов, организаторам и исполнителям зонального контроля.

Основными формами фактического зонального контроля подконтрольных органов (подразделений) являются:

- инспектирование;
- контрольная проверка;
- целевая проверка.

В период осуществления данного вида контроля включенные в состав комиссии УМВД сотрудники служб и подразделений (исполнители либо организаторы зонального контроля) приобретают статус субъектов инспектирования с освобождением от выполнения основных должностных обязанностей по месту службы с момента утверждения персонального состава комиссии. Руководитель комиссии УМВД на-

значается начальником УМВД из числа начальника инспекции УМВД, его заместителя и главных инспекторов инспекции УМВД.

При этом в п. 9 Инструкции по организации и проведению инспектирования, контрольных и целевых проверок деятельности территориальных органов МВД России, подчиненных УМВД России по Омской области (приложение № 5 к приказу УМВД от 3 марта 2020 г. № 170) отмечено, что руководители подразделений, организаций УМВД, сотрудники которых включены в состав комиссии УМВД, не вправе вмешиваться в работу комиссии, в том числе давать старшим групп и членам комиссии без согласования с руководителем комиссии УМВД дополнительные поручения, выходящие за рамки их служебного задания (плана-задания) и оказывать прямое или косвенное давление на руководителя, старших групп и членов комиссии УМВД в целях искажения реального положения дел, сокрытия (преувеличения) имеющихся нарушений и недостатков, препятствия выставлению объективной оценки по проверяемому направлению (направлениям).

Порядок формирования комиссий УМВД для осуществления контрольных и целевых проверок органов УМВД на районном уровне, как и подчиненность ее членов старшему группы и руководителю комиссии, аналогичны инспектированию.

По итогам инспектирования или целевой проверки руководителю, принявшему решение об их проведении, в качестве одного из выводов может быть внесено предложение о постановке проверенного органа в установленном порядке на особый контроль УМВД.

Ведомственные акты определяют особый контроль как усиленный вариант зонального контроля, устанавливаемый за деятельностью подчиненного органа (его структурного подразделения) на определенный период и предусматривающий разработку и реализацию дополнительных мероприятий организационно-практического характера, направленных на улучшение организации, осуществления и результатов деятельности подконтрольного подразделения.

Основаниями для установления особого контроля, подтвержденными справкой по результатам выезда, являются:

1) устойчивые тенденции к ухудшению результатов оперативно-служебной деятельности органа на районном уровне в целом или по отдельному направлению либо одного из его структурных подразделений, отмеченные в течение длительного периода (не менее шести месяцев);

2) резкое изменение условий функционирования органа внутренних дел системы УМВД России по Омской области.

Если особый контроль обусловлен недостатками в организации оперативно-служебной деятельности подконтрольного органа (подразделения), то оценивается эффективность мер, принимаемых в рамках

зонального контроля, и определяется ответственность кураторов отделов и исполнителей зонального контроля УМВД за ситуацию, сложившуюся в подконтрольном органе.

Кроме того, обязательными условиями для установления всех видов особого контроля являются:

— затруднение руководства подконтрольного органа (подразделения) при самостоятельном устранении возникших проблем в оперативно-служебной деятельности, подтвержденные результатами выезда;

— недостаточная результативность мероприятий, реализуемых субъектами зонального контроля УМВД в рамках текущего зонального контроля для улучшения положения дел в подконтрольном органе (подразделении);

— наличие в структурном подразделении УМВД, вносящем предложения об установлении особого контроля, ресурсов, достаточных для осуществления дополнительных контрольных мероприятий.

Последнее из приведенных обстоятельств имеет ключевое значение и должно, наряду с остальными, учитываться при формировании руководителем структурного подразделения УМВД мнения о целесообразности внесения, как правило, курирующему службу заместителю начальника УМВД, предложений об установлении особого контроля УМВД за деятельностью органа по линии структурного подразделения.

Неверная оценка имеющихся в структурном аппаратном подразделении ресурсов, в том числе кадровых, для осуществления дополнительных мероприятий в рамках особого контроля, может повлечь снижение их эффективности и недостижение планируемых результатов по стабилизации оперативно-служебной деятельности подконтрольного органа по линии структурного подразделения, устранение не в полном объеме причин и условий, послуживших основанием для установления усиленной формы зонального контроля.

По истечении срока особого контроля (один год) и принятии управленческого решения о его снятии при отсутствии улучшения ситуации в подконтрольном органе (подразделении) в резолютивную часть распоряжения о снятии особого контроля УМВД при необходимости включается пункт о принятии в установленном порядке мер дисциплинарного характера в отношении организаторов и исполнителей зонального контроля УМВД, ответственных за осуществление особого контроля.

Основаниями для снятия особого контроля УМВД с деятельности подконтрольного органа (подразделения) являются:

— устранение причин и условий, послуживших основанием для его установления;

— окончание срока его действия.

Цель ведомственного контроля, составной частью которого является зональный контроль, — обеспечение соблюдения подразделениями УМВД требований законодательства Российской Федерации, актов

Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации, нормативных правовых актов МВД России, законодательных и иных нормативных правовых актов Омской области, исполнения управленческих решений МВД России и УМВД России по Омской области.

Ведомственный контроль решает задачи выявления проблемных вопросов в организации деятельности подразделений УМВД, выработки мер по оказанию методической и практической помощи его подразделениям, а также повышения ответственности руководителей подразделений за исполнение поручений Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации, руководства МВД России.

Сочетание зонально-линейного принципа в организации работы по осуществлению ведомственного контроля, в том числе ООД УМВД как структурного аппаратного подразделения, позволяет реализовывать поставленные перед службой задачи с максимальным охватом направлений, а также в межведомственном пространстве.

Организация совместной работы по ряду направлений, определяющих порядок взаимодействия служб и подразделений при раскрытии и расследовании преступлений, совершенных в том числе в условиях неочевидности; розыска лиц, скрывшихся от органов дознания, профилактика подростковой преступности, безнадзорности и беспризорности несовершеннолетних; основы непроцессуальной профилактической деятельности в ОВД; алгоритм совместных действий по линии УМВД при выявлении правонарушений в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства, а также совершенных лицами данной категории; работа по рассмотрению обращений граждан; взаимодействия с ЭКЦ УМВД по срокам назначения и истребования дознавателями экспертных исследований по изъятым с мест происшествия объектам, результативность данной работы; выявление, раскрытие и расследование противоправных деяний с использованием сети Интернет и мобильных средств связи; документирование и расследование преступлений так называемых превентивных и преюдициальных составов — это лишь примерный и неполный перечень направлений, входящих в зону внимания и контроля ООД УМВД.

Отдельное внимание следует уделить вопросам соблюдения:

1) конституционных прав граждан и качества расследования;

2) порядка сохранности и условий хранения крупногабаритных предметов и партий товаров, признанных в рамках расследованных дознавателями уголовных дел вещественными доказательствами;

3) алгоритма деятельности, направленной на профилактику преступлений (особенно преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий);

4) учетно-регистрационной и учетно-статистической дисциплины при рассмотрении материалов проверок по сообщениям и заявлениям о происшествиях, а также о ходе расследования уголовных дел;

5) законодательства при расследовании экологических преступлений и в сфере миграционного законодательства.

Важность двух последних направлений определила потребность подготовки в 2021–2022 гг. методических рекомендаций ООД УМВД совместно с прокуратурой Омской области для применения в территориальных органах системы УМВД на районном уровне, что позволило снизить процент нарушений при осуществлении данной деятельности курируемыми подразделениями.

Повышенное внимание уделяется руководством УМВД и ООД УМВД практической реализации в регионе такой формы предварительного расследования, как сокращенная форма дознания, что является одним из оценочных показателей работы курируемых подразделений.

Проблемные аспекты данной деятельности, ставшей возможной после введения в УПК РФ главы 32¹ (Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ), являются предметом научных дискуссий [1–3] и рабочих встреч практических сотрудников.

В целях подготовки к применению в регионе сокращенной формы дознания ООД УМВД проводилась значительная работа по разрешению существовавших на том этапе вопросов реализации уголовно-процессуальной новации: это и участие в обсуждении на круглых столах, составление и направление соответствующих вопросников в МВД РФ, Омскую академию МВД РФ и прокуратуру Омской области, доведение позиции вышеперечисленных структур о методике применения сокращенной формы дознания, в том числе с личным участием научных сотрудников ОМА МВД России и прокуроров области, практическим сотрудникам — дознавателям территориальных органов и их процессуальным руководителям в ходе семинарских занятий и в обзорных письмах.

На протяжении последнего десятилетия на совещаниях при начальнике УМВД и курирующем заместителе начальника УМВД — начальнике полиции оценка деятельности курируемых органов дается с обязательным учетом применения сокращенной формы дознания.

Неоднократно проблематика применения сокращенной формы дознания являлась предметом обсуждения на межведомственных совещаниях руководителей правоохранительных органов региона

в прокуратуре Омской области. Вопросы прокурорского надзора за применением сокращенной формы дознания нашли отражение в приказе Генеральной прокуратуры РФ как один из аспектов организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания¹.

Вместе с тем при «всплеске» применения сокращенной формы дознания в регионе в первые несколько лет после ее введения (особенно активно в сельской местности, где при численности подразделений дознания в 2–3 сотрудника и значительной нагрузке по находящимся в производстве уголовным делам расследование в сокращенной форме позволило увеличить число оконченных производством уголовных дел и сократить число расследованных дел без продления первоначальных процессуальных сроков), наступила некая стагнация на уровне доли расследованных в сокращенной форме дел в числе направленных прокурору с обвинительным актом (постановлением) в 21–23%; в 2021 г. этот показатель чуть превысил 13%².

Изучение данной проблематики, в том числе в ходе рабочих встреч с прокурорскими работниками, позволяет прогнозировать дальнейшее сокращение дел, оконченных обвинительным постановлением.

Правовая конструкция дознания в сокращенной форме, несмотря на все ее преимущества (сокращать процессуальные издержки на досудебной стадии и гуманизировать уголовное законодательство), в то же время при необходимых условиях позволяет перейти к общему порядку и осуществлять не паллиативное, а полноценное доказывание (ч. 3 ст. 226³ УПК РФ).

При поступлении ходатайства подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего или его представителя о смене процессуального режима расследования (переход от дознания в сокращенной форме к обычному порядку) судья на основании части 1¹ статьи 237 УПК РФ возвращает уголовное дело прокурору для передачи его по подследственности и производства дознания в общем порядке.

Если для подразделений дознания ОВД показатель возвращения судом расследованного в сокращенной форме уголовного дела по причине поступившего от одного из участников судебного разбирательства ходатайства о производстве дознания в общем порядке прокурору в порядке части 1¹ статьи 237 УПК РФ не является нарушением законности, то учет результатов работы прокурорских работников в этой части откорректирован не был и оценивается как негативный.

Закономерно возникает вопрос о том, достигнуты ли цели введения главы 32¹ УПК РФ, когда правоприменение

¹ Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания : приказ Генеральной прокуратуры РФ от 19 января 2022 г. № 11.

² Отчет по формам федерального статистического наблюдения № 1-ЕМ, утвержденный приказом Генеральной прокуратуры РФ от 22 декабря 2017 г. № 585 «Об утверждении и о введении в действие форм федерального статистического наблюдения № 1-Е „Сведения о следственной работе и дознании“ и № 1-ЕМ „Сведения об основных показателях следственной работы и дознания“, а также Инструкции по составлению отчетности по формам федерального статистического наблюдения № 1-Е, 1-ЕМ».

менители (напомним: по преступлениям публичного и частно-публичного обвинения) обязаны ориентироваться на мнение потерпевшего и его представителя, высказывающих требования, связанные исключительно с возмещением вреда, причиненного преступлением, превышающего фактически нанесенный, а также показания подозреваемого (обвиняемого), которые часто имеют асоциальное поведение, страдают алкоголизмом, ведут паразитический образ жизни.

Результаты анализа правоприменительной деятельности позволяют сделать вывод, что, несмотря на санкционированный законодателем «усеченный» предмет доказывания (закрепленное пунктом 1 части 3 статьи 226⁵ УПК РФ право дознавателя не проверять доказательства, если они не были оспорены подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем), фактически при расследовании уголовного дела в сокращенной форме дознаватель выполняет весь комплекс следственных действий по

доказыванию обстоятельств совершения преступления в полном объеме, согласно ст. 73 УПК РФ.

Как в этом случае, так и в случае возвращения уголовного дела на дополнительное расследование в порядке ст. 237 УПК РФ, процессуальные издержки не минимизируются, а увеличиваются, как и сроки реализации принципа неотвратимости ответственности.

Так, на примере обзора практики и проблематики осуществления ведомственного контроля за процессуальной деятельностью дознавателей в Омском регионе установлено, что, с одной стороны, отдел организации дознания органа внутренних дел является инструментом обеспечения законности курируемых подразделений, с другой стороны, его потенциал в силу недостигнутого оптимального нормативного регулирования (как на уровне закона, так и ведомственных нормативных актов) используется не в полном объеме.

Список литературы

1. Скобкарева Е. А. Упрощенная форма досудебного производства по уголовному делу: вопросы теории, законодательства и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2018.
2. Неряхин А. И. Обеспечение права на защиту при производстве дознания в сокращенной форме : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2020.
3. Журавлева Н. М. Дознание в сокращенной форме в российском уголовном процессе: проблемы законодательного регулирования, теории и правоприменения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2020.

УДК 343.1

А. А. БОНДАРЕНКО**Выделение уголовного дела в отдельное производство по процессуальным основаниям**

Статья посвящена общему условию предварительного расследования — выделению уголовного дела, которое неоднократно обсуждается в рамках учебных дисциплин «Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс)», «Предварительное следствие в ОВД», «Дознание в ОВД». Методическая сложность уяснения сущности и порядка принятия решения о выделении уголовного дела складывается из нескольких факторов. При первом знакомстве обучающихся с возможностью разделения уголовных дел акцент смещается на основания такого решения, которые к тому моменту полноценно еще не изучались, а обсуждение процедурных правил в силу недостатка учебного времени сводится к прочтению нормативных положений под руководством преподавателя. В последующем выделение уголовного дела, как правило, попадает на орбиту учебной дискуссии лишь как процедурное решение, сопровождающее предмет конкретной темы (например, при обсуждении особых порядков судебного разбирательства или особенностей расследования конкретных видов преступлений на дисциплинах спецкурса). Изложенное предопределяет необходимость концентрированного описания процедуры принятия решения о выделении уголовного дела в отдельное производство, а также тех вопросов, которые подлежат разрешению при его принятии.

Ключевые слова: выделение уголовного дела, гражданский иск, вещественные доказательства, сложносоставное уголовное дело

Основания выделения уголовного дела можно классифицировать на материальные и процессуальные. В первом случае ситуация характеризуется необходимостью разделения уголовных преследований, ничем не связанных между собой, их совмещение в едином уголовном деле невозможно и является ошибкой. Материальное основание выделения уголовного дела предусмотрено в п. 3 ч. 1 ст. 158 УПК РФ, а его применение при фактической доказанности не предполагает усмотрения со стороны следователя (дознателя). Обсуждение сущности выделения уголовного дела по материальным основаниям требует обращения к природе выделения материалов уголовного дела в отдельное производство (ст. 155 УПК РФ).

Данный материал посвящен ситуациям выделения уголовного дела при наличии оснований, в основе которых лежат процессуальные предпосылки (ч. 7¹ ст. 31, пп. 1, 2, 4, 5 ч. 1 ст. 158, ч. 2 ст. 325, ст. 436 УПК РФ): разная персональная подсудность, уклонение от расследования одного из обвиняемых, несовершеннолетний возраст соучастника преступления, оформленное соответствующим соглашением сотрудничество одного из преследуемых лиц и т. д. При этом процессуальное разделение уголовных дел, независимо от конкретного основания, имеет две характерные особенности.

Первая особенность. Предметом каждого из уголовных дел (основного и выделяемого в отдельное производство) является, как правило, одна и та же общность фактических обстоятельств. Другими

словами, выделяется индивидуально определенное уголовное преследование в отношении конкретного лица, но уголовное преследование по преступлению не выделяется в прямом смысле, а дублируется в другом уголовном деле¹. Взаимосвязь раздельно расследуемых уголовных дел в отношении соучастников отмечается в судебной практике. Например, оказание юридической помощи лицу, чьи интересы противостоят интересам другого лица, которому адвокат также оказывал юридическую помощь в рамках выделенного уголовного дела, является обстоятельством, исключающим его участие в основном уголовном деле в качестве защитника². Согласно официальным разъяснениям Верховного Суда РФ «Судья, принимавший участие в рассмотрении уголовного дела в отношении лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, не может участвовать в рассмотрении уголовного дела в отношении соучастников преступления, в совершении которого обвинялось такое лицо, в том числе и тех, с которыми также заключено досудебное соглашение о сотрудничестве. Судья, принимавший участие в рассмотрении уголовного дела в отношении соучастников преступления, в совершении которого обвиняется лицо, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, не может участвовать в рассмотрении уголовного дела в отношении такого лица»³.

Вторая особенность. Применение процессуальных оснований выделения уголовного дела является правом органа расследования, а не обязанностью.

¹ В основу данной позиции положено мнение Е. Г. Васильевой, что количество преследований по одному уголовному делу равно произведению количества преступлений и количества лиц, их совершивших [1, с. 71].

² Постановление Президиума Орловского областного суда от 31 марта 2016 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 4. С. 12.

³ О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 июня 2012 г. № 16. Здесь и далее, если не указано иное, доступ к нормативным правовым документам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Единое уголовное дело разделяется не потому, что принципиально не может оставаться таковым, а для обеспечения продвижения по стадиям хотя бы какой-то его части, если это невозможно для дела в целом, или в целях обеспечения несовпадающих интересов разных обвиняемых и по другим аналогичным причинам. При этом закон не допускает процессуального разделения уголовных дел в случае невозможности соблюдения требования о всесторонности и объективности предварительного расследования по каждому из них (ч. 2 ст. 154 УПК РФ)⁴.

Характерные черты решения о выделении уголовного дела в отдельное производство по процессуальным основаниям определяют специфику порядка его принятия. Обозначим их:

1. *Выделение уголовного дела по процессуальным основаниям не требует возбуждения нового уголовного дела.* Обозначение начала уголовно-процессуальной деятельности в связи с совершением конкретного преступления уже отражено в первичном акте возбуждения основного уголовного дела. Такой вывод подтверждается отсутствием нормативного требования о новом исчислении срока предварительного расследования для случаев выделения уголовного дела в отношении соучастников преступления по рассматриваемым основаниям. Предмет выделяемого производства остается прежним, дублируется лишь индивидуально определенное уголовное преследование конкретного лица, с личностью или поведением которого связано процессуальное основание разделения уголовных дел. При этом характер процессуальных предпосылок обособления уголовного преследования предполагает его начало внутри еще единого уголовного дела. Другими словами, на момент принятия решения о выделении уголовного дела уголовное преследование конкретного лица должно быть официально начато и являться уголовным преследованием по подозрению (состоялись решения, предусмотренные ст. 46 УПК РФ) или обвинению. Решение о выделении уголовного дела в данном случае дает самостоятельную оболочку уже имеющемуся уголовному преследованию.

С учетом того, что происходит процессуальная автономизация уголовного преследования конкретного лица, а не преступления, закон не содержит обязательного требования о направлении выделяемого уголовного дела руководителю следственного органа для поручения расследования. Оно уже поручено «по умолчанию» тому следователю, который расследует уголовное дело в связи с совершением конкретного преступления, однако решение о принятии такого дела к своему производству должно найти отражение в соответствующем постановлении.

2. *Общность исследуемых фактических обстоятельств предопределяет взаимосвязь доказывания.* Уголовно-процессуальным законодательством предусмотрено сохранение юридической силы доказательств, полученных в основном уголовном деле, но выделенных в отдельное дело (ч. 5 ст. 154 УПК РФ). Вместе с тем закон не предусматривает «взаимобмен» теми доказательствами, которые получены после решения о разделении производств. С момента выделения уголовного дела пополнение совокупности доказательств осуществляется автономно в каждом из производств.

Сделанный вывод требует обсуждения нескольких нюансов: момент принятия рассматриваемого решения (2.1.); использование доказательств, полученных в одном из имеющихся по тому же предмету уголовном деле (2.2.); «оборот» вещественных доказательств между основным и выделенными уголовными делами (2.3.).

(2.1.) С одной стороны, момент выделения уголовного дела по процессуальным основаниям совпадает с моментом изменения баланса между возможностью осуществления уголовного преследования конкретного лица в едином уголовном деле, с другой — с обеспечением требования всесторонности и объективности расследования (разрешения) каждого из уголовных дел. Так, например, уголовно-процессуальное доказывание действий преступной группы, в составе которой был несовершеннолетний, должно осуществляться в едином уголовном деле до тех пор, пока возможно соблюдение и реализация гарантий, предусмотренных главой 50 УПК РФ (аналогичный подход считаем предпочтительным и в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве с одним из обвиняемых). Как только соблюдение специального процессуального режима становится невозможным, уголовное преследование в отношении такого лица подлежит выделению в отдельное производство.

В иных случаях, когда решение о выделении уголовного дела принимается в связи с необходимостью передачи какой-либо его части в судебное производство, то такое решение должно иметь место исключительно на завершающих этапах расследования. Так, если один из обвиняемых скрылся, предпосылкой для разделения производства является не просто возникновение основания для приостановления конкретного уголовного преследования, а то, что уголовное дело в отношении оставшихся обвиняемых может быть завершено и направлено для судебного рассмотрения. Представляется, что именно по этой причине положения чч. 4 и 5 ст. 217 УПК РФ предусматривают разъяснение процессуальных возможностей выбо-

⁴ Абсолютный характер требования о всесторонности расследования (разрешения) дела в некоторой степени нивелирован разъяснениями высшей судебной инстанции, в соответствии с которыми уголовное дело в отношении сотрудничающего со следствием преследуемого лица *обязательно* к выделению в отдельное производство. См.: *О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве*: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2015 г. № 16 (пункт 5).

ра дальнейшего порядка судебного разбирательства по окончании ознакомления обвиняемых с материалами уголовного дела. В случае несовпадения мнений обвиняемых в отношении некоторых из них уголовные дела выделяются в отдельное производство. Повторного ознакомления с материалами уже выделенного уголовного дела обоснованно не предусмотрено. Полагаем, что ознакомления с решением об удовлетворении соответствующего ходатайства и постановлением о выделении уголовного дела, в котором будут перечислены те материалы, с которыми заинтересованные лица уже ознакомлены, достаточно.

(2.2.) В разъединенных делах, как правило, имеются общие доказательства, полученные до выделения дела (ч. 5 ст. 154 УПК РФ). Это обстоятельство не может служить подтверждением того, что и последующее доказывание формирует единую совокупность доказательств, пригодную для использования в каждом из уголовных дел. Общее правило, которое необходимо запомнить, имеет строгую формулировку — в каждом деле осуществляется самостоятельное доказывание.

Вместе с тем круг участников во всех выделенных делах остается одним и тем же. Потерпевшие и свидетели могут быть допрошены в одном деле по всем существенным обстоятельствам преступления, но по объективным причинам не допрошены по этим же обстоятельствам по другим делам. Данные участники во время допросов по разным делам могут сообщить не совпадающие сведения по одному и тому же предмету. В одном уголовном деле преследуемому лицу может быть предоставлено право оспорить данные показания в досудебном или судебном производстве, в другом — нет, однако и потребность в таком оспаривании для целей оглашения показаний может сохраниться в обоих делах. Если в разных делах преследуется одно и то же лицо, реализованное право на оспаривание показаний в одном производстве, на наш взгляд, сохраняет свое значение и в другом. Полагаем, что допустимо говорить и о сохранении формы доказательственных сведений. Показания, заключения эксперта, протоколы следственных действий не должны приобретать статус «иных документов», так как данный вид доказательств не обеспечен теми гарантиями, которыми снабжен, например, порядок непосредственного исследования показаний.

Преследуя учебно-методическую цель обсуждения процедуры принятия решения о выделении уголовного дела, необходимо оговориться. Вывод о допуске использования результатов следственных действий из одного уголовного дела в другом до момента непосредственного закрепления такой процедуры в нормах закона имеет статус рекомендации, которая может быть востребована только в случае невозможности получения доказательственных сведений иным путем.

(2.3.) Самостоятельного обсуждения требует «оборот» вещественных доказательств между основным и выделенными уголовными делами. Специфика названного источника доказательственных сведений заключается в его незаменимости. При этом для признания объекта вещественным доказательством в обязательном порядке должен быть осуществлен его осмотр, а по результатам вынесено самостоятельное решение о признании объекта вещественным доказательством по конкретному уголовному делу. Кроме того, надлежит разрешить вопрос о его хранении.

Если перечисленные действия были совершены до принятия решения о выделении уголовного дела в отдельное производство, то соответствующие материалы (оригиналы или копии) будут выделены в отдельное производство. Полагаем, что «местом приписки» собственно вещественного доказательства должно остаться то уголовное дело, расследование которого продолжено (даже если производство по нему приостановлено). Если в рамках рассмотрения одного из уголовных дел в суде потребуется непосредственное исследование вещественного доказательства, то названный объект может быть истребован для исследования в судебном заседании или осмотрен по месту его хранения. В ином случае существует риск возникновения ситуации, когда суд при разрешении вопроса о судьбе вещественного доказательства предписывает его уничтожить, что по понятным причинам негативно влияет на процесс доказывания по уголовному делу, которое еще расследуется (рассматривается в суде)⁵.

В силу отсутствия специального нормативного регулирования остается неясным порядок организации обязательной процедуры признания объекта вещественным доказательством по уголовным делам, уже расследуемым автономно. Как было отмечено, следовательно, признавая источник доказательственных сведений вещественным доказательством, обязан разрешить вопрос о месте его хранения. Закономерно возникает вопрос о том, может ли он самостоятельно перенаправить объект и в другое дело, которое, как правило, находится в его же производстве. В практической плоскости ситуации доходят до абсурда — одно из уголовных дел передается другому следователю для производства выемки необходимого объекта, что не соответствует ни основаниям самого следственного действия, ни природе возникших правоотношений.

По нашему мнению, формой такой передачи может выступить истребование, согласованное с руководителем следственного органа в качестве гарантии законности процессуального «перемещения» вещественного доказательства. При этом инициатива должна исходить от того следователя, который заинтересован в получении и осмотре нужного для доказывания объекта. Если уголовные дела находят-

⁵ Подобные ситуации не являются редкостью по уголовным делам, связанным с незаконным оборотом наркотиков [2, с. 31].

ся в производстве одного следователя, считаем принятие решения о процессуальном перенаправлении объекта допустимым в постановлении о признании вещественным доказательством в конкретном деле. Прозрачность такого порядка гарантирована обязательностью ознакомления с названным документом заинтересованных участников процесса.

3. *Выделение наряду с иными материалами уголовного дела гражданского иска в адрес лица, в отношении которого дело выделяется в отдельное производство.* Предварительное расследование по выделенному уголовному делу в части доказывания гражданского иска не имеет принципиальных различий с производством в границах единого дела. В то же время, если уголовные дела разделены без выделения материалов о гражданском иске, то лицо, в отношении которого уголовное преследование обособлено, в основном деле сохраняет статус гражданского ответчика. Это допускает его допрос и возможность участия в опровержении исковых требований.

В научной литературе факт выделения уголовного дела вместе с гражданским иском оценивается негативно, так как подобное решение противоречит принципу диспозитивности [3, с. 91]. Кроме того, в качестве последствия такого решения выступает «неоднократное рассмотрение разными составами суда одних и тех же исковых требований потерпевших: сначала в рамках выделенного, а затем и основного уголовного дела» [4, с. 110].

В отсутствие прямого нормативного регулирования нами не оспариваются представленные варианты. В то же время наиболее предпочтительным считаем

выделение исковых требований вместе с уголовным делом в отношении конкретного лица. Такая позиция основана на конституционном требовании обеспечения потерпевшему доступа к правосудию и компенсации причиненного вреда (ст. 52 Конституции РФ). В подобных случаях, руководствуясь разъяснением Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2020 г. № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу» (пункт 25), суды возлагают обязанность по возмещению причиненного вреда в полном объеме на того подсудимого, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство и рассмотрено по существу. В качестве компенсаторного механизма для осужденного предусмотрено право заявить гражданский иск в отношении своих соучастников.

Постоянное развитие порядка производства по уголовному делу, его дифференциация привели к тому, что принятие решения о выделении уголовного дела в отдельное производство не является механическим действием обособления индивидуально определенного уголовного преследования в отношении конкретного лица. При наличии процессуальных предпосылок разделение производств осуществляется скорее формально-юридически, фактическая взаимосвязь производств сохраняется, что требует от органов расследования состыковки различных уголовно-процессуальных нюансов. Изложенное предопределяет необходимость обращать внимание учебной аудитории не только на основания выделения уголовного дела в отдельное производство, но и на порядок принятия такого решения.

Список литературы

1. *Васильева Е. Г.* Правовые и теоретические проблемы прекращения уголовного преследования и производства по уголовному делу. М., 2006.
2. *Долгих Т. Н.* Ошибки, допускаемые судами при решении вопроса о судьбе вещественных доказательств // Уголовный процесс. 2022. № 12.
3. *Виницкий Л. В., Кубрикова М. Е.* Рассмотрение гражданского иска по выделенному уголовному делу // Уголовный процесс. 2023. № 3.
4. *Тисен О. Н.* Ошибки при рассмотрении гражданского иска по уголовному делу в отношении субъекта досудебного соглашения о сотрудничестве // Уголовное право. 2016. № 4.

Процессуальная самостоятельность следователя и дознавателя

Вопрос о процессуальной самостоятельности следователя (тем более, дознавателя) является одним из самых сложных для восприятия обучающимися. Разброс высказанных по нему мнений очень широкий: от уверенной констатации наличия процессуальной самостоятельности должностных лиц, ведущих расследование, до полного отрицания таковой. Затрудняет понимание разность точек отсчета категории «самостоятельность следователя», т. е. с чем ее сравнивать и по отношению к какой величине определять степень данной самостоятельности. Если за основу принять независимость судьи и вспомнить, что классическое предварительное следствие имеет судебную природу, то любой современный вариант отнесения следователя к несудебным органам выглядит заведомо проигрышным в плане его самостоятельности, поскольку не исключает (и даже предполагает) ведомственное контролирование расследования. Если же взглянуть на деятельность следователя и дознавателя с позиции технологии выработки решений (вправе принять сам или требуется согласование) и ответственности за результаты расследования, то аспекты процессуальной самостоятельности легко отыскиваются и подтверждаются действующим регулированием.

Ключевые слова: полномочия следователя, процессуальная самостоятельность следователя, процессуальная самостоятельность дознавателя

Юристы старшего поколения привыкли начинать изучение вопроса с обращения к закону и учебной или монографической литературе. Однако с учетом неоднозначности нашего предмета исследования сделаем исключение и последуем стереотипу многих современных обучающихся: запросим Интернет, руководствуясь надеждой, что кто-то безымянный, не будучи связанным необходимостью полного освещения проблемы, раскроет суть, от которой можно будет оттолкнуться. Попросим разъяснить: что есть «процессуальная независимость следователя», «процессуальная самостоятельность следователя», «процессуальная самостоятельность дознавателя». По первому обращению получаем ответ скорее ироничный, чем юридический: «Большинство юристов из тех, кто работает в уголовной сфере, многократно слышали фразу, что следователь процессуально независимое лицо. При этом все понимают, что это не совсем так или совсем не так». Второе разъяснение более строгое: «Процессуальная самостоятельность следователя (дознавателя) — положение уголовно-процессуального законодательства, согласно которому следователь самостоятельно принимает все решения о направлении следствия и производстве следственных действий (за исключением случаев, когда законом предусмотрено получение санкции суда или согласия руководителя следственного органа) и несет полную ответственность за их законное и своевременное проведение». Кратко комментируя, заметим, что абсолютно такого положения в действующем законе нет, оно — продукт соединения п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ и ч. 1 ст. 127 УПК РСФСР 1960 г. В советском законодательстве делался акцент на личной ответственности следователя за качество расследования, что вполне можно рассматривать как существенный аспект самостоятельности данного должностного лица. В действующем законе о нем не упоминается. Кроме того, обратим внимание, что интернет-ответ отождествляет процессуальную

самостоятельность следователя и дознавателя, хотя закон не закрепляет право дознавателя самостоятельно направлять ход расследования. В отдельном ответе по поводу процессуальной самостоятельности дознавателя говорится, что она «определяется как самостоятельным принятием им процессуальных решений и производством им процессуальных действий, так и в целом самостоятельностью его процессуальной деятельности: самостоятельное планирование расследования, независимый выбор тактических приемов, эффективных и целесообразных методов расследования, нацеленных на полное и быстрое расследование и раскрытие преступлений». Здесь информативным само по себе отнесение дознавателя к самостоятельным субъектам расследования, а также аргументация такой позиции: наличие права единолично принимать решения (не уточняется, какие) и производить процессуальные действия, а также тактическая свобода в планировании и организации расследования. Рассмотрим, что из приведенного является существенными чертами процессуальной самостоятельности, а что — лишь факультативными признаками. Сразу отметим, что необязательными будем считать элементы криминалистической и организационной свободы во всех их проявлениях, поскольку к правовому статусу они отношения не имеют.

Процессуальная самостоятельность следователя — многоаспектное собирательное понятие, базирующееся на положениях закона, устанавливающих полномочия должностного лица лично возбуждать, приостанавливать и завершать производство по уголовному делу, собирать и оценивать доказательства, применять меры процессуального принуждения, а также отстаивать свое право принимать наиболее важные (ключевые) решения исключительно по внутреннему убеждению. Другими словами, любое нормативное дозволение следователю (можно добавить — и дознавателю, поскольку в этой части

различий нет) действовать единолично, не согласовывая свои решения с ведомственным руководителем, прокурором и судом, относится к содержанию процессуальной самостоятельности. В качестве примера назовем полномочие самостоятельно возбудить уголовное дело, произвести допросы, очные ставки, обыски, выемки, предъявить обвинение, прекратить уголовное дело, направить его прокурору с обвинительным заключением и т. п. Случаи, когда отдельные решения и действия требуют разрешения суда или согласования с кем-либо (чьего-либо утверждения), отнесем к исключениям из процессуальной самостоятельности, поскольку юридическая сила решения здесь связана не только с персоной следователя, но также с волеизъявлением иного должностного лица. На свою процессуальную самостоятельность следователи, как правило, ссылаются в постановлениях об отказе в удовлетворении ходатайств защиты о производстве следственных действий, если не видят для этого оснований. Суды, рассматривая жалобы на такие постановления, также часто аргументируют свою позицию тем, что следователь самостоятелен в принятии решений о производстве следственных действий. К процессуальной самостоятельности следователя относятся положения закона об обязательности его постановлений для всех граждан, должностных лиц, организаций, которых они касаются. О процессуальной самостоятельности как собирательном понятии можно говорить в связи с правом следователя оценивать доказательства по внутреннему убеждению, давать органу дознания письменные поручения и т. д.

Сердцевину процессуальной самостоятельности следователя составляют его взаимоотношения с непосредственным и вышестоящими руководителями следственного органа, которые вправе дать следователю указания по любым вопросам расследования. Будучи нижестоящим звеном в иерархической системе, следователь, по общему правилу, обязан выполнять такие указания. Данное обстоятельство (сама возможность дачи указаний), конечно же, ограничивает самостоятельность следователя, по крайней мере, свидетельствует об отсутствии у него независимости как высшего проявления самостоятельности, не допускающей абсолютно никакого внешнего влияния на ход ведения дела конкретным субъектом. Вместе с тем законодатель «смягчает» жесткое регулирующее воздействие указаний двумя приемами: 1) исполненное указание может быть обжаловано, что свидетельствует о праве следователя на свое видение расследования даже в частных аспектах; 2) закон устанавливает перечень указаний (ч. 3 ст. 39 УПК РФ), которые следователь вправе обжаловать до исполнения, иными словами, вправе не исполнять до разрешения его жалобы руководителем вышестоящего следственного органа. Законодатель это выражает таким положением: «вправе представить руководителю вышестоящего следственного органа материалы уголовного дела и письменные возражения на указания руководителя

следственного органа». Возникает своего рода пауза в производстве расследования: следователь не вправе действовать по своему усмотрению, так как получено указание, но и не разделяемое следователем предписание также не реализуется. Данный механизм разрешения коллизий образует основу процессуальной самостоятельности следователя. Он был отработан до совершенства в советском законодательстве, однако в настоящее время оказался значительно деформированным.

Согласно ч. 2 ст. 127 и ч. 4 ст. 127¹ УПК РСФСР 1960 г. в случае несогласия следователя с указаниями начальника следственного отдела или прокурора о привлечении в качестве обвиняемого, о квалификации преступления и объеме обвинения, о направлении дела для предания обвиняемого суду или о прекращении дела он был вправе представить уголовное дело со своими письменными возражениями соответственно прокурору либо вышестоящему прокурору. Перечисленные решения (по-другому их можно воспринять так: кого привлечь к уголовной ответственности, какую дать правовую оценку содеянному, что конкретно вменить, каким образом распорядиться судьбой обвинения — прекратить или направить в суд) рассматривались в качестве предопределяющих направление расследования [1, с. 8–9], выбор которого считался исключительной прерогативой следователя. Подчеркнем еще раз: под направлением расследования понимались не криминалистические аспекты в виде версий, а самые важные правовые решения по делу. Перечень данных решений определялся не вкусовыми предпочтениями, а логикой уголовного преследования. Провозглашая право следователя самостоятельно определять направление расследования, законодатель был последователен и установил, что прокурор (вышестоящий прокурор) по результатам рассмотрения возражений следователя либо отменял указания, либо передавал дело для дальнейшего расследования другому следователю. Это означало, что на нормативном уровне следователь не мог быть принужден к проведению в жизнь важнейших решений, которые не соответствовали его внутреннему убеждению. Все другие указания рассматривались как обязательные для исполнения, но они не затрагивали главного содержания расследования. Следователь не должен поддаваться эмоциям и амбициям и с обидой воспринимать каждое указание, руководствуясь принципом «сам знаю, что делать». Если следователь не видит, например, оснований для повторного допроса свидетеля или назначения экспертизы, но руководитель настаивает, нужно подчиниться, поскольку так велит закон. Внутреннее убеждение следователя при этом затронуто, проигнорировано? По главным вопросам уголовного дела — нет, не затронуто. Давая указания о производстве отдельных следственных действий, ведомственный руководитель или прокурор не влияют на итоговую оценку доказательств, они лишь способствуют формированию полной совокуп-

ности доказательств, которую следователь будет оценивать самостоятельно.

Критерием обязательности/необязательности исполнения указания выступала защита внутреннего убеждения следователя в главных решениях. В том, что решение о привлечении в качестве обвиняемого требует глубокого внутреннего осознания обоснованности этого шага, в советской теории уголовного процесса сомнений не было. Представляя результаты проведенного анкетирования, Л. М. Карнеева писала: «Все без исключения следователи указали, что в момент привлечения к уголовной ответственности лица, на которого заполнялась анкета, они были убеждены как в том, что преступление имело место, так и в совершении его тем лицом, которому предъявлялось обвинение. ... Если бы не предполагалось наличие такого убеждения, очевидно, не было бы правила, содержащегося в ст. 30 Основ, согласно которому прокурор не может обязать следователя выполнить его указания о привлечении в качестве обвиняемого, о квалификации преступления и объеме обвинения, если следователь с ними не согласен» [2, с. 126]. Никто не вправе «смять» сформировавшееся внутреннее убеждение следователя по основному вопросу уголовного дела — вопросу о невиновности или виновности конкретного лица в совершении преступления, обязать его реализовать своим именем чужую волю. Народная мудрость такие ситуации называет — «загреть жар чужими руками». Фамилия следователя может стоять в постановлении о производстве выемки, которую он считает нецелесообразной, или в постановлении о признании предмета вещественным доказательством, даже если он видит данный объект в другом статусе, но она не должна фигурировать в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого или в обвинительном заключении в отношении лица, в виновности которого следователь не убежден. Концепция процессуальной самостоятельности следователя по большому счету не «конфликтует» сильно с правом руководителя следственного органа и прокурора отменять постановления следователя. Если искать самую суть процессуальной самостоятельности, то она не в том, что познанное тобой оказалось нереализованным, а в том, что твоим именем не проведены чужие решения.

Действующее законодательство, к сожалению, не восприняло проверенный временем механизм взаимоотношений ведомственного руководителя и следователя, который был ядром процессуальной самостоятельности следователя. Искажение его смысла произошло по двум векторам. Во-первых, законодатель (ч. 3 ст. 39 УПК РФ) произвольно расширил перечень указаний, при получении которых возможно приостановление их исполнения, до восьми. Дополнительные три пункта не относятся к фундаментальным решениям по делу, принимаемым исключительно по внутреннему убеждению следователя. Минимальный, но выверенный перечень указаний, исполнение кото-

рых можно приостановить, оказался размытым, нестрогим, что снизило ценность перечня как такового. На самом деле, почему следователь не должен подчиниться требованию об изъятии у него дела и передаче его другому следователю? В чем здесь ограничение его внутреннего убеждения, понимаемого как принуждение к принятию навязываемого решения. Если по делу будет принято иное решение, то это будет сделано именем другого следователя. Возможные амбиции (мною проделана основная работа по доказыванию, а окончить производство не позволили) не имеют никакого отношения к охраняемому законом праву следователя на внутреннее убеждение. То же самое относится к выбору меры пресечения и следственного действия, допускаемого по судебному решению. Это не ключевые решения по делу, где недопустимо игнорировать позицию следователя, тем более что последнее слово остается за судом.

Во-вторых, утрата перечнем указаний, исполнение которых следователем может быть приостановлено, своего изначально высокого смысла привело к тому, что законодатель не посчитал нужным воспроизвести правило о передаче дела другому следователю. Следователь, представивший возражения на указание, может получить от руководителя вышестоящего следственного органа подтверждение его правильности и повторное предписание исполнить. В случае спора вокруг распоряжения об изъятии уголовного дела, избрания меры пресечения или производства следственного действия это не вызовет принципиальных последствий. Однако сама вероятность повторения вышестоящим руководителем указаний, связанных с судьбой уголовного дела, без обязательного отвода следователя подрывает основу его самостоятельности. Абсолютное право следователя реализовать свое внутреннее убеждение по вопросам, связанным с существом обвинения, представляет собой то идеальное начало, которое предопределяет реальное осознание следователем своей роли в досудебном производстве. Трудно говорить о самостоятельности, если следователь принуждаем (пусть и потенциально) проводить волю других лиц.

Обозначенная тенденция в нормативном регулировании правового статуса следователя свидетельствует о снижении его самостоятельности как участника уголовно-процессуальной деятельности. Если первое резкое понижение уровня самостоятельности произошло в рамках перехода от дореволюционного судебного следователя к следователю, представляющему исполнительную власть, то современное отношение к самостоятельности следователя трудно объяснить какой-то единой причиной, хотя отдельные исторические, организационные, служебно-бюрократические, заключающиеся в узковедомственных интересах предпосылки сложившегося положения изложены в литературе весьма убедительно [3, с. 113–122].

Обращение к работам советских авторов подтверждает, насколько высоко идеологически превоз-

носила роль следователя. Несмотря на то что он утратил статус судебного деятеля, советский следователь на эмоциональном уровне продолжал считаться таковым. Вот, например, что пишет Б. Т. Безлепкин: «Отечественной истории было угодно распорядиться так, что в памяти поколений начисто стерлись простые истины: предварительное следствие по природе своей является деятельностью не прокурорской и не полицейской, а судебной, юстиционной; от судебного разбирательства оно отделено лишь для более тщательной проработки материала, а следователь — это судья, сошедший со своего места, чтобы такую проработку обеспечить» [4, с. 4].

«Следователь — самостоятельная процессуальная фигура, самостоятельный субъект уголовно-процессуальной деятельности, — учил М. С. Строгович. — Оценку собранных по делу доказательств и выводы о достаточности или недостаточности собранных доказательств для предъявления обвинения, для составления обвинительного заключения или для прекращения дела следователь производит по своему внутреннему убеждению, основанному на рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности. Следователь может принимать по расследуемому им делу только те решения, в правильности которых он убежден, и никто не вправе побудить следователя действовать против своего убеждения, против совести» [5, с. 228–229].

«Следователь является самостоятельным субъектом уголовно-процессуальной деятельности, несущим определенные обязанности и обладающим определенными правами, которые четко определены законом, — писал В. В. Найденов. — ... В процессе расследования взаимоотношения следователя (независимо от ведомственной принадлежности) со своим начальником носят не административный, а процессуальный характер. Учитывая важность этой проблемы, Генеральный прокурор СССР издал специальный приказ «О повышении процессуальной самостоятельности следователя и его ответственности за производство предварительного следствия». ... Некоторые недалевидные руководители предпочитают покладистых и послушных подчиненных, не любят иметь дело со следователями, которые готовы отстаивать свою точку зрения. Между тем эта черта заслуживает всемерного поощрения, а всякая попытка взыскивать с него за неуступчивость — решительного осуждения» [6, с. 52–53, 61–62].

А. П. Гуляев называл процессуальную самостоятельность и ответственность следователя принципом его деятельности, который вытекает из совокупности норм закона и обеспечивает успешное осуществление следователем задач уголовного процесса, а также гарантирует его независимость при решении важнейших процессуальных вопросов [7, с. 98–99].

На этом фоне с болью воспринимается жесткий, но по существу справедливый вывод современных исследователей нормативного положения следователя.

«Изложенное позволяет представить точку зрения законодателя на следователя, — пишет С. В. Романов, — как на элемент одной из нескольких централизованных административных структур, призванный избличать подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления и принимать все основные решения по уголовному делу, при этом находящийся под сильным ведомственным контролем и ослабленным прокурорским надзором» [8, с. 327]. Следователь — элемент (напрашивается аналогия — частица, винтик) централизованной административной структуры. Насколько это далеко от следователя — независимого представителя судебной власти, которым, по мнению составителей Курса, следователю и надлежит быть! Конечно, процитированный вывод мог быть смягчен, например, тем, что, несмотря на отнесение следователя к стороне обвинения, он выполняет правоохранительную функцию, что следователь может попытаться отказаться от исполнения ряда указаний, но в данном случае гротеск автора оправдан, поскольку привлекает внимание к сути проблемы.

Когда в 1965 г. начальнику следственного отдела были предоставлены процессуальные полномочия (ст. 127¹ УПК РСФСР), считалось, что это сделано не для усиления воздействия на следователя, а напротив, для обеспечения его самостоятельности за счет того, что отношения с начальником стали процессуально упорядоченными. Все иные должностные лица ведомства, в котором состоял следователь, не наделенные процессуальным статусом оказались по методу «от противного» лишены права истребовать и изучать уголовные дела, давать указания и каким-либо иным образом вмешиваться в процессуальную деятельность следователя. Фигура следователя пестовалась, идеологически возвышалась. В тот период в мыслях не было формировать иерархию руководителей над следователем, образующих централизованную систему. Взаимоотношения между ниже- и вышестоящими начальниками следственных отделов не регулировались. Органом предварительного следствия закон называл персонально следователя (ст. 125 УПК РСФСР), а не следственное подразделение в целом. Уголовно-процессуальная реформа органов предварительного следствия в рамках Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон „О прокуратуре Российской Федерации“» от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ перераспределила полномочия следователя, начальника следственного отдела и прокурора, перенесла центр самостоятельности органа расследования со следователя на следственное подразделение в целом. С принятием Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации» от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ принцип централизации, присущий построению прокуратуры, нормативно распространен на основной орган предварительного следствия, действующий «на основе подчинения нижестоящих руководителей вышестоящим и Пред-

седателю Следственного комитета» (ч. 1 ст. 5). Непосредственно о подчинении следователя руководителям следственного органа речи не идет, однако анализ процессуального законодательства подтверждает, что многие решения следователь реализует с согласия руководителя следственного органа. Визирование начальником следственного отдела основных решений советского следователя как организационная форма контроля, не влияющая на окончательность решения следователя, переросло в юридически значимое согласование, без которого волеизъявление следователя не влечет правовых последствий. Во взаимоотношениях с прокурором и судом следователь участвует исключительно после согласования позиции с руководителем следственного органа.

В настоящее время можно признать, что произошло как организационное превращение следователя из центральной фигуры органа предварительного следствия в сотрудника данного органа, так и существенное снижение степени его процессуальной самостоятельности. Повторим, трудно выделить одну-две причины такого положения. Очевидно лишь то, что подверглась забвению сама идея обеспечения процессуальной независимости должностных лиц — участников уголовного процесса, которую профессор В. Т. Томин формулировал как принцип, распространяя его не только на судей, но и на следователей, дознавателей. Ведомственные руководители подчас «забывают, что процессуальная независимость — это принцип, детерминирующий процессуальный статус органа (должностного лица), в производстве (на рассмотрении) которого находится уголовное дело, а не его начальника (иного руководителя)» [9, с. 48]. Процессуальную самостоятельность следователя необходимо не только исчерпывающе регламентировать; требуется воспринимать следователя как основного субъекта расследования, стимулировать его творческое начало.

Теперь кратко остановимся на *процессуальной самостоятельности дознавателя*. Это один из самых недостаточно определенных аспектов уголовного процесса. «Открытым продолжает оставаться вопрос, — также констатировал В. Т. Томин, — о целесообразности и степени проявления идеи процессуальной самостоятельности в отношении органов дознания и дознавателя, в основном сотрудников органов внутренних дел» [10, с. 189].

При широком понимании процессуальной самостоятельности, включающей право субъекта самостоятельно принимать юридически значимые решения о движении уголовного дела, производстве следственных действий, применении мер принуждения, а также оценивать отдельные доказательства и собранную совокупность доказательств по внутреннему убеждению, дознаватель определенной самостоятельности по действующему законодательству не лишен. Причем следует отметить существенную динамику в этом отношении. УПК РСФСР 1960 г. исходил из

понятия органа дознания как коллегиального органа и не регламентировал уголовно-процессуальные статусы функционирующих в нем должностных лиц. Все уголовно-процессуальные решения принимал и всю ответственность за результаты деятельности нес руководитель органа. Отношения между ним и назначенным им для производства по конкретному жизненному событию лицом не носили процессуального характера, поскольку не были урегулированы. Соответственно, лицо, производящее дознание, могло рассчитывать на минимум самостоятельности, состоящей в праве оценивать доказательства и производить отдельные следственные действия, не требующие вынесения постановления.

Действующий УПК РФ сначала установил статус дознавателя (2001 г.), затем начальника подразделения дознания (2007 г.) и начальника органа дознания (2015 г.). Все ключевые участники уголовно-процессуальной деятельности органа дознания получили персональные полномочия. В рамках новейшего регулирования можно отметить возросший уровень самостоятельности дознавателя, если понимать под ней свободу принятия текущих решений, направленных на установление обстоятельств расследуемого события. Что касается ядра процессуальной самостоятельности дознавателя, состоящего в праве не согласиться с указаниями ведомственных руководителей и прокурора, то оно не регламентировано, значит, не существует. «О процессуальной самостоятельности дознавателя речи вообще нет, — вновь цитируем высказывание С. В. Романова. — В отличие от обжалования следователем письменных указаний руководителя следственного органа обжалование дознавателем письменных указаний прокурора, начальника органа или подразделения дознания ни в коем случае не приостанавливает исполнения полученных указаний (ч. 4 ст. 40¹, ч. 4 ст. 41 УПК РФ) и тем более не влечет обязательную передачу дела другому дознавателю» [10, с. 331].

Как к этому отнестись? На наш взгляд, традиционный для отечественного уголовного процесса подход рассматривать дознавателя в качестве должностного лица, не обладающего полной процессуальной самостоятельностью, в настоящий период развития законодательства должен быть пересмотрен. Из деятельности, предваряющей формальное предварительное следствие, состоящей исключительно в установлении фактических обстоятельств преступления и не сопряженной с принятием юрисдикционных решений, дознание эволюционировало в автономную форму расследования, подобную предварительному следствию. Коллективный характер деятельности органа дознания, когда важны не индивидуальные усилия, а общий результат, скрепленный подписью руководителя, уступил место персональным действиям отдельных должностных лиц органа дознания, в том числе дознавателя [11, с. 296–299]. Дознаватель перестал быть просто сотрудником органа дознания, он

«вырос» до процессуально различимого участника досудебного производства. В таких условиях дознаватель не должен оставаться лицом, которое обязано реализовать от своего имени все предписания ведомственных руководителей и прокурора, даже не соответствующие его внутреннему убеждению. Он должен быть наделен правом самостоятельно направлять ход расследования, т. е. реализовывать в основных уголовно-процессуальных решениях, исключительно свою позицию и нести за это личную ответственность. Такого подхода требуют не только соображения эффективности досудебного производства, но и защита самих дознавателей от вовлечения в противоправные действия в сфере правосудия. Это вытекает также из нравственных начал процессуальной деятельности.

Изложенное может быть подытожено и дополнительно проинтерпретировано следующими положениями.

1. Высшим и абсолютным проявлением процессуальной самостоятельности должностных лиц — участников уголовного процесса выступает процессуальная независимость, исключая какое бы то ни было воздействие на субъекта производства. Поскольку независимым статусом наделены только судьи (следственные судьи, судебные следователи), а российские следователи и дознаватели не принадлежат к судебной власти, применительно к ним следует вести речь не о независимости, а о процессуальной самостоятельности.

2. Широта понятия «процессуальная самостоятельность» позволяет отнести к ней любые полномочия должностного лица, принимающего решения и производящего действия от своего имени. В этом смысле следователь и современный дознаватель могут быть названы участниками, обладающими процессуальной самостоятельностью. Однако это, так скажем, технологическая или оперативная самостоятельность, которая не характеризует качества процессуального статуса. Подлинная процессуальная самостоятельность, сопоставимая с независимостью и состоящая в праве принять решения о привлечении в качестве обвиняемого, квалификации преступления, объеме обвинения, прекращении уголовного дела или направлении его в суд исключительно по внутреннему убеждению, нормативно ни следователю, ни дознавателю не принадлежит, что представляется принципиально неправильным.

3. Уголовно-процессуальный статус советского следователя, регламентированный УПК РСФСР 1960 г., а также идеологическое отношение к нему представляются оптимальным историческим опытом. В рамках концепции внесудебного предварительного следствия, предполагающей контроль и надзор за расследованием, законодатель максимально полно регламентировал ядро процессуальной самостоятельности следователя, гарантирующее его право на проявление внутреннего убеждения по основным вопросам движения и судьбы уголовного дела.

4. Отношение к процессуальной самостоятельности дознавателя меняется с развитием регламентации деятельности органов дознания. Дознаватель как один из сотрудников органа дознания, не уполномоченный самостоятельно принимать решения, сменился полноценной процессуальной фигурой, наделенной компетенцией по собиранию доказательств и принятию промежуточных и итоговых решений, за которые несет ответственность. В связи с этим дознаватель должен быть наделен правом не исполнять ключевые указания по делу, не соответствующие его внутреннему убеждению.

5. Восстанавливая механизм взаимоотношений следователя и руководителя следственного органа по ключевым аспектам расследования, в частности право следователя не исполнять полученные указания, за основу необходимо взять апробированный временем перечень указаний, предусматривавшийся советским законодательством, что вместе с тем не исключает обсуждения вопроса о его корректировке с учетом современной трактовки уголовного преследования. В дополнительной интерпретации нуждаются и традиционные положения. Например, указание о прекращении уголовного дела по реабилитирующему основанию не подлежит исполнению при убежденности следователя в виновности преследуемого лица, и, наоборот, предписание о направлении уголовного дела в суд не исполняется при отсутствии, по убеждению следователя, доказательств вины. Если же речь идет о прекращении уголовного дела, предположим, в связи с деятельным раскаянием, то складывается иная ситуация, поскольку применение альтернативы уголовному преследованию зависит от многих сопутствующих факторов, в том числе от реализуемой уголовно-процессуальной политики. В ходе дискуссии необходимо определить, насколько законна практика установления ведомственных «лимитов» на прекращение уголовных дел в досудебном производстве.

6. Во всех случаях, когда в данном материале идет речь об указаниях следователю, имеются в виду письменные указания. Устные указания не порождают отношения, предусмотренные законом, и представляют собой организационный способ ведомственного контроля. В практической деятельности дача официальных письменных указаний встречается достаточно редко, поскольку «стороны» не стремятся формализовать рабочие моменты, тем более, разрешаемые на компромиссной основе. Однако данное обстоятельство не снижает актуальности детального регулирования в законе взаимоотношений следователя (дознавателя) и лица, давшего указание, поскольку право принять наиболее важные решения по уголовному делу на основе внутреннего убеждения имеет принципиальное значение для понимания статуса следователя (дознавателя). Для сравнения: в период, когда уголовное дело рассматривалось в первой инстанции с участием народных

заседателей, практически не было случаев вынесения приговора двумя народными заседателями вопреки позиции председательствующего. Вместе с тем равенство судей, могущее привести к такому решению, провозглашалось как базовое положение участия представителей народа в рассмотрении уголовных дел, без которого идея участия общественности в отправлении правосудия теряла бы смысл. Проводя аналогию, скажем, что минимальное (пусть даже, го-

воря математическим языком, стремящееся к нулю) количество правовых коллизий позиций следователя и руководителя следственного органа по основным вопросам расследования само по себе не свидетельствует о необязательности их урегулирования. Корректировка нормы ч. 3 ст. 39 УПК РФ не единственный, но самый важный нормативный шаг, который должен повлечь и другие организационные меры по повышению статуса следователя.

Список литературы

1. *Кальницкий В. В.* Ведомственный процессуальный контроль за деятельностью следователей органов внутренних дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1982.
2. *Карнеева Л. М.* Привлечение к уголовной ответственности. Законность и обоснованность. М., 1971.
3. *Россинский С. Б.* Процессуальная самостоятельность следователя: миф или реальность? // Сибирский юридический вестник. 2022. № 4(99).
4. *Безлепкин Б. Т.* Настольная книга следователя и дознавателя. 2-е изд. перераб. и доп. М., 2012.
5. *Строгович М. С.* Курс советского уголовного процесса. Т. I. М., 1968.
6. *Найденев В. В.* Советский следователь. М., 1980.
7. *Гуляев А. П.* Следователь в уголовном процессе. М., 1981.
8. *Курс уголовного процесса / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Л. В. Головки.* М., 2016.
9. *Томин В. Т.* Принципы отечественного уголовного процесса как отрасли государственной деятельности: понятие, значение и система; доктринальные подходы и законодательство : лекция-монография. Н. Новгород, 2007.
10. *Томин В. Т.* Уголовный процесс: актуальные проблемы теории и практики. М., 2009.
11. *Головки Л. В.* Государство и его уголовное судопроизводство : монография. М., 2022.

Уважаемые читатели!

С помощью данного QR-кода вы сможете прочесть повесть ветерана органов внутренних дел В. П. Спиридонова «Коронки золотые».

Службу в ОВД Владимир Павлович начал в 1978 г. с должности постового милиционера патрульно-постовой службы Октябрьского РОВД г. Омска. После окончания в 1984 г. следственно-криминалистического факультета Хабаровской высшей школы МВД СССР работал следователем, старшим следователем в Исилькульском ГОВД Омской области. Затем служил на различных должностях в областном аппарате УВД Омской области. Вышел в отставку в звании полковника милиции.

Писательскую деятельность начал в 2015 г. с детской сказочной повести «Приключения Лакки из шоколадного племени и ее друзей», которая была издана отдельной книгой в феврале 2016 г. в Омском издательстве «Золотой тираж». В феврале 2022 г. тем же издательством была выпущена вторая книга «Философия любви». Готовится к изданию повесть «Так рождается фашизм». В настоящее время член Президиума областного Совета Омского регионального отделения ветеранов-пенсионеров ОВД и председатель творческого литературного клуба «ПЕГАС».

Кафедра уголовного процесса предлагает желающим принять участие в конкурсе эссе по этой повести, выбрав одну из следующих тем:

- «Начало публичности в деятельности следователя (сравнение при действии УПК РСФСР и УПК РФ)»;
- «Деятельность следователя по установлению вреда, причиненного преступлением»;
- «Институт представительства в уголовном процессе».

В эссе должны быть отражены базовые вопросы, касающиеся порядка производства отдельных следственных действий, обеспечения права на защиту, прав и обязанностей свидетеля и других участников.

Работа должна включать:

- титульный лист с указанием выбранной темы, данных об авторе;
- основную часть;
- список использованной литературы (при наличии).

Требования к оформлению: шрифт Times New Roman, 14 пт., интервал 1,5, объем от 12 до 20 л.

Эссе направлять на электронный адрес кафедры: prozess_oma@mail.ru до 1 декабря 2023 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Анешева Амина Тулегеновна — доцент кафедры криминалистики Омской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент

Бондаренко Антон Алексеевич — преподаватель кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России, кандидат юридических наук

Буряков Сергей Константинович — начальник Омской академии МВД России, кандидат политических наук

Вастьянов Дмитрий Сергеевич — первый заместитель руководителя Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Красноярскому краю и Республике Хакасия

Вастьянова Олеся Дмитриевна — доцент кафедры уголовного процесса Сибирского юридического института МВД России, кандидат юридических наук

Водяная Мария Юрьевна — доцент кафедры административного права и административной деятельности ОВД Омской академии МВД России, кандидат юридических наук

Гусев Владимир Александрович — заместитель начальника Омской академии МВД России (по научной работе), доктор юридических наук, профессор

Ефимович Ольга Павловна — заместитель начальника отдела организации дознания УМВД России по Омской области

Кальницкий Владимир Васильевич — профессор кафедры уголовного процесса, кандидат юридических наук, профессор

Коробкова Елена Евгеньевна — заместитель начальника кафедры уголовного процесса, кандидат юридических наук

Лыга Алексей Петрович — старший преподаватель кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России

Мазунин Павел Яковлевич — доцент кафедры криминалистики Омской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент

Мазунин Яков Маркиянович — профессор кафедры криминалистики Омской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор

Пупышева Любовь Андреевна — профессор кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент

Савченко Анна Николаевна — старший преподаватель кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России

Старостин Александр Александрович — старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности ОВД Омской академии МВД России

Ткачёва Екатерина Сергеевна — адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России

Шумилова Татьяна Николаевна — адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России

Янина Мария Евгеньевна — курсант 301 учебной группы факультета подготовки сотрудников полиции

ABSTRACTS AND KEY WORDS

Buryakov S. K. To the Readers of the Anniversary Issue

Gusev V. A. From the Editor-in-Chief

Administrative law and administrative procedure

Vodyanaya M. Yu., Starostin A. A. Ban on Entry into the Territory of the Russian Federation: Grounds and Decision-Making

The paper studies relevant problems arising in the course of law enforcement officials' preparing and submitting materials to make a decision on banning entry into the territory of the Russian Federation for a foreign citizen or a stateless person. Based on the analysis of legislation and law enforcement activities performed by the Internal Affairs' bodies, the authors develop a unified procedure for preparing and submitting the materials under study to make such a decision by the authorized bodies.

Keywords: migration policy, ban on entry, a foreign citizen, a stateless person, unlawful acts, police.

Criminal law

Vast'yanov D. S., Vast'yanova O. D. Suspension from Office as an Element of Restrictions Applied when Certain Actions are Prohibited

Under consideration are the essence and content of one more measure of procedural coercion in the form of suspension from office. The emphasis is given to the drawbacks of the current law with regard to regulation of the grounds of its application. The authors state its similarity to measures of suppression according to various criteria. The analysis of the current Russian legislation, legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and international experience of far-abroad and near-abroad countries made it possible to substantiate the position regarding the necessity of referring it to the measures regulated by Chapter 13 of the Crime Procedural Code of the Russian Federation.

Keywords: suspension from office, prohibition of certain actions, measures of suppression, other measures of procedural coercion.

Kalnitsky V. V., Yanina M. E. Investigation after the Expiration of the Statute of Limitations for Criminal Liability

The authors interpret the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and individual doctrinal provisions with regard to criminal procedural order concerning release from criminal liability due to the expiration of the statute of limitations. The article stresses that it is necessary to have a complex regulation of investigation after refusal of a prosecuted person to agree to termination of a criminal case on this substantive legal ground.

Keywords: statute of limitations, release from criminal liability, expiration of the statute of limitations, termination of a criminal case.

Lyga A. P. Establishing the Property subject to Arrest during Preliminary Investigation

The paper deals with the issues of establishing the property subject to arrest at the stage of preliminary investigation, its subjects being defined. The positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation concerning the possible arrest of the property of certain individuals are analyzed. The author substantiates the position of possible investigative and other procedural actions with the purpose to establish the property subject to arrest. The article studies the practice of providing security of the seized property prior to the court's consideration of the question of imposing arrest. In conclusion the author defines the salient features of the examined activity and formulates the suggestion for improving legal regulation.

Keywords: preliminary investigation, measures of operational crime detection, imposing arrest on the property, coercive measure, private and public interests, proportionality.

Savchenko A. N. Using Explanations as Evidence in Criminal Proceedings

The paper dwells on the problem of giving evidential significance to the explanations obtained during consideration of the reports about crimes. The author underlines that explanation is used by the legislator not only with regard to the stage of initiating a criminal case but also to the stage of preliminary investigation. It is stated that explanations are to be considered adequate evidence when obtained in the form established by law and provided that they contain data related to the subject of proving. It is proposed to give explanations an electronic form.

Keywords: explanations, testimony, evidence, sources of evidence, the subject of proving, initiating a criminal case, preliminary investigation, interrogation.

Tkacheva E. S. Conducting a Search in the Context of Restricting the Constitutional Right to the Inviolability of the Home

The paper is devoted to certain issues of conducting a search in the premises, peculiarities of recording its grounds, participating of a defence counsel (lawyer) as well as the person in whose premises it is conducted. The author raises the question of conducting the search without persons specified in part 11 of Art. 182 of the Crime Procedural Code of the Russian Federation, and of the order and time of informing them about the search.

Keywords: inviolability of the home, investigative actions inside the premises, participants of the investigative action, search in the premises, constitutional right.

Criminalistics

Anesheva A. T. Organizational Tactical Features of Conducting a Crime Scene Search on Facts of Revealing Signs of Crimes provided for by Art. 264¹ of the Criminal Code of the Russian Federation and Art. 264³ of the Criminal Code of the Russian Federation

The specifics of law enforcement agencies' activities related to checking reports about crimes provided for by Art. 264¹ of the Criminal Code of the Russian Federation and Art. 264³ of the Criminal Code of the Russian Federation is determined by the peculiarities of the structure of administrative prejudicial corpus of criminal offences. Crime scene search is an investigative action through which it is possible to promptly discover, record and seize the traces. Law enforcement practice requires research of organizational tactical features of conducting a crime scene search as one of the most effective means of checking the report about the crime making it possible to establish its signs. The author analyzes the current legislation and related sphere of law enforcement, and formulates criminalistics tactical recommendations for conducting this investigative action with typical initial situations taken into consideration.

Keywords: administrative prejudicial corpus delicti, checking reports about crimes, crime scene search, tactics, road traffic crimes.

Mazunin Ya. M., Mazunin P. Ya. Revealing the Organizer of the Criminal Group and Proving his Guilt is One of the Tasks of Preliminary Investigation

When conducting investigation of crimes committed in complicity it is necessary to establish the role of every accomplice in a criminal group and immediately in committing the crime, give an appropriate legal assessment of their actions. It is important to reveal the organizer of the criminal group and prove his guilt. It is determined by the fact that it is the organizer who takes responsibility for the destiny of the group and success of its activity. Under consideration are the issues devoted to the peculiarities of investigating the crimes committed by criminal groups.

Keywords: criminal group, complicity, criminal activity, role functions, organizer, proving the guilt.

Theory of criminal procedure

Korobkova E. E. Using Crime Procedural Mediation in Proceedings on Juvenile Cases: Problems of Normative Regulation and Practical Realization

The paper considers individual issues related to understanding the essence of mediation as the area of restorative justice, its possible application in criminal proceedings. The analysis of the legislation enables the author to specify the category of criminal cases, where it will be possible to apply the procedure of mediation, and stages of criminal proceedings where reconciliation can be realized.

Keywords: mediation, restorative justice, proceedings on juvenile cases, resolving the conflict, termination of a criminal case, reconciliation of the parties.

Proceedings on consideration and resolution of issues related to execution of a sentence

Pupysheva L. A. Prospects of Developing the Procedural Form of Consideration and Resolution of Issues related to Execution of a Sentence with Regard to Juveniles

The focus is made on the lack of appropriate legal regulation of considering and resolving the issues related to execution of a sentence with regard to juvenile convicts. The author mentions that crime procedural legislation contains peculiarities of the proceedings on criminal cases which can be applied to the legal relationships regulated by Chapter 47 of the Crime Procedural Code of the Russian Federation only by analogy, which contradicts the state policy conducted in the country with regard to the child concerns.

Keywords: execution of a sentence, convict, juvenile, lawyer, legal representative.

Relevant issues of law enforcement bodies' activities

Efimovich O. P., Shumilova T. N. Subdivisions of the Department of Organization of Inquiry of the Internal Affairs Body as the Subjects of Departmental Control: Concept, Areas of Activity, Main Indicators

Based on the analysis of the current legislation and law enforcement practice of the Department of Organization of Inquiry of the Directorate of the Russian Ministry of Internal Affairs in Omsk region, the authors define the concept, essence, indicators of performing departmental control. The focus is made on the powers of the officials while maintaining legality and effectiveness of the performance of territorial law enforcement bodies at a district level and their insufficiency.

Keywords: departmental control, remit, law enforcement bodies, department of organization of inquiry, inquiry officer, procedural activity, a shortened inquiry.

To assist in learning criminal procedure

Bondarenko A. A. Separation of a Criminal Case into an Individual Proceedings according to Procedural Grounds

The article dwells on the general condition of preliminary investigation, that is, separation of a criminal case, which is constantly under discussion in the course of studying the subjects “Criminal Procedural Law (Criminal Procedure)”, “Preliminary Investigation in Law Enforcement Bodies”, “Inquiry in Law Enforcement Bodies”. The methodical difficulty in comprehension of the essence and procedure for making a decision to separate a criminal case is made up of several factors. When first encountering the possible separation of criminal cases, the learners have to focus on the grounds for such a decision, which have not been appropriately studied yet, and discussion of procedural rules, due to lack of time, is narrowed down to reading normative provisions under the teacher’s guidance. Further, separation of a criminal case, as a rule, comes under discussion only as a procedural decision accompanying the subject of a particular topic (e.g., when discussing special procedure of the trial or peculiarities of investigating certain types of crimes at the lessons of the special course disciplines). All the stated above predetermines the necessity of a concentrated description of the procedure for making a decision to separate a criminal case into an individual proceedings as well as the questions to be resolved in making this decision.

Keywords: separation of a criminal case, civil lawsuit, physical evidence, multiple criminal case.

Kalnitsky V. V. Procedural Independence of an Investigator and an Inquiry Officer

The issue of procedural independence of an investigator (especially, an inquiry officer) is among the most difficult ones for learners’ comprehension. The range of opinions on this issue is quite wide: from a confident statement of the existence of procedural independence of officials conducting an investigation to a complete denial of it. Different starting points concerning the category of “independence of an investigator” hinder the comprehension, that is, what it is to be compared to, and against what level to establish the degree of this independence. If we take the independence of a judge as the basis and remember that the classical preliminary investigation is of a judicial nature, then any modern version of classifying an investigator as a non-judicial body looks obviously losing in terms of his independence, since it does not exclude (and even assumes) departmental control over investigation. If we consider the activity of an investigator and an inquiry officer from the position of the technique used in decision-making (if he is authorized to make a decision by himself or concurrence is required) and responsibility for the outcomes of the investigation, then the aspects of procedural independence are easily found and confirmed by the current regulation.

Keywords: investigator’s powers, investigator’s procedural independence, procedural independence of an inquiry officer.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Вниманию авторов журнала «Законодательство и практика»!

Редакция журнала принимает к опубликованию:

1. Статьи по проблемам законотворчества, теории уголовного, уголовно-процессуального права, криминалистики, криминологии, оперативно-розыскной деятельности. Поскольку основная направленность журнала — прикладная, предпочтение отдается статьям, в которых рассматриваются вопросы, актуальные для правоприменительной практики.

2. Комментарии ученых к законам, ответы на вопросы правоприменителей, анализ и обобщение прокурорской, следственной и судебной практики, разъяснение позиций Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации.

3. Обзоры следственной, прокурорской и судебной практики.

4. Методические рекомендации по вопросам правоприменения, а также методике и тактике расследования преступлений.

5. Опыт расследования преступлений.

6. Материалы о юристах — профессионалах своего дела.

7. Очерки истории органов предварительного расследования, прокуратуры, судов.

Требования, предъявляемые к материалам:

1. Объем рукописи, как правило, не должен превышать 0,5 п. л., включая приложения. Ответственность за точность количественных данных, цитат, фамилий, имен собственных лежит на авторах.

2. Прилагать к рукописи:

— список ключевых слов (не более семи речевых единиц);

— аннотацию.

Цель аннотации — кратко и емко выразить суть статьи. В аннотации допускается отражение структуры аннотируемого текстового материала. Объем аннотации — до 500 знаков (включая пробелы). Аннотация не должна:

— быть перифразом заглавия статьи;

— включать малоинформативные формулировки.

Перевод метаданных на английский язык осуществляется силами редакционной коллегии.

3. Автор должен указать следующие анкетные данные: фамилию, имя, отчество (полностью, а не инициалы), должность, ученую степень, ученое звание, электронный адрес, телефон.

4. Рукописи представлять на бумажном и электронном носителях (в форматах DOC, RTF или ODT, кегль 14, с параметрами страницы сверху, снизу, справа, слева — 2,5 см, межстрочным интервалом — 1,5 см).

5. Использовать сквозную нумерацию сносок, располагая их в конце статьи (концевые сноски).

6. К материалам, подготовленным преподавателями, не имеющими ученой степени, адъюнктами и аспирантами, прилагать выписку из протокола заседания соответствующей кафедры образовательной организации.

Направление в редакцию работ, опубликованных или предложенных в другие издательства, не допускается.

Представляя статью для публикации, автор (авторы) тем самым выражает согласие на размещение ее и метаданных в тех информационных системах, с которыми у издателя имеются соответствующие соглашения.

Рукописи принимаются заместителем главного редактора Пупышевой Любовью Андреевной (т. р. (3812) 75-11-28, 75-11-13, доб. 2-42, кафедра уголовного процесса Омской академии МВД России, т. с. 8-905-921-97-22). Почтовый адрес: 644092, г. Омск, пр-т Комарова, д. 7, Омская академия МВД России, редколлегия журнала «Законодательство и практика». E-mail: prozess_oma@mail.ru.

Редколлегия оставляет за собой право направлять рукописи на рецензирование или отклонять предлагаемые к публикации работы.

Все статьи публикуются бесплатно.

Приглашаем практических работников принять участие в дискуссии по наиболее важным проблемам применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

Периодичность выхода журнала — 2 номера в год.

Уважаемые коллеги!

Полнотекстовая версия журнала находится в сети Интернет на сайте Научной электронной библиотеки: <http://elibrary.ru>.

Журнал входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).